

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2023

Том 23

Выпуск 3

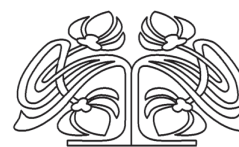
IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Перфильева М. Б., Воронцов А. В., Малявин С. Н. Современные исследовательские проблемы социологии 244

Бегинина И. А. Социально-демографические факторы проблем с трудоустройством региональной молодежи 250

Великий П. П., Дакирова С. Т. Социодинамика мира сельских сообществ российской деревни 263

Коблева З. Х. Незарегистрированный брак в оценках молодежи в условиях трансформации российского общества 271

Баландина Т. М., Быченко Ю. Г. Модернизация образовательного потенциала в условиях частичной военной мобилизации в России 276

Малый В. И., Гусев В. В. Имитационная деятельность в сфере инноваций и оборонно-промышленного комплекса как угроза экономической безопасности современной России 284

Антонова О. Г. Манипуляция как феномен информационного общества 289

Шекунова Ю. О. Опыт обращения к превентивным биотехнологиям в рамках заботы о себе и близких (по результатам эмпирического исследования) 294

Политология

Рукавицын П. М. Российско-германское сотрудничество в сфере энергетики: смена парадигмы и ее экономические и политические последствия для ФРГ 303

Kazakov A. A., Vilkov A. A., Shestov N. I. Attitude of Russian youth to the special military operation in Ukraine: Impact of media practices [Казаков А. А., Вилков А. А., Шестов Н. И. Отношение российской молодежи к СВО: влияние медийных практик] 313

Кузнецов И. И., Вантеевский М. М. Теоретико-методологические основания изучения современных антиутопий: политические идеологии как социальные альтернативы в художественной литературе 325

Слово молодым политологам

Афанасьева К. А. Политический интерес Российского государства к участию в образовательных реформах: проблема невысказанности 334

Сайгушинская С. А. Государственное регулирование деятельности иностранных агентов в Российской Федерации: эволюция отраслевого закона в 2012–2022 гг. 341

Антонов Р. А. Внешнеполитическая стратегия правящих элит США в XXI веке: Индо-Тихоокеанский регион 349

Приложение

Представляем книгу

Корепанов Б. О. Ретроспективный анализ и перспективы развития оперативного мышления НАТО 357

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.08.2023.

Подписано в свет 31.08.2023.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 100 экз. Заказ 95-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Perfiljeva M. B., Vorontsov A. V., Malyavin S. N.** Modern research problems of modern sociology 244
- Beginina I. A.** Socio-demographic factors of the regional youth employment 250
- Veliky P. P., Dakirova S. T.** World sociodynamics of rural communities in the Russian village 263
- Kobleva Z. Kh.** Unregistered marriage in the assessments of young people under the conditions of Russian society transformation 271
- Balandina T. M., Bychenko Y. G.** Modernization of the educational potential under the conditions of partial military mobilization in Russia 276
- Maliy V. I., Gusev V. V.** Imitation activity in the field of innovation and the military-industrial complex as a threat to the economic security of modern Russia 284
- Antonova O. G.** Manipulation as a phenomenon of the information society 289
- Shekunova Yu. O.** The experience of applying preventive biotechnologies as part of caring for family members (on the basis on the empirical study results) 294

Politology

- Rukavitsyn P. M.** Russia-Germany energy cooperation: How paradigm change affects Germany's economy and politics 303
- Kazakov A. A., Vilkov A. A., Shestov N. I.** Attitude of Russian youth to the special military operation in Ukraine: Impact of media practices 313
- Kuznetsov I. I., Vanteevsky M. M.** Theoretical and methodological bases for the study of modern anti-utopias: Political ideologies as social alternatives in art literature 325

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Afanasyeva K. A.** Political interest of the Russian state in participation in educational reforms: The problem of unspokenness 334
- Saygushinskaya S. A.** State regulation of activities of foreign agents in the Russian Federation: Evolution of the industry law in 2012–2022 341
- Antonov R. A.** The foreign policy strategy of the US ruling elites in the 21st century: Indo-Pacific region 349

Appendix

Presentation of the Book

- Korepanov B. O.** Retrospective analysis and prospects for further development of NATO operational thinking 357

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Темаев Тимур Вадудович, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY"**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Timur V. Temaev (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhhan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

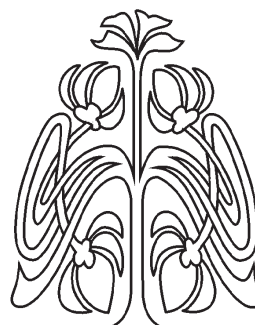
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

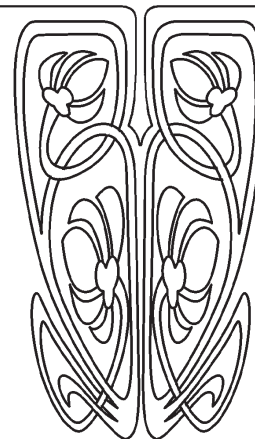
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 244–249

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 244–249

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-244-249>

EDN: MSCCMK

Научная статья

УДК 316.334.22:303.1

Современные исследовательские проблемы социологии

М. Б. Перфильева^{1,2}✉, А. В. Воронцов¹, С. Н. Малявин¹

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Перфильева Марина Борисовна, доктор социологических наук, доцент, ¹профессор кафедры социологии, ²профессор кафедры философии и общественных наук, rmb511@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6187-7557>

Воронцов Алексей Васильевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, vorontsov.spb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0194-7293>

Малявин Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии, malyavins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3682-1156>

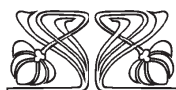
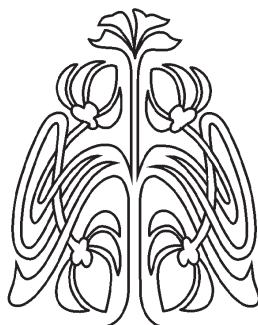
Аннотация. В статье рассматриваются три исследовательские проблемы, которые авторы считают ключевыми для современной социологии. Это связано с тем, что современный мир породил новые отношения между людьми, новую технику, используемую человеком, – все это ставит перед социологией новые научные проблемы, требующие своего исследования. Некогда классики социологии XIX в. показали важнейшие ориентиры для социальных наук, что можно выразить идеей – не только изучать, но и изменять, а перед тем как изменять, обязательно изучить и понять. Но этими тремя исследовательскими проблемами, само собой, социология не исчерпывается. Прежде всего, авторы обращают внимание на то, что современный мир, понимаемый как социальная система, нуждается в теоретическом объяснении на основании фактов и реалий настоящего времени. А современная социологическая картина мира испытывает потребность в ревизии и переосмыслении на основе непредвзятого анализа предшествующих социологических теорий. Другое направление, или вторая сфера социологической проблематики – разработка прикладных теоретических оснований, или «теорий среднего уровня» для эмпирических методов исследований. Особенно это необходимо для эмпирических исследований в современных учреждениях и предприятиях способов совершенствования организации интеллектуального труда. И третье важное направление – сами эмпирические методы нуждаются в совершенствовании в связи с изменившимися условиями сбора и переработки информации. Это связано с тем, что интернет-опросы, практически вытеснили личные опросы, возникают новые формы наблюдения, появились цифровые способы анализа документов. В этой связи возникают новые требования к формированию репрезентативной выборки, усложняются способы создания валидного инструментария.

Ключевые слова: исследовательские проблемы, социология, информационный мир, организация труда, теория среднего уровня

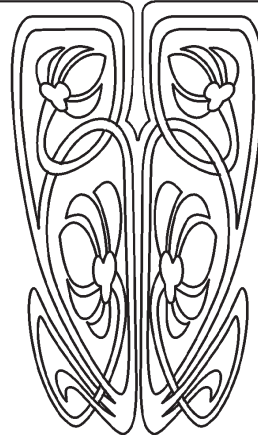
Для цитирования: Перфильева М. Б., Воронцов А. В., Малявин С. Н. Современные исследовательские проблемы социологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 244–249. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-244-249>, EDN: MSCCMK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© Перфильева М. Б., Воронцов А. В., Малявин С. Н., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Modern research problems of modern sociology

M. B. Perfiljeva^{1,2}✉, A. V. Vorontsov¹, S. N. Malyavin¹

¹The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg 191186, Russia

²Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24 Sibirskaya St., Perm 614990, Russia

Marina B. Perfiljeva, pmb511@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6187-7557>

Aleksey V. Vorontsov, vorontsov.spb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0194-7293>

Sergey N. Malyavin, malyavins@mail.r, <https://orcid.org/0000-0002-3682-1156>

Abstract. The article deals with three research problems that the authors consider to be the key ones for modern sociology. This is due to the fact that the modern new world has given rise to new relationships between people and new techniques used by them – put forward new scientific problems for sociology. Once the classics of sociology of the 19th century showed the most important guidelines for the social sciences, which can be expressed by the idea - not only to study, but also to change, and before changing to understand. But these three – research problems, of course, are not the limit for sociology. First of all, and this is the first thing, the authors draw attention to the fact that the modern world, understood as a social system, needs a theoretical explanation based on modern facts and realities of the present time. And the modern sociological picture of the world is in need of revision and rethinking, relying on previous sociological theories. The another direction, or the second sphere of sociological problems, is the development of applied theoretical foundations, or “middle level theories” for empirical research methods. This is especially necessary for empirical research in modern institutions and enterprises aimed at improving the organization of intellectual work. And the third important direction is that is the empirical methods themselves need to be improved in connection with the changed conditions for collecting and processing information. This is due to the fact that Internet surveys have practically replaced personal surveys, new forms of observation are emerging, and digital methods of document analysis have appeared. In this regard, new requirements arise for the formation of a representative sample and the methods for creating valid instruments.

Keywords: research problems, sociology, information world, labor organization, middle-level theory

For citation: Perfiljeva M. B., Vorontsov A. V., Malyavin S. N. Modern research problems of modern sociology. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 244–249 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-244-249>, EDN: MSCCMK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Почти четверть века, как человечество перешло в новое тысячелетие. Мир кардинально преобразуется. Уже выросло поколение, которое не представляет себе существования без мобильных телефонов, интернета и компьютеров. Живые коммуникации между людьми заменяют социальные сети. Это позволяет человеку связываться с другими людьми за тысячи километров. Формально интенсивность человеческой коммуникации возросла на порядок. Но, как ни странно, происходит отдаление людей друг от друга. Личная коммуникация исчезает и становится исключительно опосредованной. Таков новый мир.

И этот новый мир, новые отношения между людьми, новая техника, используемая человеком, – все это ставит перед социологией новые научные проблемы, требующие своего исследования. Некогда О. Конт и К. Маркс показали важнейшие ориентиры для социальных наук. К. Маркс: «Мыслители прошлого лишь различным образом объясняли мир. Но дело заключается в том, чтобы изменить его» [1, с. 3]. О. Конт: «...справедливая оценка различных недостатков, свойственных действительному устройству реального мира, должна, таким образом, отныне рассматриваться как

присущая положительной философии, чтобы лучше познать как наше основное состояние, так и существенное назначение нашей непрерывной деятельности» [2, с. 29].

Важная задача в этой связи стоит перед современной социологией – исследовать риски нашего времени [3, с. 51] и проблемы, их создающие. И особенно это важно для социологии управления, которая призвана не только изучать состояния систем управления, но и вырабатывать средства совершенствования этих систем управления для того, чтобы они на основе научных разработок могли успешно «изменять мир».

Общий комплекс **исследовательских проблем**, вставших перед современной социологией и особенно перед социологией управления, по мнению авторов, можно квалифицировать следующим образом:

– *общетеоретические*, соприкасающиеся с социальной философией;

– «*теории среднего уровня*» [4, с. 64], согласно подходу, выработанному Робертом Мертоном, или теории, представляющие собой «маршрутный лист» для эмпирических исследований;

– совершенствование *эмпирических социологических методов*.

Общетеоретическая исследовательская проблема социологии, соприкасающаяся с социальной философией

Новая информационная эпоха пришла на смену индустриальной. Современное состояние общества, информационного, принципиально отличается от предшествующего – индустриального. Уходят в небытие две формы индустриального общества – капиталистическая и социалистическая [5, с. 26–41; 6, с. 31–52]). И это достаточно ярко демонстрируют самые передовые страны мира, каждая из которых прошла свой путь индустриального общества. США – капиталистический, КНР – социалистический.

Современные США – это уже не капитализм с его необузданным рынком, подавляющим преобладанием частной собственности, эксплуатацией пролетариата. В современной Америке уже нет эксплуатации пролетариата, да и самого пролетариата не осталось. Сотрудники многих крупных предприятий, как правило, сами акционеры этих предприятий, хотя они миноритарные собственники, но собственники. Созданы различные формы участия в управлении. Да и труд физический почти исчез, сменившись трудом оператора, который в большей мере использует не столько руки, сколько свой интеллект. Частную собственность в классическом виде можно увидеть, скорее, в фермерских хозяйствах. Собственность крупнейших корпораций – это что-то иное, нежели частная собственность. Свободный рынок XIX–XX вв. исчез. То, что существует сегодня, – рынок, но пока неизученный. Все это свидетельствует о том, что из капиталистического механизма устранены его классические составляющие.

Китай начал свой индустриальный путь при помощи нашей страны и поэтому сформировал классическую социалистическую модель индустриального общества к середине XX в. Но современный Китай – это уже не социализм: здесь нет монополии плановой экономики, нет и господства государственной собственности. Заметим, что в Китае и в эпоху классического социализма существовали сферы, где функционировал свободный рынок. А в настоящее время прекрасно существуют параллельно и рыночная система, и распределительная. Здесь наблюдается исчезновение или размывание базовых основ социалистического общества.

Современные США и КНР – это новые социально-экономические формы, которые не

смогли бы возникнуть в индустриальном мире. И эта проблема требует своего социологического изучения.

О конвергенции социализма и капитализма еще в 60-е гг. XX в. писал Дж. Гэлбрайт [7]. Но то, что происходит в настоящее время, – это не то, о чем писал в своем социально-экономическом прогнозе американский ученый. Здесь есть не просто «проникновение» друг в друга экономических моделей. Нам представляется, что сформировалась новая системообразующая платформа. Ее структурной основой являются не заводы, станки и промышленный труд – то, что прежде составляло основу индустриального мира. Основой информационного мира является техника, которая обеспечивает движение и переработку информации [8].

Не социализм и капитализм проникают в друг друга, а новый мир, мир информационный, «подтягивает» к себе те структуры прежнего индустриального мира, которые наиболее подходят ему. При этом информационный мир опирается, главным образом, на те экономические, политические, культурные структуры, которые оказались более адаптивны к этому новому миру. И не важно, являются ли эти структуры «капиталистическими» или «социалистическими». Все это свидетельствует о том, что, отталкиваясь от прежних социальных теорий, разработанных выдающимися мыслителями XIX–XX вв., следует разрабатывать новые теоретические подходы, необходимые и для понимания современного общества, и для управления им.

Итак, исследовательская проблема: *разработка теории современного информационного общества.*

«Теория среднего уровня»

По мнению Р. Мертона [4, с. 64], для социологии весьма важно выработать теоретические модели, представляющие собой базовую матрицу для эмпирических исследований. И это особенно актуально в настоящее время, поскольку идет новая – четвертая – промышленная революция. Написано много книг, где основной акцент делается на новую технику, искусственный интеллект. Но есть еще один аспект, для социологии важнейший, и особенно для социологии управления, – это комплекс проблематики, относящийся к организации труда.

Для пояснения кратко рассмотрим основные исторические вехи прогресса организации труда в становящемся индустриальном мире. В XV в. в Москве возникла мануфактура Пушеч-

ный двор. Она стала первой после крушения цивилизаций Античного мира. Мануфактура была создана Аристотелем Фьораванти, который соединил знания итальянских специалистов и русских мастеровых [9, с. 64]. Это была новая организация труда, тогда еще использующая рутинные производственные орудия. Русские мастеровые являлись специалистами по выполнению этими инструментами определенных производственных операций. В нашей стране с незапамятных времен сложилась такая форма организации труда, как артель. Достоверных данных об организации труда в первых артелях Руси не найдено. Но сама по себе артель строилась на разделении примерно равных трудовых обязанностей между примерно равными по квалификации участниками. Это является горизонтальной организацией труда, что представляет собой предпосылку к возникновению мануфактуры. Возможно, мануфактура родилась из слияния европейских технологий итальянский инженеров и опыта трудового взаимодействия русских артельщиков.

От первой мануфактуры и начнется рост индустриального общества. Именно потому, что мануфактура нуждалась в большом количестве энергии для своего функционирования. Человеческой физической силы и даже физической силы животных для мануфактуры не хватало.

Сначала в энергию преобразовали доступные силы природы – ветер и поток воды. А затем появился и паровой двигатель, а за ним и бензиновые, дизельные и электрические двигатели. Мануфактура дала невероятный толчок техническому прогрессу, приведшему к первой машинной революции.

Машинная революция, используя мощные двигатели, осталась с той же организацией труда, как и на мануфактуре, где использовались рутинные орудия труда. Нарастала необходимость в новой промышленной революции – в революции менеджмента, в революции организации труда.

С этой революцией в организации труда связано множество имен, но отметим только два имени, от которых напрямую зависел резкий скачок в росте производительности труда. Генри Форд в Америке совершил переворот в организации труда, создав конвейер. Алексей Григорьевич Стаханов (и те неизвестные инженеры, которые стояли за ним) совершил переворот, внедрив новую форму организации труда шахтеров в нашей стране, и побудил советских трудящихся к разработке новых форм организации труда [10].

Революция в организации труда, или, как ее еще называют, революция менеджмента, или Индустрия 2.0 – это новая прогрессивная организация труда в условиях господства машинного производства. Организация труда валидная именно машинному производству.

Но пришла третья промышленная революция (Индустрия 3.0) – интернет, мобильная связь, роботизация. Производственный процесс коренным образом изменился. Для примера: если в XX в. на разработку продукта тратилось от 5 до 20% времени, а остальное использовалось на производство, то сейчас на разработку продукта уходит до 80% и более, а остальное время – на производство [11].

Сама производственная деятельность стала другой. А вот организация труда осталась той же, что была когда-то и на заводе Форда, и на донбасской шахте Ирмино. Новые «орудия труда» требуют и новой организации труда [12]. К примеру, труд преподавателя – труд с современными орудиями труда. А вот оценка и организация нашего труда такая же, как и в прошлом веке.

Поиск новых форм организации труда, валидных существующим условиям и инструментам трудовой деятельности, – это социологическая проблема, которая также требует своего решения. Это базовая проблема для разработки теории среднего уровня, теории – инструмента исследования современного труда и выработки адекватных этому труду форм организации.

Проблема социологических методов

Социология – наука, возникшая в XIX в. и сразу заявившая о своем новом научном методе. Но уже к рубежу XIX–XX вв. началась дискуссия, инициированная М. Вебером [13, с. 603] и Э. Дюркгеймом [14], о роли эмпирии, теории и методов. И если проблема метаметода в целом решена, и мы стоим на почве тектологии (синергетики, системности) и применяем это в практике эмпирических исследований [15], то проблема методов только обострилась.

Рассмотрим современный ракурс проблемы метода. В свое время еще Э. Дюркгейм [14] показал, что в чистом виде позитивный (естественнонаучный) метод не может быть применен, так как субъект-исследователь, желаем мы того или нет, влияет на объект социологического исследования). Именно поэтому он и сформулировал принципы *непредвзятости*. В дальнейшем, в 30-е гг. XX в., основатель политической эмпирической социологии доктор Д. Гэллуп [16] разработал принцип *репрезентативности*.

На сегодня есть острая необходимость сформировать единый системный методический комплекс, выстраивающий базовые принципы эмпирической социологии в скалярную цепь. Или, другими словами, создать такой социологический метод, который будет описывать ряд последовательных процедур, а сами процедуры – основываться на базовых эпистемологических принципах социологии.

К этому добавим как минимум две новые проблемы: первая – проблема репрезентативности иерархически организованных совокупностей; вторая – метод интернет-опросов

Первая проблема обнаружена профессором К. О. Магомедовым [17]. Суть ее в том, что если мы получили случайную (т.е. научную, с опорой на теорию вероятности) и репрезентативную выборочную совокупность в каком-либо массиве генеральной совокупности, то результаты могут быть в лучшем случае неточными, а иногда и катастрофически неадекватными. Это происходит при определенных условиях, очень часто при социологических исследованиях электорального поведения (впрочем, не только).

Приведем пример. Если наша генеральная совокупность – жители какого-либо спального района, и мы определяем опрашиваемую совокупность методом случайной выборки, то мы получим репрезентативную выборку. Наши данные, полученные в ходе опроса, будут соответствовать действительности. Другой пример, если у нас в качестве генеральной совокупности выступает, предположим, воинское подразделение (полк, дивизия и т.п.) с его строго организованной системой иерархии. Тогда мы определим опрашиваемую совокупность методом случайной выборки, но в ходе опроса можем получить некоторый разброс мнений. Однако реальные действия наших респондентов окажутся далеки от выявленных мнений. Данный факт очень часто объясняют либо идеологически, либо пропагандистски. Задача социолога – разработать адекватный метод репрезентативной выборки иерархической совокупности.

Следует отметить, что в современных условиях старые методы сбора данных уже не действуют. Можно с уверенностью говорить, что метод поквартирного опроса умер. Телефонный опрос – аналогичная проблема. Если кто-то и пытается сегодня его реанимировать, и если даже удастся обеспечить в полной мере случайную репрезентативную выборку, то освоить выборочную совокупность все равно невозможно, поскольку значительная часть респондентов

либо не возьмут трубку, либо откажутся вообще разговаривать, либо прервут разговор на половине. И те данные, которые мы получим, или придется признать неадекватными, или проявить чудеса ремонта выборки по полученным анкетам.

И вот на смену традиционным техникам опроса сегодня пришел другой – интернет-опрос [18]. Но в большинстве таких опросов данные даже не подвергаются ремонту выборки и результаты потрясают своей оторванностью от реальности. Пример: блогер получает отклик на свои выступления – почти ВСЕ высоко ценят его выступления! О чем он с гордостью сообщает своей аудитории (понятно, те кто его не ценит, они на его канал и не заходят). Или известный и популярный сайт перед последними президентскими выборами проводит опрос и получает результат – 80% голосов будет отдано ... Явлинскому!?

В чем здесь суть проблемы? При проведении опроса мы очень часто не имеем представления о том, кто окажется в выборочной совокупности. А значит, первое, с чего мы должны начать, – выявить, что за опрошенная совокупность у нас получилась и какое отношение она имеет к генеральной совокупности. Это еще одна проблема, требующая своего научного решения.

Существует еще ряд проблем создания или усовершенствования эмпирических методов: это и метод оценки медиа-данных, и определение надежности медиа-источника, и выявление фейков, и многие другие проблемы эмпирических методов.

Итак, современный быстро меняющийся мир ставит перед социологией в целом ряд проблем, нуждающихся в исследовании. Отметим те из них, которые удалось выявить авторам.

Отметим, прежде всего, что современный мир, система социальных отношений, коммуникации нуждаются в *теоретическом объяснении* на основе современных фактов, а также непредвзятого анализа предшествующих социологических теорий. И вряд ли теории прошлого, использованные в «чистом» виде, будут для нас валидными. Поэтому, как современный информационный мир отбирает для себя наиболее подходящее из того, что было накоплено в индустриальном мире, так и задача современной социологии – отбирать из теорий прошлого наиболее пригодные для настоящего времени научные позиции. Авторы обращают особое внимание на то, что положения теорий

прошлого ни в коем случае не должны рассматриваться с точки зрения их идеологической или политической ценности актуальной конъюнктуры. Эти теории должны рассматриваться исключительно с точки зрения валидности для характеристики современного мира. И именно на это должны быть направлены *теоретико-социологические* изыскания.

Другое важное направление в сфере социологических теорий среднего уровня – разработка прикладных теорий, выступающих теоретическими основаниями эмпирических методов исследований современной *организации труда*, главным образом, труда интеллектуального и особенно – труда разработчиков перспективных проектов. А для коллег – преподавателей, ученых – также не менее значимо найти валидные для нашего времени модели организации труда.

И третье направление – сами эмпирические методы нуждаются в совершенствовании в связи с изменившимися условиями сбора и переработки информации.

Авторы полагают, что рассмотренный набор исследовательских проблем отнюдь не является полным. Вполне возможно, есть и другие исследовательские проблемы, оставшиеся вне сферы данного обзора. Но и выделенные нами исследовательские проблемы, и еще не описанные – это, с одной стороны, научные задачи социологии, а с другой – перспективы диссертационных исследований.

Список литературы

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. : в 50 т. Т. 3. М. : Госполитиздат, 1955. С. 1–4.
2. Конт О. Дух позитивной философии: (слово о положительном мышлении): с портретом автора / пер. с фр. И. А. Шапиро. СПб. : Вестник знания (В. В. Битнера), 1910. 80 с. (Библиотека для саморазвития).
3. Ивченков С. Г. Современные риски: проблема типологизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 49–51. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2011-11-4-49-51>, EDN ONTLDJ
4. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ ; Хранитель, 2006. 873 с.
5. Захаров Н. Л., Кузнецов А. Л. Управление социальным развитием организации : учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Управление персоналом». 2-е изд., доп. и перераб. М. : ИНФРА-М, 2015. 206 с. (Высшее образование. Бакалавриат).
6. Захаров Н. Л., Кузнецов А. Л., Перфильева М. Б. Становление современной системы трудовых отношений. Ижевск : Изд-во ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2020. 168 с. EDN USQSOE
7. Гэлбрайт Дж. Новое индустриальное общество : пер с англ. М. : АКТ ; СПб. : Транзиткнига, 2004. 606 с. (Philosophy).
8. Захаров Н. Л., Кузнецов А. Л., Перфильева М. Б. «Революционные» тренды на рынке труда // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. Т. 10, № 6. С. 68–71. <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-10-6-68-71>, EDN: YQXIVF
9. Ионов В. В. Первая пушечно-литейная мануфактура в Москве. К 530-летию начала широкой организации пушечно-литейного дела в России // Военно-исторический журнал. 2005. № 10. С. 56–57.
10. Захаров Н. Л. Социологический анализ советской партийной кадровой политики // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. Т. 6, № 6. С. 14–18. https://doi.org/10.12737/article_5a438ae4748ba0.60151642, EDN VTQDUT
11. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. М. : Альпина Паблишер, 2014. 470 с.
12. Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиа-коммуникациями / Н. Л. Захаров, Н. Н. Покровская, Т. В. Сметанина [и др.]. СПб. : Изд-во ВВМ, 2022. 198 с. EDN ZLHNGO
13. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
14. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение : пер. с фр. М. : Канон, 1995. 350 с.
15. Захаров Н. Л., Пономаренко Б. Т., Перфильева М. Б. Управление настроем персонала в организации : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2018. 287 с. (Высшее образование). EDN DIDDFJ
16. Воронцов А. В., Глотов М. Б., Громов И. А. История зарубежной социологии : учеб. пособие для академического бакалавриата / под общ. ред. М. Б. Глотова. М. : Юрайт, 2018. 195 с. (Бакалавр. Академический курс. Модуль). EDN UQBNDQ
17. Магомедов К. О. Модель мониторинга влияния социальных факторов на эффективность работы государственных гражданских служащих // Материалы IX Международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир» (Москва, 20–21 марта 2019 г.) / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : АО «ВЦИОМ», 2019. С. 194–199. EDN BEFZVN
18. Фомин А. А. Разработка алгоритма для сбора социологических данных из онлайн-сообществ университетов в социальной сети ВКонтакте // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–417. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-413-417>, EDN MIGCQE

Поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 16.05.2023
The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 16.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 250–262

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 250–262

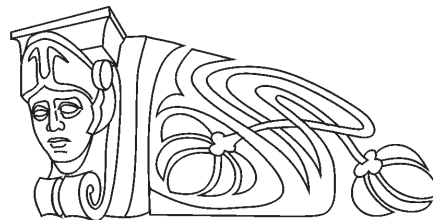
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-250-262>, EDN: MZGONN

Научная статья

УДК 316.353

Социально-демографические факторы проблем с трудоустройством региональной молодежи

И. А. Бегина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бегина Ирина Александровна, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии регионов, begininaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3944-5237>

Аннотация. В статье представлены результаты социологического мониторинга, проведенного методом анкетирования в Саратове в 2022 г. По вероятностной квотной выборке было опрошено 480 человек в возрасте от 18 до 30 лет. Критерии отбора – пол, возраст. Результаты обрабатывались в программе SPSS. Исследование показало, что саратовская молодежь в основном отличается патерналистскими настроениями при трудоустройстве, но в зависимости от пола, возраста и семейного положения имеет существенные расхождения в своих ориентациях и проблемах. Так, гендерный фактор проявляется в том, что юноши более активны на региональном рынке труда. Однако они чаще сталкивались с проблемой низкой заработной платы при больших объемах работы. Характеризуя уровень сложности трудоустройства на работу, большинство девушек отмечали, что это очень трудно в силу отсутствия опыта. От работы они чаще ожидают продвижения по карьерной лестнице. Им хотелось бы получить помощь в трудоустройстве от учебных заведений, однако в реальности при поиске работы они чаще прибегают к помощи государственных структур. Не меньшее значение играет возрастной фактор. Под его влиянием юная молодежь до 24 лет чаще старших сохраняла приверженность к своему месту работы, сопрягая ее с повышением своего образования, поиском работы именно по специальности. Эта возрастная категория больше ориентирована на индивидуальные достижения, отражаемые в размерах заработка. Проблемы с трудоустройством реже возникали у юных саратовцев, чем у зрелой молодежи. Для них проблематичнее всего отсутствие опыта. Основная трудность – найти работу с гибким графиком работы. Повышенной мобильностью и требовательностью к работе отличаются 25–30-летние. Зрелая молодежь больше заботится о реализации своего внутреннего потенциала и социальном признании со стороны окружающих. Они чаще заявляли о высоком уровне сложности трудоустройства. Чем старше, тем чаще они сталкивались с проблемами низкой заработной платы, отсутствием опыта, большими объемами работы. Только они стоят на учете на бирже труда, ожидая помощи в трудоустройстве от вуза. Семейный статус также влияет на характер трудоустройства молодежи. Он способствует стабильному отношению к работе. Те, кто живут без регистрации брака, как и несемейные молодые люди, чаще не работают и ищут работу по специальности. Их в 6 раз больше других заботит величина заработка. Они более ориентированы на самостоятельность в трудоустройстве. Холостая и незамужняя молодежь чаще других ищет работу с прицелом на карьерный рост.

Ключевые слова: молодежь, проблемы трудоустройства, социально-демографические характеристики, пол, возраст, семейный статус, работа

Для цитирования: Бегина И. А. Социально-демографические факторы проблем с трудоустройством региональной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 250–262. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-250-262>, EDN: MZGONN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-demographic factors of the regional youth employment

I. A. Beginina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Beginina, begininaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3944-5237>

Abstract. The article presents the results of sociological monitoring conducted by the method of questioning in Saratov in 2022. According to the probabilistic quota sample, 480 people from 18 to 30 years old were interviewed. The selection criteria are gender and age. The results were processed in the SPSS program. The study showed that Saratov youth are mainly distinguished by paternalistic moods in employment, but, depending on gender, age and marital status, they have significant differences in their orientations and problems. So the gender factor is manifested in the fact that young men are more active in the regional labor market. However, they were more likely to face the problem of low

wages with large amount of work. Describing the level of difficulty in finding a job, most girls noted that it is very difficult due to lack of experience. They would like to get help in finding employment from educational institutions, but in reality, when looking for a job, they often resort to the help of government agencies. Not less important is the age factor. Under its impact, young people under the age of 24 more often than the elders remained committed to their place of work, combining it with improving their education and finding a job in their specialty. They are more focused on individual achievements, reflected in the size of salaries. Problems with employment were less common among young Saratov residents than among mature youth. For them, the most problematic thing is the lack of experience. The main difficulty is to find a job with a flexible work schedule. 25–30 year olds are characterized by increased mobility and demanding work. Mature youth care more about the realization of their inner potential and social recognition from others. They more often stated a high level of complexity of employment. The older faced the problems of low wages, lack of experience and large amount of work more often. Only they are registered at the labor exchange, waiting for assistance in employment from the university. Marital status also affects the employment patterns of young people. It contributes to a stable attitude to work. Those who live without marriage registration, as well as non-family young people, often do not work and are looking for work in their specialty. They are 6 times more concerned about the amount of earnings than others. They are more often focused on independence in employment. Single and unmarried youth are more likely than others look for work aimed at career growth.

Keywords: youth, employment problems, socio-demographic characteristics, gender, age, family status, work

For citation: Beginina I. A. Socio-demographic factors of the regional youth employment. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 250–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-250-262>, EDN: MZGONN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время российское общество находится в непростой социально-политической и экономической ситуации. Молодежный рынок труда характеризуется негативными тенденциями: растут масштабы регистрируемой и скрытой безработицы среди молодежи, увеличивается ее продолжительность. Трудоустройство молодежи является сложной и актуальной проблемой, так как спрос на молодую рабочую силу без опыта работы и дополнительных навыков невелик. Решение проблемы трудоустройства ложится на плечи не только самой молодежи как заинтересованного субъекта, но и на государственные и негосударственные учреждения. Поэтому данные вопросы находятся в сфере постоянного внимания ученых.

Сегодня социологи изучают отношение молодежи к труду [1], субъективное восприятие молодежью своего труда (М. А. Гришина [2]), гендерные особенности трудовых процессов молодежи (Ю. А. Зубок, О. В. Сорокин, В. И. Чупров [3]). Немало внимания уделяется социальным проблемам труда и занятости молодежи (С. Ю. Демиденко [4], А. Ю. Гайфуллин [5], М. Ф. Черныш [6], А. В. Ярашева [7]), особенно вопросам ее трудоустройства (Ю. В. Голиусова [8], Е. С. Попова [9],

М. Ф. Черныш [10]). Однако субъективные характеристики молодежи, включая социально-демографические, изучены пока еще недостаточно.

В ходе исследования, проведенного в 2022 г., изучающего проблемы трудоустройства молодежи города Саратова, по вероятностной квотной выборке было опрошено 480 человек в возрасте от 18 до 30 лет. Критерии отбора – пол, возраст. В соответствии с выборкой 49,5% юношей и 50,5% девушек. Что касается возраста, то для успешного анализа все респонденты были поделены на две категории: юные (до 24 лет) – 44,5% и зрелые (25–30 лет) – 55,5%, в силу того, что у разных возрастных групп предполагаются различные проблемы с трудоустройством.

Из данных табл. 1 мы видим, что среди опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет 57,1% учатся, 16,3% работают, 14,3% являются безработными и 12,2% совмещают работу с учебой. Таким образом, для большинства из этой возрастной категории трудоустройство откладывается до окончания учебы, но для 42,8% это является актуальной проблемой. Среди возрастной категории 25–30 лет 54,6% работают, 19,6% учатся, 14,4% являются безработными и 11,3% респондентов совмещают работу с учебой.

Таблица 1

Зависимость вида деятельности от возраста молодежи, % по возрасту

Вид деятельности	Возрастные группы		По выборке
	юные	зрелые	
Учатся	57,1	21,3	37,3
Работают	16,3	60,7	40,9
Совмещают учебу с работой	12,2	11,5	11,8
Безработные	14,3	4,9	9,1
Затруднились с ответом	–	1,6	0,9
Итого	100,0	100,0	100,0

При этом доля учащихся юношей немного больше, чем среди девушек (38,3% против 36,1%), они чаще совмещают работу с учебой (14,3% против 9,8%). Среди девушек больше ра-

ботающих (42,6% против 38,8%) и безработных (9,8% против 8,2%). Можно предположить, что для 61,8% молодежи трудоустройство – очень актуальная проблема (табл. 2).

Таблица 2

Влияние гендера на характер деятельности молодежи, % по полу

Вид деятельности	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Учатся	38,8	36,1	37,3
Работают	38,8	42,6	40,9
Совмещают учебу с работой	14,3	9,8	11,8
Безработные	8,2	9,8	9,1
Затруднились с ответом	–	1,6	0,9
Итого	100,0	100,0	100,0

Юноши чаще работают по специальности (32,7% против 25,5% по выборке), у большинства девушек работа не связана профессией, по кото-

рой они учились (47,5% против 46,9% среди юношей). Они в полтора раза чаще не имеют работы (2,8% против 20,4% среди юношей) (табл. 3).

Таблица 3

Влияние гендера на наличие работы по специальности молодежи, % по полу

Работа по специальности	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Да	32,7	19,7	25,5
Нет	46,9	47,5	47,3
Не работают	20,4	32,8	27,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Семейный статус также влияет на характер занятости молодежи (табл. 4). Так, по специальности чаще других работают семейные молодые люди (38,9% против 25,5% по выборке) и разведенные (33,3%). Не по полученной профессии работают чаще других разведенные

(66,7% против 47,3% по выборке) и семейные молодые саратовцы (55,6%). Не работает каждый второй, живущий вне зарегистрированного брака, и 40,0% внебрачной молодежи. Здесь, вероятно, речь идет о самой юной части молодого поколения.

Таблица 4

Влияние семейного статуса на наличие работы по специальности молодежи, % по семейному положению

Работа по специальности	Семейное положение				По выборке
	женат / замужем	холост / не замужем	разведен / разведена	сожительство	
Да	38,9	18,3	33,3	12,5	25,5
Нет	55,6	41,7	66,7	37,5	47,3
Не работают	5,6	40,0	–	50,0	27,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Среди юной молодежи большинство (53,1%) не работают, 40,8% работают не по специальности и только 6,1% работают по той профессии, которой обучались (табл. 5). В старшей возрастной группе молодежи большинство

(52,5%) работают не по специальности, 41,0% трудятся в соответствии с полученной профессией и только 6,6% не работают. Таким образом, характер занятости значительно зависит от возраста молодежи.

Таблица 5

**Влияние возраста на наличие работы по специальности молодежи,
% по возрасту**

Работа по специальности	Возрастные группы		По выборке
	юные	зрелые	
Да	6,1	41,0	25,5
Нет	40,8	52,5	47,3
Не работают	53,1	6,6	27,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Среди молодых саратовцев, желающих поменять работу, 23,0% планируют сделать это в текущем году, 40,0% – через два года, 30,0% – через пять лет, 7,0% – через 10 лет. Данные результаты показывают, что в основном молодежь не торопится реализовать свои планы по смене места работы, потому что боится его потерять и остаться без работы вовсе.

Из данных табл. 6 видно, что среди опрошенных мужского пола 45,3% сменили за свою жизнь около одного–двух мест работы, 29,5% – около трех–пяти, 12,6% – не меняли место работы, 6,3% – еще не работали и столько же респондентов сменили более пяти мест ра-

боты. Среди респондентов женского пола 37,1% за свою жизнь сменили около одного–двух мест работы, 30,5% – не меняли работы, 14,3% – еще не работали, 12,4% – сменили от трех до пяти мест работы и 5,7% – сменили более пяти мест работы. Можно сделать вывод, что мужчины чаще, чем женщины, меняют место работы. Женщины либо всю свою жизнь работают на одном месте, либо не работают вообще в силу семейных обстоятельств. Мужчины призваны обеспечивать себя, свою семью, но не всегда работа на одном месте в нашем нестабильном мире может дать достойную основу для нормальной жизни.

Таблица 6

**Влияние гендерной идентичности молодежи на сменяемость рабочих мест,
% по полу**

Пол	Количество сменных мест работы					Итого
	не менял место работы	1–2	3–5	более 5	еще не работал	
Мужчины	12,6	45,3	29,5	6,3	6,3	100,0
Женщины	30,5	37,1	12,4	5,7	14,3	100,0
По выборке	22,0	41,0	20,5	6,0	10,5	100,0

Влияние возраста на сменяемость работы отражено в табл. 7. Из данных следует, что юная молодежь чаще старших сохраняла приверженность к своему месту работы (32,7%). Видимо, это связано с пониженными требованиями к работе, удовлетворенностью своим трудом и заработной платой, неуверенностью этой категории молодежи в более успешном трудоустройстве. Большинство зрелой молодежи (54,1%) меняло место работы один–два раза, 23,0% – три–пять раз, что свидетельствует о ее повышенной мобильности и требовательности к

работе, 25–35-летние чаще находятся в поиске более успешной трудовой деятельности.

Среди семейных молодых людей большинство (55,6%) один–два раза меняли место работы (табл. 8). Можно предположить, что семейный статус способствует стабильному отношению к работе. Однако 16,7% делали это чаще – три–пять раз. Среди тех, кто не менял место работы, чаще других встречаются разведенные саратовчане (33,3% против 26,4% по выборке) и неженатые (28,3%). Видимо, их все устраивает в трудовой деятельности.

Таблица 7

**Влияние возраста молодежи на сменяемость рабочих мест,
% по возрасту**

Количество сменных мест работы	Возрастные группы		По выборке
	юные	зрелые	
Не меняли место работы	32,7	21,3	26,4
Одно–два	38,8	54,1	47,3
Три–пять	4,1	23,0	14,5
Еще не работали	2,0	1,6	1,8
Затруднились с ответом	22,4	–	10,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 8

**Влияние семейного положения молодежи на сменяемость рабочих мест,
% по семейному положению**

Количество сменных мест работы	Семейное положение				По выборке
	женат / замужем	холост / не замужем	разведен / разведена	сожительство	
Не меняли место работы	25,0	28,3	33,3	12,5	26,4
Одно–два	55,6	45,0	33,3	37,5	47,3
Три–пять	16,7	11,7	33,3	12,5	14,5
Еще не работали	–	1,7	–	12,5	1,8
Затруднились с ответом	2,8	13,3	–	25,0	10,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видно из данных табл. 9, среди опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет 40,8% собираются в будущем искать работу по специальности, 20,4% намерены продолжать образование, 28,6% – открыть собственное дело, 8,2% – устроиться на любую работу, 2,0% не собираются работать после окончания института. Таким образом, молодые люди в возрасте до 25 лет связывают свою жизнь часто с учебой, повышением своего образования, поиском работы именно по специальности. Среди респон-

дентов в возрасте от 25 до 30 лет 47,5% готовят-ся в ближайшем будущем открыть свое дело, 27,9% собираются искать работу по специальности, 9,8% – продолжать образование, 13,1% не собираются работать после института, 1,6% согласны трудиться на любом рабочем месте. Иными словами, с возрастом молодые люди начинают понимать, что наличие образования полезно, но не всегда человек хочет или может всю свою жизнь трудиться на одном месте.

Таблица 9

Влияние возраста молодежи на трудовые планы, % по возрасту

Планы на будущее	Возрастные группы		По выборке
	юные	зрелые	
Намерены искать работу по специальности	40,8	27,9	33,6
Хотят открыть собственное дело	28,6	47,5	39,1
Не собираются работать после института	2,0	13,1	8,2
Продолжат образование	20,4	9,8	14,5
Устроятся на любую работу	8,2	1,6	4,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Планы на будущее также имеют гендерный окрас (табл. 10). Юноши чаще девушек ориентированы на свой бизнес (40,8% против 37,7% среди девушек). Не собираются работать после окончания учебы 14,3%. Возможно, это связано

с предстоящей службой в армии. Девушки чаще желают работать по специальности (34,4% против 32,7% среди юношей). Среди них больше тех, кто собирается продолжить образование (18,0% против 10,2% среди юношей).

Таблица 10

Влияние гендерной идентичности молодежи на трудовые планы, % по полу

Планы на будущее	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Намерены искать работу по специальности	32,7	34,4	33,6
Хотят открыть собственное дело	40,8	37,7	39,1
Не собираются работать после института	14,3	3,3	8,2
Продолжат образование	10,2	18,0	14,5
Затруднились с ответом	2,0	6,6	4,5
Итого	100,0	100,0	100,0

На планы молодежи влияет и семейное положение (табл. 11). Так, искать работу по специальности чаще других намерены неженатые молодые люди (36,7%) и те, кто живет без регистрации брака (37,5%). Об открытии собственного бизнеса больше других мечтают разведенные саратовчане

(50,0% против 39,1% по выборке) и семейные (41,7%). Именно разведенные молодые люди в 1,5 раза чаще других не собираются работать после обучения. О продолжении образования говорил каждый четвертый саратовчанин, живущий без регистрации брака, и 16,7% разведенных.

Таблица 11

Влияние семейного положения молодежи на трудовые планы, % по семейному положению

Планы на будущее	Семейное положение				По выборке
	женат / замужем	холост / не замужем	разведен / разведена	сожительство	
Намерены искать работу по специальности	30,6	36,7	16,7	37,5	33,6
Хотят открыть собственное дело	41,7	36,7	50,0	37,5	39,1
Не собираются работать после института	8,3	8,3	16,7	–	8,2
Продолжат образование	13,9	13,3	16,7	25,0	14,5
Затруднились с ответом	5,6	5,0	–	–	4,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Главными характеристиками хорошей работы (табл. 12) для юношей являются возможность самореализации (38,8% против 32,8% среди девушек), общественное признание (14,3% против 11,5% среди девушек) и величина заработка (10,2% против 3,3% среди девушек). Для девушек важнее карьерный рост (39,3% против 16,5% среди юношей), возможность приносить пользу людям (13,1% против 10,2% среди юношей). Иными словами, для юношей важнее, чтобы их самореализация в труде со-

проводилась публичным признанием, ростом зарплаты, для девушек – чтобы это отражалось в их продвижении по карьерной лестнице.

Для юной молодежи при выборе работы важнее всего карьерный рост (36,7%), возможность приносить пользу людям (12,2%). При этом не последнюю роль для них играет величина заработка (14,3%) (табл. 13). Зрелая молодежь в 1,5 раза чаще говорила о возможности самореализации (41%) и в 2 раза чаще настаивала на общественном признании. Таким образом, юная

Таблица 12

Влияние гендерной идентичности молодежи на то, что имеет наибольшее значение при выборе работы, % по полу

Характеристика хорошей работы	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Карьерный рост	26,5	39,3	33,6
Возможность самореализации	38,8	32,8	35,5
Общественное признание	14,3	11,5	12,7
Возможность принести пользу людям	10,2	13,1	11,8
Зарплата	10,2	3,3	6,4
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 13

Влияние возраста молодежи на то, что имеет наибольшее значение при выборе работы, % по возрасту

Характеристика хорошей работы	Возрастные группы		По выборке
	юные	зрелые	
Карьерный рост	36,7	31,1	33,6
Возможность самореализации	28,6	41,0	35,5
Общественное признание	8,2	16,4	12,7
Возможность принести пользу людям	12,2	11,5	11,8
Зарплата	14,3	–	6,4
Итого	100,0	100,0	100,0

молодежь больше ориентирована на индивидуальные достижения, отражаемые в зарплате. Зрелая молодежь больше заботится о реализации своего внутреннего потенциала и социальном признании со стороны окружающих.

Если говорить о влиянии семейного положения на мотивацию при выборе работы (табл. 14), то, судя по данным, семейных больше других волнуют общественное признание и воз-

можность приносить пользу людям (по 16,7%). Тех, кто живет без регистрации брака, в 6 раз больше заботит величина заработка (37,5% против 6,4% по выборке). Разведенных молодых людей в 2 раза чаще всех других категорий молодежи волнует возможность самореализации (66,7% против 35,5% по выборке). Несемейных саратовчан немного чаще других интересует карьерный рост (36,7%).

Таблица 14

Влияние семейного положения молодежи на то, что имеет наибольшее значение при выборе работы, % по семейному положению

Характеристика хорошей работы	Семейное положение				По выборке
	женат / замужем	холост / не замужем	разведен / разведена	сожительство	
Карьерный рост	33,3	36,7	33,3	12,5	33,6
Возможность самореализации	30,6	35,0	66,7	37,5	35,5
Общественное признание	16,7	13,3	–	–	12,7
Возможность принести пользу людям	16,7	10,0	–	12,5	11,8
Зарплата	2,8	5,0	–	37,5	6,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Характеризуя уровень сложности с трудоустройством (табл. 15), большинство девушек (57,8%, против 42,9% среди юношей) отмечали, что это очень сложно. И наоборот, юноши в 4 раза чаще (24,5%) говорили, что найти работу просто. Примерно одинаковая доля среди обоих

полов более осторожно говорили об этой проблеме. Таким образом, при общем сходстве все-таки выделяется гендерная обусловленность трудностей поиска работы, когда работодатели менее охотно принимают на работу девушек из-за риска возможной беременности и пр.

Таблица 15

Влияние гендерной идентичности молодежи на восприятие сложности поиска работы, % по полу

Уровень сложности при трудоустройстве	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Очень сложно	42,9	57,4	50,9
Достаточно сложно	28,6	29,5	29,1
Достаточно просто	24,5	6,6	14,5
Затруднились с ответом	4,1	6,6	5,5
Итого	100,0	100,0	100,0

О высоком уровне сложности трудоустройства чаще (68,9% против 28,6% среди юных) заявляли зрелые молодые люди (табл. 16). Более осторожно, но в этом же ключе, в 2 раза чаще (42,9% против 18,0% среди зрелых) высказы-

вались юные саратовцы. В целом же о той или иной степени сложности устройства на работу говорили большинство молодых людей (86,9% зрелой молодежи и 71,5% юных). Видимо, это составляет большую социальную проблему.

Таблица 16

Влияние возраста молодежи на восприятие сложности поиска работы, % по возрасту

Уровень сложности при трудоустройстве	Возрастные группы		По выборке
	юные	зрелые	
Очень сложно	28,6	68,9	50,9
Достаточно сложно	42,9	18,0	29,1
Достаточно просто	18,4	11,5	14,5
Затруднились с ответом	10,2	1,6	5,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Как показал опрос, большинство юношей (51,0%) чаще ищут работу в течение полугода, каждый четвертый – до года. 10,2% – свыше одного года. Среди девушек таковых мень-

ше и почти каждая третья еще не занималась поиском работы. Таким образом, юноши более активны на региональном рынке труда (табл. 17).

Таблица 17

Влияние гендерной идентичности молодежи на время поиска работы, % по полу

Время поиска работы	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
От 1 дня до 6 месяцев	51,0	42,6	46,4
От 6 месяцев 1 дня до 1 года	24,5	23,0	23,6
Больше года	10,2	4,9	7,3
Еще не искали работу	14,3	29,5	22,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Зрелая молодежь чаще находит работу (табл. 18) в течение полугода (50,8% против 40,8% среди юных саратовцев). Они же в 2,5 раза чаще юных ищут работу до одного года (32,8% против 12,2%) и в 5 раз чаще поиск ра-

боты занимает у них более года (11,5% против 2,0% среди юных). Не занимались поиском работы совсем 44,9% юных (против 4,9% зрелой молодежи). Здесь мы имеем дело с отложенным трудоустройством.

Таблица 18

Влияние возраста молодежи на время поиска работы, % по возрасту

Время поиска работы	Возрастные группы		По выборке
	юные	зрелые	
От 1 дня до 6 месяцев	40,8	50,8	46,4
От 6 месяцев 1 дня до 1 года	12,2	32,8	23,6
Больше года	2,0	11,5	7,3
Еще не искали работу	44,9	4,9	22,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Данные табл. 19 наглядно демонстрируют, что проблемы с трудоустройством реже возникали у юных саратовцев, чем у зрелой молодежи, что, возможно, связано с отсутствием у первых должной профессиональной подготовки и более низкими требованиями к работе. Среди опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет 39,8% считают, что проблемы с трудоустройством всегда есть, 26,2% еще не искали работу, 14,6% считают, что проблема с трудоустройством скорее существует, нежели отсутствует, у такого же количества юных респондентов проблем с трудоустройством

не возникает, и 4,9% считают, что проблемы с трудоустройством скорее нет, чем есть. Среди респондентов в возрасте от 25 до 30 лет 61,9% считают, что проблемы с трудоустройством существуют, 20,6% – что они скорее существуют, нежели нет, для 13,4% не существует такой проблемы, 3,1% опрошенных еще не искали работу и только 1,0% респондентов данной возрастной категории считают, что проблемы с трудоустройством скорее нет, нежели есть. Становясь старше, молодые люди неизбежно сталкиваются с вопросом устройства на работу.

Таблица 19

Зависимость возникновения проблем с трудоустройством от возраста респондента, % по возрасту

Возраст	Возникновение проблем с трудоустройством					Итого
	да, возникали	скорее да, чем нет	нет, не возникали	скорее нет, чем да	еще не искал работу	
Юные	39,8	14,6	14,6	4,9	26,2	100,0
Зрелые	61,9	20,6	13,4	1,0	3,1	100,0
По выборке	50,5	17,5	14,0	3,0	15,0	100,0

Среди опрошенных в возрасте 18–24 лет 41,7% считают основной проблемой при трудоустройстве отсутствие опыта, 28,2% – низкую заработную плату, 19,4% – большой объем работы, 3,9% – придерживаются точки зрения, что проблемы с трудоустройством – это миф, видимо, не сталкиваясь еще с данной проблемой (табл. 20). Для 2,9% опрошенных этого возраста основная проблема при трудоустройстве – найти работу с гибким графиком, 1,9% – отсутствие возможности официального трудоустройства, и столько же респондентов считают, что при трудоустройстве мешают

все перечисленные выше показатели. Иными словами, для юных саратовчан важнее всего отсутствие опыта и основная трудность – найти работу с гибким графиком работы. Скорее всего, речь здесь идет о проблеме совмещения работы и учебы.

Среди респондентов в возрасте от 25 до 30 лет 48,5% считают, что основной проблемой при трудоустройстве является низкая заработная плата, 28,9% – отсутствие опыта, 19,6% – большой объем работы, 1,0% – здоровье человека и 2,1% среди причин называют все перечисленные выше показатели.

Таблица 20

Влияние возраста респондента на проблемы с трудоустройством, % по возрасту

Возраст	Проблемы с трудоустройством								Итого
	отсутствие опыта	низкая заработная плата	большой объем работы	все вышеперечисленное	отсутствие возможности официального трудоустройства	тяжело найти работу с гибким графиком	здоровье	не было проблем	
Юные	41,7	28,2	19,4	1,9	1,9	2,9	–	3,9	100,0
Зрелые	28,9	48,5	19,6	2,1	–	–	1,0	–	100,0
По выборке	35,5	38,0	19,5	2,0	1,0	1,5	0,5	2,0	100,0

С возрастом люди начинают искать более мобильную работу, в которой бы был возможен и свободный график, и официальное трудоустройство. Такая потребность вполне объяснима, так как у большинства людей к 25 годам уже есть семья, им нужно ее и обеспечивать, и выполнять свои семейные обязанности, при этом не забывать о будущем, которое может стать обеспеченным только при условии официального трудоустройства. При этом юноши чаще сталкивались с проблемой низкой заработной платы (49,0% при 27,9% среди девушек) при больших объемах работы (16,3%). Девушки чаще жаловались на отсутствие опыта (49,2% при 28,9% среди юношей).

Среди опрошенных в возрасте 18–24 лет 98,1% не стоят на учете на бирже труда (табл. 21); среди 25–30-летних таковых 79,4%; состоят на бирже труда в очереди на конкретную должность 20,6% зрелой молодежи. Можно сделать вывод, что с годами для людей удобнее становится находить работу не через знакомых, а через специализированные организации, в которых осуществляется посредничество между предпринимателями и безработными или ищущими новую работу наемными работниками. При этом юноши встают на учет на биржу труда в два раза чаще девушек (24,5% против 13,1%).

Таблица 21

Влияние возраста респондента на обращение на биржу труда, % по возрасту

Возраст	Регистрация на бирже труда		Итого
	да	нет	
Юные	1,9	98,1	100,0
Зрелые	20,6	79,4	100,0
По выборке	11,0	89,0	100,0

В ходе исследования задавался вопрос о том, кто должен решать проблему трудоустройства молодежи (табл. 22). Возложили эту обязанность на государство 44,5%, особенно юноши (46,9%), на учебные заведения – 32,7%, особенно девушки (34,4%). И только 8,2% считают, что данную проблему должны решать сами молодые люди. Это наглядно свидетельствует о доминирующей роли патернализма в ориентациях молодежи.

При этом юная саратовская молодежь в своем трудоустройстве чаще ориентирована на помощь государства (46,9%). Зрелая молодежь (39,3%) больше ожидает этого от вуза (табл. 23).

На государство при трудоустройстве больше всего надеются разведенные (66,7%) и семейные (50,0%) молодые люди (табл. 24). Они же ожидают помощи от учебных заведений (36,1%). Те, кто живут без регистрации брака, чаще ориентированы на самостоятельность в этом процессе (25,0%).

Таблица 22

Влияние гендерной идентичности молодежи на мнение о главном субъекте помощи в поиске работы, % по полу

Субъект помощи в трудоустройстве	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Сама молодежь	8,2	8,2	8,2
Учебные заведения	30,6	34,4	32,7
Государство	46,9	42,6	44,5
Затруднились с ответом	14,3	14,8	14,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 23

Влияние возраста молодежи на мнение о главном субъекте помощи в поиске работы, % по возрасту

Субъект помощи в трудоустройстве	Возрастные группы		По выборке
	юные	зрелые	
Сама молодежь	8,2	8,2	8,2
Учебные заведения	24,5	39,3	32,7
Государство	46,9	42,6	44,5
Затруднились с ответом	20,4	9,8	14,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 24

Влияние семейного положения молодежи на мнение о главном субъекте помощи в поиске работы, % по семейному положению

Субъект помощи в трудоустройстве	Семейное положение				По выборке
	женат / замужем	холост / не замужем	разведен / разведена	сожительство	
Сама молодежь	8,3	6,7	–	25,0	8,2
Учебные заведения	36,1	31,7	33,3	25,0	32,7
Государство	50,0	40,0	66,7	37,5	44,5
Затруднились с ответом	5,6	21,7	–	12,5	14,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видно из данных табл. 25, среди опрошенных мужского пола 44,2% считают, что государственные структуры не содействуют поиску работы для молодежи, 35,8% – что они скорее содействуют, нежели бездействуют, 13,7% считают, что госструктуры содействуют поиску работы для молодежи, и 6,3% ответили на этот вопрос «скорее нет, чем да». Среди женщин 31,4% считают, что содействия государственных структур поиску работы для молодежи не существуют, 30,5% утверждают обратное, 24,8% полагают, что государственные структуры скорее содействуют, нежели

бездействуют в поиске работы для молодежи, и 13,3% уверены, что данные структуры скорее бездействуют, нежели содействуют в поиске работы для молодежи. Можно сделать вывод, что к помощи государственных структур при поиске работы чаще прибегают женщины, нежели мужчины. Видимо, это связано с тем, что у мужчин всегда больше связей, чем у женщин, и им легче найти себе подходящую работу. У женщин же круг друзей ограничен, времени на поиск работы в силу своих семейных и домашних обязанностей меньше, найти им работы удобнее путем обращения в какие-либо органы.

Таблица 25

Зависимость содействия государственных структур по поиску работы для молодежи от пола респондентов, % по полу

Пол	Содействие государственных структур поиску работы для молодежи				Итого
	содействуют	скорее да, чем нет	не содействуют	скорее нет, чем да	
Мужчины	13,7	35,8	44,2	6,3	100,0
Женщины	30,5	24,8	31,4	13,3	100,0
По выборке	22,5	30,0	37,5	10,0	100,0

Таким образом, на процесс трудоустройства влияют многие социально-демографические факторы. Гендерный фактор проявляется в том, что юноши чаще работают по специальности, они реже девушек меняют свое место работы, больше ориентированы на свой бизнес. Для них важнее, чтобы их самореализация в труде сопровождалась публичным признанием. Они в четыре раза чаще говорили, что трудоустройство – это просто. Одновременно юноши более активны на региональном рынке труда. Однако они чаще сталкивались с проблемой низкой заработной платы при больших объемах работы. Юноши особенно настроены на патернализм – помощи в трудоустройстве они чаще ожидают от государства.

У девушек чаще работа не связана профессией, на которую они учились. Они в полтора раза чаще не имеют работы и хотели бы трудоустроиться по специальности. От работы они чаще ожидают продвижения по карьерной лестнице. Характеризуя уровень сложности трудоустройства на работу, большинство девушек отмечали, что это очень сложно в силу отсутствия опыта. Им хотелось бы получить помощь в трудоустройстве от учебных заведений, однако в реальности они чаще прибегают к помощи государственных структур.

Возрастной фактор трудоустройства саратовской молодежи проявляется в том, что среди юной молодежи большинство не работают или работают не по специальности. Они чаще старших сохраняли приверженность к своему месту работы, сопрягая это с повышением своего образования, поиском работы именно по специальности. Саратовчане 18–24 лет больше ориентированы на индивидуальные достижения, отражаемые в заработке. Проблемы с трудоустройством реже возникали у юных саратовчан, чем у зрелой молодежи. Для них проблематичнее всего – отсутствие опыта. Основная трудность – найти работу с гибким графиком работы. Видимо, речь здесь идет о проблеме совмещения работы и учебы. При этом юная

саратовская молодежь в своем трудоустройстве чаще ориентирована на помощь государства.

В старшей возрастной группе молодежи большинство работают не по специальности. Их отличают повышенная мобильность и требовательность к работе. Зрелая молодежь больше заботится о реализации своего внутреннего потенциала и социальном признании со стороны окружающих. Они чаще заявляли о высоком уровне сложности трудоустройства. Чем старше, тем чаще они сталкивались с проблемами низкой заработной платой, отсутствием опыта, большими объемами работы. Только 25–30-летние стоят на учете на бирже труда, ожидая помощи в трудоустройстве от вуза

Семейный статус также влияет на характер занятости и трудоустройства молодежи, способствуя стабильному отношению к работе. Семейных больше, чем других, волнует общественное признание и возможность приносить пользу людям. К ним примыкают разведенные. И те, и другие чаще работают по специальности или мечтают об открытии собственного бизнеса. При трудоустройстве они больше всего надеются на помощь государства или учебных заведений. Однако именно разведенные молодые люди в 1,5 раза чаще других не собираются работать после обучения, ориентируясь на продолжение учебы. При поиске работы они в 2 раза чаще других категорий молодежи стремятся к самореализации. Те, кто живет без регистрации брака, как и несемейные молодые люди, чаще не работают и ищут работу по специальности. Их в 6 раз больше других заботит величина заработка, они чаще ориентированы на самостоятельность в трудоустройстве. Холостая и незамужняя молодежь чаще других ищет работу с прицелом на карьерный рост.

Иначе говоря, саратовская молодежь в основном отличается патерналистскими настроениями при трудоустройстве, но в зависимости от пола, возраста и семейного положения имеет существенные расхождения в своих ориентациях и проблемах. Все эти отличия необходи-

мо учитывать в деятельности государственных служб занятости с тем, чтобы адресно подходить к востребованной практике трудоустройства молодежи.

Список литературы

1. ИНАБ № 1 – 2018. Молодежь: конструирование трудовой биографии [Электронное издание] / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков. Электрон. дан. (объем 1,6 Мб). М. : Ин-т социологии ФНИСЦ РАН, 2018. 148 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM). <https://doi.org/10.19181/inab.2018.1>
2. Гришина М. А. Субъективное благополучие молодежи в условиях современного рынка труда // Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 55–72. <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.5>
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2020. Специальный выпуск. С. 38–59. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.370>
4. Демиденко С.Ю. О некоторых факторах незанятости городской молодежи // Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 7–20. <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.1>
5. Гайфуллин А. Ю. Дискриминация молодежи на рынке труда: социологический анализ // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018» : сб. материалов. М. : МАКС Пресс, 2018. С. 446–448.
6. Черныш М. Ф. Молодежь на рынке труда: проблема неравенства // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие : сб. ст. Междунар. форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (г. Уфа, 4–5 февраля 2019 г.) / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа : Мир Печати, 2019. С. 247–254.
7. Ярашева А. В. Трудоресурсы молодежи: актуальные региональные проблемы // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 53–58. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2019-11-53-58>
8. Голицева Ю. В. Прекарная занятость молодежи как способ избегания безработицы и незанятости // Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 73–82. <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.6>
9. Попова Е. С. Молодежь на рынке труда: смена профессии как адаптация к новой экономике // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие : сб. ст. Междунар. форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (г. Уфа, 4–5 февраля 2019 г.) / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа : Мир Печати, 2019. С. 233–238.
10. Черныш М. Ф. Поиск работы по неформальным каналам как фактор социальной дифференциации в молодежной среде // Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 21–38. <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.2>

Поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 16.05.2023
The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 263–270

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 263–270

<https://soziopolit.sgu.ru>

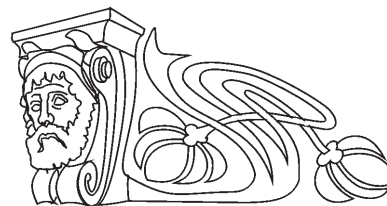
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-263-270>, EDN: NASGQE

Научная статья

УДК 316.4

Социодинамика мира сельских сообществ российской деревни

П. П. Великий, С. Т. Дакирова ✉

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, velik69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>

Дакирова Светлана Тлековна, научный сотрудник, dakirova-ne@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3716-3754>

Аннотация. В статье на базе многолетних социологических исследований осуществлен анализ социодинамики состояния ряда характеристик мира сельских сообществ: сознания, поведения, ценностей и объективных предпосылок изменений. Мир сельских сообществ включает богатую палитру осмысления и деятельности в общественной и личной жизни, основанной на собственном историческом опыте. Социодинамика социокультурных процессов раскрыта в контексте влияния экономико-хозяйственных практик, соединяющих заимствованные новации и традиции крестьянской культуры. Организация аграрного производства, на первом этапе опирающаяся на западные образцы, оказалась во многом несостоятельной, поскольку субъекты хозяйствования подходили к ней с позиции собственной традиционно крестьянской и постсоветской культуры. Доверие собственной культуре останется у сельских жителей доменом и в будущем. Мир сельского социума России пронизан смыслами взаимодействия и сплоченности, логично связанными с этосом жизни «на миру», которые генетически присущи крестьянству и сохранились в пореформенное время на базе социохозяйственной самостоятельности наиболее творческой части жителей, и пока слабо проявляющимися в формализованном социохозяйственном пространстве АПК. **Ключевые слова:** сельское сообщество, деревня, социальные группы, фермеры, наемные работники, интеллигенция, аграрная реформа, хозяйственные уклады, социальная сфера

Для цитирования: Великий П. П., Дакирова С. Т. Социодинамика мира сельских сообществ российской деревни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 263–270. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-263-270>, EDN: NASGQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

World sociodynamics of rural communities in the Russian village

P. P. Veliky, S. T. Dakirova ✉

Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Petr P. Veliky, velik69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>

Svetlana T. Dakirova, dakirova-ne@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3716-3754>

Abstract. Based on many years of sociological research, the article analyzes the sociodynamics of the state of a number of characteristics of rural communities world: consciousness, behavior, values, and objective prerequisites for changes. The world of rural communities consists of reflection and action in public and private life, based on the historical experience. The sociodynamics of socio-cultural processes is revealed in the context of the influence of economic practices that combine borrowed innovations and traditions of peasant culture. The organization of agricultural production, at the first stage based on Western models, turned out to be largely untenable, since business entities approached it from the standpoint of traditionally peasant and post-Soviet culture. Confidence in one's own culture will remain a domain of rural residents in the future. The world of rural society in Russia is permeated with the meanings of interaction and cohesion, logically connected with the ethos of life "in the world", which are genetically inherent in the peasantry, and survived in the post-reform period on the basis of the socio-economic activity of the most creative part of the inhabitants, and so far poorly manifested in the formalized socio-economic space of the agro-industrial complex. **Keywords:** rural community, village, social groups, farmers, employees, intellectuals, agrarian reform, economic structures, social sphere

For citation: Veliky P. P., Dakirova S. T. World sociodynamics of rural communities in the Russian village. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 263–270 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-263-270>, EDN: NASGQE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

При многозначности понятия мира в сельском социуме оно имеет специфический смысл: в XIX – начале XX в. это не только сообщество крестьян, но и сходка их, где принимаются обязательные решения и приговоры. Мир – инстанция моральная, его оценки определяли место, престиж человека. «На миру и смерть красна, жить в миру – в мирских заботах, идти по миру – с сумой» [1, с. 490]. Мир как сообщество отрицательно относился к индивидам и семьям, которые проявляли инициативу по выходу из-под его влияния, что особенно ярко проявилось в ходе столыпинской аграрной реформы. Однако в ходе кардинальных изменений экономических, политических и хозяйственных отношений во всем обществе внутренние «мирские» связи и отношения менялись: одни деформировались в сторону ослабления предписывающих действий, другие локализовались в духовно-нравственной области.

Сельский мир изучался уже в середине XIX в. А. А. Фет, А. Н. Энгельгардт, Г. И. Успенский писали о традициях крестьян в хозяйствовании на своих земельных наделах. А. М. Большаков анализировал жизнедеятельность сельских жителей в первые годы Советской власти. Е. Я. Дорош и Г. С. Лисичкин описали реалии поведения сельчан колхозной и совхозной форм.

Развитие идей о создании фермерства на переломном этапе перехода от социализма к капитализму связано с именами В. В. Казарезова и В. Ф. Башмачникова. Большое внимание социологи придавали адаптации жителей села к ситуациям распределения земли и других ресурсов хозяйствования (А. М. Никулин, З. И. Калугина, О. П. Фадеева, А. А. Хагуров и др.).

Особую значимость для понимания роли традиционной крестьянской культуры в модернизации аграрного сектора имеют публикации ученых, изучавших сельские проблемы изнутри, в режиме включенного наблюдения. Этим занимались члены исследовательского коллектива Т. Шанина. Среди них В. Г. Виноградский, И. Е. Штейнберг, О. П. Фадеева, прожившие помногу месяцев в селах. В наши дни эту работу выполняет кандидат философских наук Т. А. Жукова из Кубанского аграрного университета, которая наряду с работой преподавателя в течение уже семи лет не только участвует в повседневных заботах фермера, но и написала книгу «Земля и люди. Дневник фермера» (2020).

Опираясь на работы отмеченных выше авторов, можно представить, насколько сложной является жизнедеятельность сельских

жителей, небольшая часть которых находят и осваивают разные модели самозанятости или готовы это сделать. Однако более значительная часть трудоспособных сельских жителей предпочитают аграрные уклады, отдаленно схожие с колхозом советского времени (сельскохозяйственные производственные кооперативы, акционерные общества, товарищества), в которых вознаграждение слабо варьируется от трудовых достижений. Однако данная категория сельских жителей ничего не предпринимает, чтобы войти в другой способ получения средств для более обеспеченной жизни. На наш взгляд, это тоже традиция, сформированная этосом человеческих отношений в колхозных реалиях. Такой традиционализм отвечает оценкам поведения в веберовском понимании – стремление не зарабатывать больше нормы, требующейся для поддержания привычного образа жизни.

Нередко в оценках постсоветских изменений в Российской Федерации преувеличивается победа над традиционализмом. Это верно для города, жители которого действительно стали больше ориентироваться на индивидуальный выбор и личную ответственность (и то в тех пределах, которую задает локальная среда). В селе ситуация с вытеснением традиционализма такого рода более сложная. Здесь традиционализм для многих оказался спасительным средством выживания в «эпоху перемен». Крестьянство, опривычевшее неспешные вклады государства в сельскохозяйственное производство и особенно в их жизнеустойчивость на основе твердых институциональных правил, вдруг обнаружило себя в ситуации стоящим перед эскалатором, движущимся в разных направлениях и с разной скоростью. Решение, на какую из них вскакивать, моментально принять было трудно, поэтому ответ на основные вопросы жизнеустойчивости был «мы как все». Именно поэтому в начале аграрной реформы стали возникать хозяйственные структуры, чем-то напоминавшие колхоз, – товарищества, СПК и колхозы, как-то приспособившиеся к рыночному порядку отношений.

Идеальными смыслами для мира сообществ деревни, которые не теряют высокого социального значения и сегодня, являются солидарность, сплоченность, ответственность за положение слабых односельчан, согласованность принципов и способов достижения целей. Осмысливая процессы обновления жизни сельского мира, нельзя не учитывать меру вмешательства ресурсов глобальных игроков

и местного управления, нередко предлагавших превращенные формы социальных отношений. В новейшей истории переформатирование колхозной организации в совхозную, несмотря на превращение крестьян в рабочих, не улучшило их социальные качества, они стали безответственно относиться к трудовым обязанностям, не берегли технику. Одна из причин – они прекратили связывать свои трудовые достижения с конечными результатами предприятия, что в колхозе было важным стимулом трудовой активности.

На начальном этапе вхождения страны в капитализм в российской деревне внедрялась новая инновационная иллюзия – освобождение ее от внешнего управления приведет к тому, что рынок расставит все отношения по надлежащим местам. Тридцатилетие пореформенного существования деревни показывает, что в нем до сих пор не только не исчезли многие несообразности, но и возникли новые. К отсутствию гарантированной возможности обеспечивать благополучное существование индивиду, трудящемуся в составе организаций новых укладов, добавились моменты эксклюзии жителей мелких поселений.

Реформирование аграрного сектора, проведенного в начале 1990 г., сводилось к устранению колхозно-совхозной структуры, созданию институциональной базы и организационным действиям государства для функционирования многообразия новых субъектов хозяйствования. Стандарты их структур списывались с западных образцов. Однако произошли корректировки, связанные с акторами-инноваторами и с земельной собственностью. Младореформаторам, сориентированным на фермерский уклад, казалось логичным в этих целях все земельные угодья колхозов раздать «постколхозным» семьям. Кроме того, учитывалась и идея социальной справедливости: сельское население, не одно поколение которого положило свою жизнь на обеспечение страны продовольствием, в новых условиях закономерно наследует право владеть своей долей земли. Но в силу разных причин земельные паи получили далеко не все семьи, из них 41,6% сдали их в аренду, 10,0% – продали, более 20,0% никак землей не распорядились [2, с. 105]. Те, кто пытались довести статус выделенных участков земли до реального их использования (оформить право собственности, привязку к местности), не получили должной поддержки местной власти. Поэтому юридически эта земельная собственность получила статус зе-

мельных паев, которые сельская семья могла сдать в аренду новым хозяйствующим субъектам корпоративно-долевого и фермерского уклада или продать их.

Многие постколхозники, опривычившие практики отношения к земле как ничьей собственности, легко освобождались от паев, продавая их за символическую цену. К настоящему времени до 40% [2, с. 109] сельских семей еще владеют паями и имеют небольшой доход, который складывается из платы арендаторов за их использование. Однако обмен ценностями оказался неэквивалентным: арендаторы произвольно назначали цену арендных паев. Руководители организаций корпоративно-долевого уклада, защищая нерушимость земельных наделов, состоящих из арендованных паев, стали препятствовать арендодателям получать из 30–40 га их земли хотя бы один гектар для полевого участка.

Актуальным для понимания динамики мира сельского социума является вопрос взаимодействия одной цивилизацией элементов других цивилизаций, того, как он их адаптирует, трансформирует и ассимилирует. Исследователи цивилизаций, рассматривая проблему взаимодействия новаций через призму культуры, полагали, что в процессе модернизации местная культура не может заменяться западной культурой. Согласно теории, это будет реально для вспомогательных элементов инструментальных культур, в то время как основа социальных институтов остается неизменной. А. Тойнби считал, что модернизация усиливает местные культуры и сокращает относительное влияние Запада, поскольку мир становится более современным и менее западным [3, с. 176]. Россия с Петровских времен была сориентирована на освоение материальных и духовных ценностей Запада. Это продолжается до последнего времени, именно вестернизация наиболее активно проникает в российское социальное пространство, включая сельские территории.

Мы считаем, что Россия, обладая признаками евразийской цивилизации к моменту перехода на модели рыночного общества, сохранила свои незападные особенности, что влияет на создание нового порядка экономических и социальных отношений.

В Советской России (СССР) на этапе ранних изменений 1920–1940 гг. XX в., когда модернизация активно поддерживалась, это способствовало возрождению местной культуры, усиливая экономический, военный и политический потенциал общества.

В пореформенный период в этом процессе сложилось немало явлений, отрицательно влияющих на социокультурное обустройство и аграрную экономику. Среди них навязывание западных стандартов вступления в ВТО, непомерные объемы готовых технологий выращивания зерновых культур и вытеснение производства собственных семян. Коснулись села и проблемы перехода высшего образования в стране на структуры бакалавриата: выпускники аграрных вузов оказались не готовы выполнять профессиональные роли.

Эти акции Запада, ранее воспринимаемые сельскими сообществами по-ученически (в контексте непреложного значения), в реальности имели двойное дно, как хорошо замаскированное разрушение аграрного сектора России. «Превосходство» его в экзистенциальном и гуманистическом смыслах подтверждает мысль А. Тойнби, высказанную еще в 1975 г., что превосходство Запада обречено на исчезновение [3, с. 204].

Сельский мир при освоении западных элементов организации жизнеустройства находится на пересечении противоречивых социально-экономических пореформенных реалий. Введение фермерства как господствующего уклада пошло по сценариям самоорганизации. Инициативные и более материально состоятельные люди создавали свой «клин» земли, скупая земельные паи или арендуя их у односельчан, а те, кто был ближе к чиновникам местной власти, получали в собственность или на правах аренды бесхозные участки. В такой же ситуации оказались и сельскохозяйственные организации корпоративно-долевого уклада (ООО), и эта ситуация сохраняется уже около 30 лет пореформенного времени. Таким образом, организация аграрного сектора, в основе которой лежали западные образцы, оказалась не идентичной им. На наш взгляд, этому поспособствовала общенациональная нестыковка между процессами модернизации и вестернизации, столкнувшимися с традиционной культурой, наполненной стереотипами хозяйствования, его управления и нормами народной культуры позднесоветского этапа. Фермерство как институт неожиданно свалилось на голову инициативным сельским жителям России, со всеми его неувязками и противоречиями, неизбежными в любом нововведении, между тем как на Западе опыт данного уклада идет из большой глубины прошлого времени.

Местная культура, или совокупность смыслов о должном, необходимом и достаточ-

ном, столкнулась как с «нормальными» изменениями с точки зрения рыночной организации экономики и повседневности, так и с тем, что породил хаос преднамеренных и непреднамеренных действий коллективных и индивидуальных акторов.

Исследования социологов Института аграрных проблем РАН в Саратовской области первых лет прохождения аграрной реформы выявляли множество парадоксов встраивания сельских жителей в новую ситуацию. В одной семье вспомнили, что у нее на подворье до последнего времени завалился плуг, который использовал еще прадед, и стали оценивать, сколько нужно завести лошадей, чтобы обрабатывать свою землю. Другая семья полагала, что она сможет возделывать землю, арендуя технику в ООО и отработывая за нее на условиях «необарщины».

В результате изменений в агросфере, заданных аграрной реформой, в состоянии социальной ткани деревни произошли серьезные изменения. К настоящему времени, с одной стороны, улучшились внутри- и межпоселковые дороги, ремонтируются клубы и библиотеки, налажена доставка пенсий и пособий к местам жительства получателей, повсеместно работают продуктовые магазины. С другой стороны, утрачены и подорваны предпосылки для поддержки солидарности членов сообществ – семей и отдельных индивидов. В деревне во временном масштабе всегда присутствовал дуализм «мы» и «они», где первые после распада колхозов оставались в ожидании жизнеустройства, которое, по их представлениям, должно обеспечить государство, вторые, став фермерами, самостоятельно стали решать эту задачу. Со временем острота этого противоречия смягчилась. Хотя фермер давал работу небольшому числу сельскому сообществу, большая часть трудоспособных людей получила места работы в организациях корпоративно-долевого сектора, где все было (и остается) как в колхозе: рядовые акционеры пахут землю, работают на ферме, получают за труд зарплату и другие выплаты. Казалось бы, главная связь восстановлена, что дает простор для солидарности, и она станет проявляться в образе жизни селян с новой силой. Но этого не произошло. Все социальные группы деревни испытали шок от изменения своей опривыченной роли по двум направлениям. Первое из них заключается в низком уровне или полном отсутствии качеств конструктивности, т. е. способности противостоять непредвиденным

угрозам и вызовам, и глубоко сожалении об утраченном мире. «Когда строители разбирали нашу ферму, на которой я отработала 30 лет, я плакала», – сообщала доярка социологу в момент анкетирования.

В советском колхозе «они» отождествлялись с правлением и председателем колхоза, парторгом, председателем сельского совета. «Мы» – это сельское сообщество, которое было связано общностью совместных работ (прополка, сенокос, бригады механизаторов, доярок), деревенскими сходами по разделу участков для заготовки сена для подворья. Противоречия между «мы» и «они» были, но они разрешались, так как каждая сторона нуждалась в другой. Сегодня сторона «мы» не находит в своей среде персоналий «они». В результате аграрной реформы, проведенной по неолиберальным лекалам, в локальном поселении усилились неоправданные автономии.

На эти изменения можно посмотреть и с позиции состояния социальной структуры. В условиях становления новых хозяйственно-экономических укладов возникают и новые субъекты деятельности. На начальном этапе они не отвечают полностью сути структурной единицы, т.е. являются проториальной группой.

Тем не менее, главный признак неравенств воплощен в размере собственности и доходов, престиже и власти. К этим политико-экономическим факторам многие авторы добавляют более тонкие измерения, но зависящие от указанных выше, такие как уровень образования, социально-профессиональные позиции и виды деятельности (Бурдые [4], Вебер [5], Парсонс [6], Сорокин [7], Шкаратан [8] и др.).

При этом одни группы формируются быстрее, демонстрируя более адекватные характеристики определенному типу стратификации, другие возникают медленнее, остаются протогруппой. Так, реальной группой уже стали фермеры – крупные и средние (по масштабам аграрного производства). Эта группа фермеров имеет хорошую поддержку со стороны государства и накопила собственные ресурсы, чтобы справляться с рисками конкуренции и природопользования. Акционеры организаций, собственники решающего пакета акций в современных корпоративно-долевых укладах (ООО, ТОО, АО) также обладают формальным и реальным статусом как высшей группы в сельской стратификации. Рядовые акционеры гораздо ближе стоят к наемным работникам, хотя в оплате труда у них есть некоторые пре-

имущества. В ситуации относительной неопределенности своего положения находится мелкий фермер, действующий лишь в составе своей семьи, на небольшом участке земли. Чаще всего это связано с отсутствием кандидатов в своей семье на продолжение фермерского дела. В последние годы возросло число фактов, когда земельные угодья, принадлежащие им, постепенно переходят крупным и средним фермерам.

Большая часть трудоспособных жителей деревни находится в социальном положении наемных работников в фермерском или акционерном хозяйстве. Оценки представителями этих групп позитивных и негативных сторон их как членов персонала в большой степени зависят от жизненного оптимизма. Сегодня техническое оснащение труда аграриев, модели регулирования, контроля мало чем различаются между собой в разных регионах. Однако оценки перспективных ценностей дифференцированы: так, возможности профессионального роста позитивно оценили 11,8% из группы успешно совмещающих работу в ООО и ведение товарного ЛПХ и только 2,9% – тех, кто в основном занят только в общественном производстве, сократив ресурсы подворья.

Можно заметить, что и в целом ценность профессионального роста среди работников сельского хозяйства мала и не зависит от того, в организации какого уклада они заняты. Зато если они нашли занятость вне сельского хозяйства, ценность карьеры возрастает в десятки раз. Среди акторов села наиболее ценят профессиональные компетенции глав домохозяйств, частично связанные с общественно организованным трудом в акционерных обществах и производственных кооперативах или полностью сосредоточенных на ЛПХ. Опрошено 300 респондентов, в том числе 190 – из 22 районов Саратовской области, 110 – из 8 районов Республики Татарстан в 2018 г. Эта группа, составляющая 10–12% от числа домохозяйств средней деревни (middle village), сегодня относится к верхней части социальной структуры и демонстрирует высокую планку социальной активности (таблица) [2, с. 248].

У людей, включенных в большое количество связей, выше оценки тех факторов успешности, которые действительно играют существенную экономическую роль (4, 5, 6, 8, 9 признаки). Они сориентированы еще на взаимодействие и с лицами с точки зрения полезности для реализации решающего дела жизни. «Нужные» люди – это те, кто обладает важ-

Оценка факторов успешности по 10-балльной шкале

Фактор успешности	Успешные	Остальные
Погода, климат	4,31	3,66
Помощники	3,89	3,25
Автомобиль	3,82	3,26
Технические средства	3,47	2,72
Доступность мест сбыта	3,18	2,46
Общение с нужными людьми	2,83	1,92
Агротехнологии	2,74	2,30
Кредиты	1,90	1,37
Взаимодействие с потребительскими кооперативами	1,82	1,34

ными компетенциями (профессиональными, должностными, общей культурой), и с ними, естественно, говорят о всем круге озабоченности своими проблемами. Сравнение двух групп – успешно хозяйствующие семьи на подворье и ориентированные в основном на наемный труд – показывает, что почти половина в первой группе таких лиц имеют от одного до семи человек. Во второй группе их меньше на 9 п.п. Первая группа доминирует и в общении с формальными организациями: 44,3% откладывали денежные средства в банки (остальные 37,3%), более активно взаимодействовали с органами муниципальной власти и организациями потребкооперации.

Хотя в последние пять–шесть лет труд наемных работников стал оплачиваться более высоко, чем в первые десятилетия аграрной реформы, но такие составляющие их жизнедеятельности, как социально-культурное и техническое творчество, участие в разработке стратегий и т. п., не практикуются. Поэтому местом творчества, как и существенным каналом обеспечения материального благополучия, стало подворье, личное подсобное хозяйство.

Наемные работники, в каком бы укладе не были трудоустроены, подпадают под воздействие неопределенности своего пребывания на той должности, на которую они приняты и могут быть переведены на более низкую оплату. Так называемая флексибельность, или неустойчивость, все больше распространяемая в глобальном мире, пришла и в сельский мир России. В современных условиях профессиональные качества могут повлиять на более высокую оплату труда и престиж, хотя практически они не влияют на перемещение по карьерной лестнице.

Наиболее устойчивым положением на рынке аграрного труда на селе обладает старшая возрастная группа. Работодатели доверяют их профессиональным качествам и высокому нравственному уровню. Положение их на предприятии, опыт семейного хозяйствования на подворье ставят их в общественном мнении на высокую ступень благополучия и авторитета.

Хотя наемные работники и специализированы по принадлежности к отраслям, но по основным стратификационным признакам они имеют схожие характеристики. В деревне разнообразие данной группы ограничено сферой приложения труда: отраслевая специализация в любом сельском поселении не превышает 13–15 наименований. Кроме известных видов физического труда сюда входит обслуживание социокультурной инфраструктуры (клуб, библиотека, почта, социальная работа, сельская медицина (ФАП)).

По мере функционирования АПК по стандартам рыночной экономики также появилась сельская элита на селе. К ней относятся крупные и средние фермеры, руководители, собственники решающих пакетов акций ООО и рабочая аристократия. Последняя группа – это лучшие механизаторы, которым доверено обслуживать зарубежную, весьма дорогостоящую технику. Для беспрепятственного использования ее такие механизаторы введены менеджментом корпоративно-долевых организаций и фермерских хозяйств в особый статус «неприкосновенных» и несменяемых. Труд их оплачивается выше обычных механизаторов, и они высоко ценятся сообществом и менеджментом сельскохозяйственных организаций.

К сельской элите следовало бы отнести учителей, воспитателей детей и подвижников в

развитии культуры всех жителей села. По крайней мере, так оценивалась их социокультурная роль в духовной жизни села в условиях советских реалий [9]. Однако в силу разных причин учитель в последние десятилетия, по оценкам односельчан, утратил эту позицию: по критерию «престиж» и «хорошо живет» (т. е. благополучно) он поставлен на четвертое место (после крупного и среднего фермера, хозяина местного магазина). Если сравнить образ жизни успешного фермера, собственника 2 тыс. га пахотной земли и завуча сельской школы с позиции их объективной и субъективной возможности занимать ведущее духовно-практическое место в жизни села, то мы увидим, насколько проигрывает последний. Оба выходят за пределы узкопрофессиональных обязанностей: фермер, помимо решения личных проблем наемных работников своего хозяйства, является председателем родительского комитета, безвозмездно помогает школе средствами. Учитель, находясь на должности завуча, помогает односельчанам правильно ориентироваться в воспитании детей. Однако статусные характеристики обоих акторов сильно отличаются, хотя они близки по возрасту (36 и 30 лет) и наличию двух детей в каждой семье.

Фермер сориентирован на обеспечение высоких результатов своей хозяйственной единицы, что приносит ему чувство самоуважения и общественного признания. Его домовладение не включает сугубо крестьянских элементов: кроме благоустроенного поместья и нескольких деревьев и кустарников, нет ни скота, ни птицы. Напротив, учительница, выйдя 10 лет назад замуж за парня, семья которого выживала за счет ЛПХ, сама погрузилась в многочисленные крестьянские заботы. Из 24 видов неизбежных процедур по поддержанию подворья по 10 приходится поровну на нее и мужа, а 8 (от приготовления пищи, уборки дома, стирки до взаимодействия с банком) – исключительно ее забота. При этом 70% поступлений в семейный бюджет обеспечивает она, 30% – муж.

В таком образе жизни невольно происходит смещение забот на обустройство подворья и быта. Если фермер приобрел в год 11 видов предметов культурного назначения и приема информации, то учительница – только 5. Фермер с семьей в год опроса посетил Москву, Санкт-Петербург, Сочи, побывав в 10 учреждениях искусства, в то время учительница свой отпуск провела дома.

Подводя итоги, отметим, что в условиях глобализации актуальные качества мира села,

где правят бал конкуренция и технологический детерминизм, феномены сплоченности и солидарности ничего не значат для игроков крупного бизнеса, корпораций. Однако с позиции будущего возникновение все новых проблем потребует изменения ценностей как индивидуальной, так и общественной хозяйственно-экономической деятельности, что обуславливает сопровождение глобализации новыми прогрессивными социальными изменениями. Конструктивное отношение к вызовам глобализации обеспечивает культура, взятая в широком смысле.

Ориентиры обмена на принципах «рыночности», в которых доминирует оплата услуг, и безвозмездной благотворительной деятельности, направленной на общие цели сельских сообществ, значительно изменились. Они почти не реализуются в пространстве трудовой занятости в формальных организациях, но по-прежнему остаются в реальной повседневности сельского сообщества. Она почти полностью ушла из пространства трудовой занятости, но по-прежнему реализуется на принципах народной нравственности: доброжелательства, сочувствия к бедным, стремлении жить по совести. Фактически полностью отсутствует оплата или отдар за такую помощь нуждающимся, как наблюдать за детьми в случае вынужденного временного отъезда родителей, подарить детям из бедной семьи школьные принадлежности, а пенсионерам – предметы одежды, провести срочный ремонт оборудования тепло- и водоснабжения, забрать коров из стада и пригнать их к дому владельца, отвезти в больницу односельчанина на своем автомобиле и т. д.

Таким образом, мир сельского социума России пронизан смыслами взаимодействия и сплоченности, логично связанными с этосом жизни «на миру», которые генетически присущи крестьянству и сохранились в пореформенное время на базе социохозяйственной самостоятельности наиболее творческой части жителей, и пока слабо проявляющимися в формализованном социохозяйственном пространстве АПК.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : более 50 000 толкований : [однотомная версия]. СПб. : Ленинградское изд-во, 2009. 896 с.
2. Великий П. П. Повседневность российского села в начале XXI века / под ред. Ю. С. Воронова. Саратов : Саратовский источник 2020. 308 с.

3. Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / пер. с англ. П. Черемушкина [и др.]. М. : Алгоритм, 2016. 286 с. (Философский поединок).
4. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдьё П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. С. 53–97.
5. Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем. под науч. ред. Л. Г. Ионина. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. 560 с.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2000. 880 с.
7. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация, Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 295–424.
8. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 528 с.
9. Великий П. П. Духовная жизнь советского села. М. : Мысль, 1982. 208 с. (Социология и жизнь).

Поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 16.05.2023
The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 271–275

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 271–275

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-271-275>, EDN: NAWFFX

Научная статья

УДК 316.361.1

Незарегистрированный брак в оценках молодежи в условиях трансформации российского общества

З. Х. Коблева

Майкопский государственный технологический университет, Россия, 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191

Коблева Зурет Халидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики, zureta_01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1177-4135>

Аннотация. Институт семейно-брачных отношений в современных условиях представляет собой устойчивый исследовательский интерес в контексте трансформационных процессов общества, отражающих деструктивные явления, которые связаны с распространением различных форм и моделей незарегистрированного брака, пользующихся популярностью в современной молодежной среде. В силу своих институциональных особенностей незарегистрированный брак обладает рядом преимуществ: отсутствие юридических основ брака и взаимных обязательств между партнерами играют решающую роль в выборе форм и моделей будущей семьи. В ходе социологического исследования, проведенного в 2021 г. среди молодежи Республики Адыгея, было установлено, что наиболее распространенной формой незарегистрированных брачных отношений в современной молодежной среде является «пробный брак», позволяющий выявить степень взаимного интереса партнеров в процессе межличностного взаимодействия, раскрывающий специфику альтернативных брачных союзов, которые не всегда оправдывают представления молодых людей о сущности семейно-брачных отношений. Анализ эмпирических данных по исследуемой проблеме свидетельствует о наличии противоречивых тенденций в отношении молодых людей к феномену незарегистрированного брака, отражающих стремление подрастающего поколения к отказу от традиционных форм семьи и популяризации альтернативных форм брака.

Ключевые слова: незарегистрированный брак, семейно-брачные отношения, молодежь, брачные партнеры, «пробный брак»

Для цитирования. Коблева З. Х. Незарегистрированный брак в оценках молодежи в условиях трансформации российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 271–275. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-271-275>, EDN: NAWFFX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Unregistered marriage in the assessments of young people under the conditions of Russian society transformation

Z. Kh. Kobleva

Maikop State Technological University, 191 Pervomaiskaya St., Maykop 385000, Russia

Zuret Kh. Kobleva, zureta_01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1177-4135>

Abstract. Under modern conditions, the institute of family and marriage relations is of stable research interest in the context of the transformation processes of society associated with the spread of various forms and models of unregistered marriage, which are popular among modern youth. Due to its institutional features, unregistered marriage has a number of advantages, in which the absence of legal foundations of marriage and mutual obligations between partners play a crucial role in choosing the forms and models of the future family. It was found that the most common form of unregistered marriage relations in the modern youth environment is a "trial marriage", which allows to identify the partners' mutual interest degree in the process of living together in the conditions of interpersonal interaction, revealing the specifics of such marriage unions, which do not always justify the ideas of young people about the essence of family-marriage relations. The analysis of empirical data on the problem under study indicates the presence of contradictory trends in the attitude of young people to the phenomenon of unregistered marriage, characterized by a pronounced individualization of the values of the younger generation, reflecting the desire of young people to abandon traditional forms of family and popularize alternative forms of marriage.

Keywords: unregistered marriage, marital relations, youth, marriage partners, "trial marriage"

For citation: Kobleva Z. Kh. Unregistered marriage in the assessments of young people under the conditions of Russian society transformation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 271–275 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-271-275>, EDN: NAWFFX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В ходе социально-экономических преобразований российского общества в конце XX в., характеризующихся ухудшением уровня жизни населения страны, ростом бракоразводных процессов и появлением неполных семей, стали наблюдаться очевидные тенденции, направленные на снижение социальной значимости традиционных форм семейно-брачных отношений, на смену которым приходят незарегистрированные формы брака, набирающие популярность в обществе.

Одним из важнейших принципов формирования современной семьи становится вариативность и многообразие брачной сферы ввиду серьезных изменений в системе внутрисемейной организации, уровня межличностного взаимодействия, свидетельствующих о трансформации устоявшихся норм брачного поведения.

Под **незарегистрированным браком** понимается совместная жизнь и ведение общего хозяйства партнерами в условиях отсутствия официальной регистрации брака.

Актуальность темы нашего исследования обусловлена противоречивыми тенденциями в сфере института брачных отношений, связанных со снижением социокультурной значимости традиционной семьи и популяризацией альтернативных форм и моделей брака в молодежной среде.

Методологическую основу нашего исследования составили принципы структурно-функционального подхода Э. Дюркгейма [1], Р. Мертон [2], Т. Парсонса [3], которые отражены в исследованиях отечественных социологов, изучавших проблемы незарегистрированных браков в обществе.

В отечественной науке изучение данного социального феномена с точки зрения его формы и внутреннего содержания связано с трудами Т. А. Гурко [4], Л. Б. Осиповой [5], А. В. Ковалевой [6], Н. В. Король [7], А. Р. Михеевой [8], Ю. М. Панфиловой [9], И. Б. Назаровой, М. П. Зеленской [10] и др.

В исследовании Я. В. Беляевой выявлены основные тенденции, определяющие отношение молодых людей к феномену незарегистрированного брака, где исследователь определяет данный процесс как «плюрализм мнений, относительно организации семейной жизни, способствующий созданию благоприятных условий для увеличения числа незарегистрированных браков» [11, с. 16]. Отдельный интерес вызывает коллективное исследование ученых А. В. Рачипа, С. И. Самыгина и А. В. Верещагиной, раскрывающее причины распространения гражданского брака в молодежной среде [12].

Современные исследования в области незарегистрированных форм брака характеризуются двумя противоречивыми подходами, согласно которым, с одной стороны, процесс становления и распространения данного социального феномена рассматривается в контексте модернизационных процессов в брачной сфере и повышением уровня индивидуализации ценностей молодежи, в условиях которых незарегистрированное партнерство приобретает особую привлекательность. Другой исследовательской позиции придерживаются те, кто считает популяризацию альтернативных форм брака отражением кризисных явлений института семьи, имеющих деструктивный характер, способствующих значительному снижению устоявшихся в социуме норм и правил брачного поведения.

По данным ВЦИОМ, отношения сожительства между мужчиной и женщиной без «штампа в паспорте» 46% россиян считают нормальным социальным явлением, при этом среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет эта доля сегодня составляет 59% [13]. Очевидно, что выбор молодых людей относительно форм и моделей брака основан на индивидуальных ценностных предпочтениях, где традиционные формы брака теряют для них свою актуальность.

Следует признать, что в настоящее время значительной трансформации подверглось понимание брака, которое стало приобретать деструктивный характер, отражающий не свойственные российской ментальности ценности семейно-брачных отношений.

Признание многими европейскими государствами во второй половине XX в. альтернативных форм и моделей брака, получившие чуть позже широкое распространение и в нашем обществе, сформировали концептуально новую модель в системе брачной стратегии молодежи, для которой принцип вариативности брака и свобода в выборе брачного партнера приобрели совершенно иное, ценностно-смысловое содержание. В этих условиях молодые люди оказались перед серьезным выбором: с одной стороны, традиционные формы семьи, отражающие социокультурные ценности общества, с другой, либерализация семейно-брачных отношений и отказ от регистрации брака, вызывающие определенный интерес у значительной части молодежи.

Согласно мнению Т. А. Фурсиной, самой распространенной причиной популяризации незарегистрированного брака в молодежной среде принято считать «попытку репетиции семейных отношений» [14, с. 73].

К числу основных причин формирования таких союзов, на наш взгляд, следует отнести:

- желание проверить взаимные чувства партнеров;
- возможность пожить взрослой, самостоятельной жизнью вдали от родителей;
- отсутствие взаимных обязательств;
- стремление к личностной самореализации.

В этих условиях незарегистрированный брак выполняет свою главную социальную функцию, обеспечивая автономность брачных партнеров в контексте личностной самореализации, требующей огромных усилий и большого количества времени на достижение поставленных целей, что не совместимо с ценностями традиционного брака.

Многие молодые люди предпочитают создание собственной семьи с точки зрения партнерских отношений, для которых важен не сам факт регистрации брака, а скорее, эмоциональный и психологический комфорт как важное условие для формирования гендерного паритета в системе межличностного взаимодействия.

Процесс формирования незарегистрированного брака в современной молодежной среде характеризуется различными формами, среди которых наибольшее распространение получает «пробный брак» как временное сожительство молодых людей, основанное на устной договоренности, получившее еще название «студенческого брака» в силу специфики его формирования в студенческой среде. Чаще всего подобные союзы позволяют партнерам примерить на себя роль супругов, оценить характер и степень межличностного взаимодействия в период совместной жизни.

Однако «пробный брак» имеет и свои существенные недостатки:

- взаимоотношения партнеров не регулируются в правовом поле;
- непродолжительный период брачных отношений;
- неготовность молодых людей брать на себя ответственность;
- отсутствие собственного жилья, по причине которого вступление в официальный брак откладывается на время.

Для выявления отношения молодых людей к незарегистрированному браку в феврале 2021 г. мы провели социологическое исследование в форме случайной выборки, в котором приняли участие молодые люди (N = 250 чел.) в возрасте от 18 до 35 лет, проживающие на территории Республики Адыгея. Все участники исследования были разделены на две группы по возрастному и гендерному признаку.

Количественный анализ исследования выявил преимущество незарегистрированного брака в молодежной среде, о чем уверенно заявили 57% мужчин и 46% женщин, для которых партнерские отношения представляют наиболее приемлемый формат брачного союза в современных условиях. Среди тех, кто отрицательно оценивает альтернативные формы брака, оказалось примерно равное количество респондентов в обеих группах: 24 и 25% соответственно, выразивших уверенность в необходимости сохранения традиционных форм брака. Примечательно, что определенная часть молодых людей затруднилась с ответом, что вполне объяснимо с точки зрения профессионально ориентированной части молодых людей в данной возрастной категории, для которых личностная самореализация занимает доминирующие позиции в иерархии ценностей (табл. 1).

Таблица 1

Отношение современной молодежи к незарегистрированному браку, %

Значения	Мужчины	Женщины
Положительное	57	46
Отрицательное	24	25
Затрудняюсь ответить	19	29

В этом контексте мы решили узнать, какие формы брака наиболее привлекательны для современной молодежи (табл. 2).

Таблица 2

Какую форму брака вы считаете наиболее предпочтительной?, %

Значения	Мужчины	Женщины
Официальный брак	31	47
Пробный брак	36	32
Сожительство	27	18
Затрудняюсь ответить	8	3

Проведенный нами опрос выявил противоречивые тенденции в системе ценностных предпочтений молодых людей относительно форм брака. Так, доля женщин и мужчин, высказавшихся за сохранение официальной формы брака как проявление устойчивости ценностей традиционной семьи, составила 47 и 31% соответственно. Показательными стали ответы участников нашего опроса в выборе пробного брака как оптимальной формы партнерства в период обучения, доля которых составила 36 и 32% соответственно.

Востребованной формой брака в молодежной среде становится и сожительство: согласно

полученным результатам, 27% мужчин и 18% женщин определяют подобный вариант брачности приоритетным в качестве модели будущей семьи.

Становится очевидным, что традиционный брак подвержен в значительной степени модификации в условиях выраженной индивидуализации ценностей молодых людей. В этой связи мы решили уточнить, влияет ли мнение родителей на брачный выбор молодежи (табл. 3).

Таблица 3

Влияет ли мнение родителей на выбор формы брака?, %

Значения	Мужчины	Женщины
Да, влияет	37	46
Влияет, но незначительно	34	41
Не влияет	12	10
Затрудняюсь ответить	7	3

Количественный анализ исследования выявил, что значительная часть женщин (46%) положительно оценивают влияние родителей на выбор партнера в процессе создании будущей семейной жизни. С ними согласились 37% мужчин, уверенных в положительной роли родителей в выборе форм брака. О незначительном влиянии родителей в формировании своей будущей семейной жизни заявили 34% мужчин и 41% женщин, в то время как количество респондентов, считающих, что родители не оказывают влияния на брачный выбор своих детей, составило 12 и 10% соответственно. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что молодые пары в условиях незарегистрированных отношений придают важную социальную значимость построению собственной карьеры в условиях комфортного и ничем не обязывающего брака при минимальной роли и участии родителей в подготовке к будущей семейной жизни.

Важно подчеркнуть, что процесс формирования позитивного отношения современной молодежи к незарегистрированным формам брака складывается в процессе социализации, в ходе которой происходит выработка определенных ценностных представлений и ориентиров молодых людей, способствующих выбору форм брачности, исходя из своих личных предпочтений.

С другой стороны, в силу своих специфических особенностей незарегистрированный брак продолжает сохранять определенную степень социальной нестабильности по причине укоренившегося в сознании российского общества принципов формирования семьи в соответ-

ствии с традиционными ценностями семейно-брачных отношений, что вызывает состояние неопределенности в отношениях брачных партнеров, сделавших свой выбор в пользу альтернативных форм брака.

Анализ научных исследований в сфере семейно-брачных отношений выявил популяризацию незарегистрированных форм брака в молодежной среде, для которых вступление в отношения сожителства не противоречит системе индивидуальных ценностей и установок, главным достоинством которых является отсутствие официального оформления брачного союза, способствующее сохранению автономии брачных партнеров в условиях незарегистрированных отношений.

Проведенное исследование показало очевидное преимущество сожителства вне брака в молодежной среде, связанное с переоценкой системы ценностей и предпочтений, но при этом был выявлен неравномерный характер выбора молодыми людьми незарегистрированных брачных отношений ввиду некоторых институциональных особенностей, отражающих стремление к данному формату брака в большей степени со стороны профессионально ориентированной части молодежи и в меньшей степени для остальной части молодых людей, для которых незарегистрированный брак представляет интерес в качестве кратковременного сожителства.

Подводя итоги нашего исследования, отметим наличие двух противоречивых тенденций в системе выбора брачной стратегии в современной молодежной среде, где, с одной стороны, сохраняется определенная степень устойчивости традиционного брачного союза, с другой – становится вполне очевидным позитивное отношение к различным формам незарегистрированного брака, обладающего рядом преимуществ, к числу которых следует отнести:

- отсутствие желания регистрировать свой брачный союз;
- вариативность форм и моделей брака;
- широкая автономия партнеров;
- эмоциональный и психологический комфорт в системе межличностного взаимодействия.

Популяризация незарегистрированных форм брака в молодежной среде вызвана целым рядом социальных факторов, а именно:

- 1) уровень социально-экономических условий в обществе вызвал существенные изменения в системе традиционных ценностей семьи;
- 2) формирование системы ценностных установок в молодежной среде происходит под

влиянием «новомодных» западноевропейских тенденций, связанных с доминированием системы индивидуальных ценностей над общесемейными, выраженных в формировании различных форм семейно-брачных отношений и не предусматривающих официального брачного статуса;

3) под воздействием новых ценностных ориентиров современной молодежи особое место в иерархии ценностей занимают принципы профессионального и карьерного роста, имеющие ярко выраженную направленность на достижение финансового благополучия;

4) устоявшиеся взгляды на традиционную форму брака в молодежной среде формируют стойкое убеждение молодых людей в том, что официальный брак утратил свою социокультурную значимость, на смену ему приходят альтернативные формы брака, предоставляющие право индивидуального выбора молодыми людьми формата брачных отношений в соответствии с их ценностными предпочтениями.

Как показывают результаты эмпирических данных, полученных нами в ходе социологического исследования, традиционные формы семейно-брачных отношений продолжают сохранять (в определенной степени) устойчивый характер, однако растущая популярность незарегистрированных форм брака среди молодых людей приводит к выводу о серьезной трансформации семейно-брачных отношений, требующих глубокого научного обобщения.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., прим. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. 348 с. (История социологии в памятниках).
2. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой [и др.] ; науч. ред. З. В. Коганова. М. : АСТ ; Хранитель, 2006. 874 с.
3. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. Проблемы и перспективы / под ред. Р. Мертона, Л. Брума, Л. Коттрелла. М. : Прогресс, 1965. С. 25–67.
4. Гурко Т. А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69. <https://doi.org/10.31857/S013216250014117-1>
5. Осипова Л. Б. Гражданский брак как социальное явление // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (29). С. 189–195.
6. Ковалева А. В. «Гражданский брак» в современном российском обществе // Современная наука. 2010. № 2. С. 118–122. EDN: NDRBRD
7. Король Н. В. Особенности жизненных ценностей партнеров, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке // Философия и социальные науки. 2015. № 1. С. 84–88.
8. Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты : учеб. пособие. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т. 2001. 74 с.
9. Панфилова Ю. М. Представления о партнерстве в незарегистрированном браке // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2020. № 18. С. 56–62. EDN: SZPVBV
10. Назарова И. Б., Зеленская М. П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 78–89. <https://doi.org/10.31857/S013216250005795-7>
11. Беляева Я. В. Состояние и динамика отношения молодежи к незарегистрированному браку : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 16 с.
12. Рачина А. В., Самыгин С. И., Верещагина А. В. «Гражданский брак» в России: Причины и последствия распространения в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 122–126.
13. Брак и сожительство: ставим знак тождества? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-i-sozhitelstvo-stavim-znak-tozhdestva> (дата обращения: 24.01.2022).
14. Фурсина Т. А., Кузьмина С. В. Отношение молодежи к незарегистрированному браку // Молодой ученый. 2016. № 9.4 (113.4). С. 72–74. URL: <https://moluch.ru/archive/113/29339/> (дата обращения: 14.02.2022).

Поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 15.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 276–283

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 276–283

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-276-283>, EDN: MILENG

Научная статья

УДК 316.4.05

Модернизация образовательного потенциала в условиях частичной военной мобилизации в России

Т. М. Баландина, Ю. Г. Быченко ✉

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Баландина Таисия Михайловна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, balandinatm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7577-4826>

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Аннотация. Уточнены специфические проблемы развития образовательного потенциала россиян, связанные с резким обострением военного противостояния в мире, активизацией военных действий на Украине, осуществлением частичной мобилизации, а также мобилизационной образовательной подготовкой части экономически активного населения России. Проанализированы теоретические разработки, посвященные исследованию образовательного потенциала, условно ранжированы данные концепции на междисциплинарные, общесоциологические, военно-социологические. Интеграция различных взглядов позволила доказать, что в условиях существенного роста военной напряженности в мире общая тенденция модернизации образовательного потенциала определяет необходимость усиления военно-образовательного и адаптационного компонента данного потенциала. Выдвигается гипотеза, согласно которой модернизация образовательного потенциала населения в условиях частичной военной мобилизации в России предполагает: обновление его содержания (внедрение дополнительных военно-образовательных компонентов); насыщение научно-духовного качества (накопление инновационной составляющей способностей его носителей); выделение адаптивного потенциала как самостоятельного компонента саморазвития (накопление адаптивной составляющей способностей носителей образовательного потенциала). Представлены конкретные направления модернизации образовательного потенциала россиян в условиях частичной военной мобилизации. Первое направление – переход к комплексному и непрерывному формированию образовательного потенциала. На всех уровнях общего, профессионального, дополнительного образования должна прослеживаться двойственная целевая направленность: общая и специальная гражданская; общая военная. Второе направление – становление проактивного (опережающего) типа формирования образовательного потенциала. Важно в системе образования преобразовать характер научно-инвестиционных потоков, активизировать каналы социокультурной мобильности. Третье направление – выделение адаптивного потенциала как отдельной составляющей образовательного потенциала. Доказывается, что в новых условиях реализация образовательного потенциала зависит от способностей индивидов быстро оценивать изменения внешней социальной среды, адаптироваться, формировать новые модели воздействия в процессе труда, службы, военного воздействия на неприятеля. Адаптивный образовательный потенциал предлагается рассматривать как характеристику образовательных способностей личности к приспособлению собственной деятельности как в мирное, так и военное время.

Ключевые слова: образовательный потенциал, профессиональный потенциал, модернизация, военные социологи, специальная операция, военнослужащие, население, реформа образовательной системы

Для цитирования: Баландина Т. М., Быченко Ю. Г. Модернизация образовательного потенциала в условиях частичной военной мобилизации в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 276–283. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-276-283>, EDN: MILENG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modernization of the educational potential under the conditions of partial military mobilization in Russia

T. M. Balandina, Y. G. Bychenko ✉

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Taisiya M. Balandina, balandinatm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7577-4826>

Yuriy G. Bychenko, bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Abstract. The specific problems of the development of the educational potential of Russians related to the sharp aggravation of the military confrontation in the world, the intensification of hostilities in the Ukraine, the implementation of partial mobilization, as well as the mobilization of educational training of part of the economically active population of Russia are clarified. Theoretical developments devoted to the study of

educational potential are analyzed, and these concepts are conditionally ranked into interdisciplinary, general sociological and military-sociological ones. The integration of different views made it possible to substantiate the need to clarify the trend in the development of the educational potential of the population as a set of knowledge, skills, abilities, culture and practical experience of individuals in the areas of both general and partially military-professional action. The hypothesis is put forward according to which the modernization of the educational potential of the population under the conditions of partial military mobilization in Russia involves: updating its content (introduction of additional military educational components); saturation of scientific and spiritual quality (accumulation of the innovative component of the abilities of its carriers); allocation of adaptive potential as an independent component of self-development (accumulation of the adaptive component of the abilities of carriers of educational potential). The ways of modernization of the educational potential of Russians are presented. The first one is the transition to a comprehensive and continuous formation of educational potential. At all levels of general, professional, and additional education, there should be a dual target orientation: general and special civil; general military. The second one is the formation of a proactive (proactive) type of formation of educational potential. In the education system it is important: to transform the nature of scientific and investment flows; to activate the channels of socio-cultural mobility; to reverse the saturation of civilian and military human capital of trainees and trainees. The third one is the allocation of adaptive potential as a separate component of educational potential. It is proved that under the new conditions, the realization of educational potential depends on the ability of individuals to quickly assess changes in the external social environment, adapt, form new models of influence in the process of work, service, military influence on the enemy. Adaptive educational potential is proposed to be considered as a characteristic of an individual's educational abilities to adapt their own activities in both peacetime and wartime.

Keywords: educational potential, professional potential, modernization, military sociologists, special operation, military personnel, population, reform of the educational system

For citation: Balandina T. M., Bychenko Y. G. Modernization of the educational potential under the conditions of partial military mobilization in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 276–283 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-276-283>, EDN: MILENG

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современная Россия переходит к принципиально новому типу общественного развития, особенность которого связана, с одной стороны, с резким обострением военного противостояния в мире, активизацией военных действий на Украине, с другой – с научно-информационной революцией, необходимостью инновационного развития российского общества. Страна вступает в новую фазу формирования и использования образовательного потенциала, когда рост общественного богатства, возможность обеспечения ее военной безопасности все более зависят от человека, совокупных способностей к профессиональной адаптации, возможностей реализации как гражданских, так и военных деятельных практик. В новых условиях быстро расширяется структура гражданских и военных коллективов, растет профессиональная дифференциация трудовой и служебной деятельности, усложняется технический и социальный организм военной организации. Начало специальной военной операции на Украине определяет новые потребности к формированию военного мобилизационного образовательного человеческого потенциала российского общества. Специальная подготовка мобилизованных граждан не всегда достаточно эффективна. Поэтому необходимо модернизировать процессы образовательной подготовки населения, внедрить двойственные образовательные технологии, ориентированные не только на формирование профессионального потенциала гражданской профессии, но и последующее оттачивание во-

енного потенциала, готовность выпускников учебных заведений выполнять функции по военной защите российского общества.

Проблемы современной модернизации образовательного потенциала рассматриваются на уровне междисциплинарного, общесоциологического, военно-социологического концептуальных подходов. Проанализируем основные идеи данных теорий подробнее.

Междисциплинарные концепции образовательного потенциала. На междисциплинарном уровне в научной литературе принято рассматривать образовательный потенциал как «набор социально необходимых: знаний, умений, навыков, энергии, которые имеются у человеческих существ и которые имеют социальную значимость, то есть могут использоваться в процессе целевой трудовой деятельности в течение некоторого времени» [1, р. 362]. Образовательный потенциал, являясь основой интеллектуальной характеристики человека, определяет потенциальные образовательные способности индивидуумов ко всякой деятельности. В узком смысле это конкретный набор трудовых образовательных способностей, т. е. знаний и умений в конкретном профессиональном контексте деятельности человека [2, р. 15]. В широком смысле это набор универсальных трудовых способностей представителей активной части населения к интеллектуальным, а также физическим трудовым действиям в результате использования обширного перечня знаний, непосредственных умений, способностей, а так-

же культуры. Формирование образовательного потенциала человека необходимо связывать с формальным обучением, просвещением, получением им практического опыта [3, с. 260].

Таким образом, на уровне междисциплинарного подхода образовательный потенциал человека имеет две формы проявления: узкая – конкретный и жестко ограниченный набор трудовых образовательных способностей, знаний и умений, отражающих возможность осуществления конкретной профессиональной деятельности; широкая – набор универсальных трудовых способностей, знаний и умений, общей культуры акторов, отражающих возможность осуществления различных видов профессиональной деятельности, адаптивных возможностей трансформации собственной общественной деятельности, в том числе трудовой.

Данные подходы не противоречат общесоциологической доктрине, согласно которой образовательный потенциал рассматривается как основа образовательного человеческого капитала. Здесь потенциал капитализируется в результате трудового использования освоенного запаса знаний, умений, профессионального опыта, полученного работником. Как таковой образовательный потенциал является и экономической, и социальной ценностью, обеспечивающей рост эффективности труда, доходов, качества жизни в целом [4, р. 198]. Он характеризуется накопленными знаниями, умениями, навыками [5], профессиональными способностями и общей культурой образовательного действия [6]. Представители данной научной школы акцентируют внимание на том, что модернизацию образовательного потенциала человека необходимо связывать не только с накоплением современных уже имеющихся, но и потенциально необходимых, пока еще не используемых наборов образовательных ресурсов [7], свойств, потенциальных качеств и способностей трудовых акторов [8]. Обосновывается идея о том, что модернизация образовательного потенциала определяет обновление возможностей накопления образовательного потенциала с точки зрения потребностей общества, социального самочувствия [9], механизмов, условий, а также социально-экономических ресурсов общества. В условиях осуществления военной операции создается потребность общества в формировании двойственных, гражданских, а также военных, характеристик трудовых способностей работников [10]. Последнее и определяет необходимость модернизации образовательного потенциала населения [11].

Таким образом, в рамках общей социологической парадигмы образовательный потенциал исследуется как форма образовательного капитала, ресурс формальных организаций, характеризующийся, с одной стороны, освоенными работоспособными субъектами знаниями, навыками, умениями, образовательными профессиональными способностями, деятельностной мотивацией, с другой стороны – культурой образовательного и трудового взаимодействия. При данном подходе конкретизируются предпосылки модернизации образовательного потенциала в условиях повышения военных угроз обществу. Обосновывается, что в новых условиях модернизация образовательного потенциала населения связана с необходимым обновлением его содержания – внедрением дополнительных военно-образовательных компонентов. В новых условиях развитие образовательного потенциала должно иметь двойственную направленность, создающую возможность капитализации формируемых знаний в гражданской и военной областях [12].

В работах военных социологов конкретизируется процесс модернизации образовательного потенциала человека в условиях повышения военных угроз российскому обществу. В контексте современной военной социологической доктрины образовательный потенциал предлагается рассматривать как системную категорию, отражающую меру комплексного образования индивидов, усвоение ими социально значимых знаний, профессиональных умений [13], а также накопление совокупных интеллектуальных способностей, таланта, создающих возможность эффективной деятельности не только в мирное, но и в военное время. Важно выделить наличие или отсутствие способностей акторов не только к формированию профессиональной карьеры в гражданской сфере, но и к получению доступа (при необходимости) к военным властным полномочиям [14], эффективной перестройки собственной трудовой деятельности в условиях выполнения специальных военных операций.

При данном подходе модернизация образовательного потенциала в условиях частичной мобилизации представляет собой объективный процесс, присущий данному специфическому этапу общественного развития. В условиях преодоления негативных последствий западных санкций, частичной мобилизации и активизации специальной военной операции на Украине образовательный потенциал должен подвергаться существенным изменениям.

Представляется аргументация необходимой модернизации образовательного потенциала населения России.

Во-первых, доказывается, что в новых условиях важен переход от классической (узкой целевой) формы образовательного потенциала к комплексной, непрерывной, ориентированной на широкий круг аспектов, в том числе и военно-образовательной составляющей [15]. Образовательной системе важно, с одной стороны, обеспечить рост узкого профессионального потенциала субъектов, с другой – активизировать механизмы устойчивого возобновления военных традиций, ценности военной дисциплины, норм военного и трудового профессионального взаимодействия. Комплексная система развития образовательного потенциала предусматривает создание многонаправленного, постоянного развития не только общих и профессиональных способностей, но и специфического военно-трудового потенциала обучаемых. В данном контексте качественная модернизация образовательного потенциала населения должна в перспективе иметь двойственную направленность: узкопрофессиональную гражданскую; широкопрофессиональную военную.

Во-вторых, обосновывается необходимость в рамках образовательного потенциала выделение и целевое развитие адаптационного потенциала индивидов [16]. Адаптационный потенциал рассматривается как показатель образовательной приспособляемости человека к экстремальным условиям реализации трудовой деятельности [17], различным, постоянно меняющимся условиям среды функционального взаимодействия [18]. Здесь адаптационный потенциал рассматривается не только как важнейший показатель способности к реализации всякой жизнедеятельности, но и как фактор возможности перехода человека к иным, в том числе и военным формам деятельности и взаимодействия индивида. Адаптационный потенциал – это, прежде всего, фактор стрессоустойчивости личности, его возможности осуществлять деятельность в условиях существенных трансформаций и агрессивных сдвигов во время военных действий, при стрессогенности окружающей среды.

Таким образом, в рамках концепции военной социологии предлагается рассматривать образовательный потенциал как сложную структуру накопленного населением багажа пониманий, умений и навыков, профессиональных, а также общеуниверсальных военных знаний. В условиях существенного роста военной напряженности в мире необходимо усиление

военно-образовательного компонента образовательного потенциала. Подобная модернизация образовательного потенциала позволит индивидам заниматься не только непосредственной профессиональной деятельностью в условиях мирного времени, но и при необходимости использовать приобретенные знания и умения в случае военных действий. Последнее и должно привести к резкому росту эффективности функционирования военной организации России в целом при начале полномасштабных военных действий.

По сути, представляется гипотеза о том, что модернизация образовательного потенциала населения России в условиях обострения военной напряженности в мире должна осуществляться по следующим направлениям: 1) переход к комплексной, непрерывной, ориентированной на широкий круг образовательных комплексных элементов системе функциональных знаний, умений и навыков (активизация военной составляющей целевого развития способностей обучаемых); 2) выделение в отдельную составляющую адаптивного образовательного потенциала, целевое государственное конструирование и контроль процессов формирования способности населения к трудовой приспособляемости.

Эмпирические основы исследования определяются данными проведенного нами полуструктурированного интервью с военными социологами Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации. Интервьюирование проведено в 2023 г. (N = 11). Фокус данного исследования был направлен не на личности интервьюируемых, а на их знания, компетенции, профессиональный опыт в сфере управления процессами развития образовательного потенциала населения России в условиях обострения военных конфликтов.

Выбор экспертов осуществлялся на основе нескольких критериев. Первый – высокий уровень знаний, компетенции в сфере развития образовательного потенциала населения. Второй – формально занимаемая должность преподавателя или руководителя образовательной структуры, предусматривающая деятельность и профессиональный опыт в сфере управления процессами развития образовательного потенциала частично мобилизованных акторов в процессе реализации военной операции на Украине. Третий критерий – научная деятельность в сфере военной социологии. Выбраны военные социологи (офицеры высшего состава)

со стажем научной и образовательной деятельности не менее 5 лет и в той или иной степени осуществляющие непосредственные социологические исследования, связанные с формированием образовательного потенциала населения России.

Анализ данных интервью показал, что модернизация образовательного потенциала населения военными социологами связывается прежде всего с изменениями потребностей в образовательном потенциале общества в условиях обострения военного конфликта на Украине.

П. М. (37 лет, подполковник) констатирует, что *...в условиях военной опасности, частичной военной мобилизации населения необходимо изменить требования к реализации развития образовательного потенциала. Военная составляющая потенциала должна стать обязательной и неотъемлемой частью на всех уровнях образования: довузовского, вузовского и послевузовского.* Именно потребности общества являются основной предпосылкой целевой ориентации процесса модернизации образовательной подготовки. Несложно заметить, что проблемы, которые возникают в процессе военно-профессиональной подготовки мобилизованных граждан для проведения специальной военной операции на Украине, являются основным фактором разработки проектов модернизации образовательного потенциала трудоспособного населения России в целом. Так, Б. А. (45 лет, подполковник) отмечает, что *...среди мобилизованных имеются опытные, умелые бывшие военнослужащие, которые, с одной стороны, имеют солидную базу (по ранее проходимой военной службе), готовы осуществлять собственное обучение, получать необходимые знания и навыки. Одновременно имеются и субъекты с существенными недостатками в системе базового военно-образовательного потенциала.* К. Н. (45 лет, полковник) акцентирует внимание на проблемах школьной и вузовской образовательной подготовки населения России в условиях реализации специальной операции на Украине: *В школах отсутствует система начальной военной подготовки, гражданская вузовская система имеет существенный отрыв от требований военной организации России.* Е. А. (40 лет, подполковник) указывает на проблему полного отрыва образовательной системы от общей подготовки военных специалистов: *Это очень серьезная проблема, которую необходимо решать в пользу существенного роста военно-образовательной составляющей*

в общей системе образовательного потенциала населения. В данном контексте важен вывод, который представляет эксперт Б. А. (45 лет, подполковник): *Современные гражданские учебные заведения не имеют направленности на подготовку военного компонента комплекса знаний и навыков. Сегодня представители гражданских профессий быстро теряют ранее приобретенные военные навыки. Вывод один – необходимо вводить специальные дисциплины в школе, в колледже и вузе, направленные на формирование военного адаптивного потенциала населения в целом.*

Необходимо констатировать, что проблемы подготовки мобилизованных групп населения определяются отрывом существующей образовательной системы от нужд военной безопасности общества. Сегодня важен переход к комплексному образовательному развитию населения, предусматривающему формирование не только конкретных профессиональных способностей индивидов, но и многоцелевых военно-профессиональных способностей населения общества.

Еще одной проблемой, по мнению респондентов, является подготовка мобилизованных военнослужащих. Е. А. (40 лет, подполковник) подчеркивает, что в современных условиях *...четко проявляется проблема вновь мобилизованных: недостаточный уровень адапционных способностей, что не позволяет им быстро, а главное эффективно перестроить свои способности, а главное действия с гражданских на военные требования.* В этой связи К. М. (35 лет, майор) отмечает, что *...мобилизованные ориентированы на отправление в зону специальной военной операции, что определяет необходимость обучения военным действиям в особых постоянно изменяющихся, а зачастую и экстремальных условиях. Здесь адапционный потенциал субъектов – база их эффективности, возможности решения поставленных боевых задач.* Эксперт акцентирует внимание на том, что стиль трудового поведения новых групп военнослужащих существенно обновляется в условиях привлечения их к военным действиям. Между тем ранее полученный базовый образовательный потенциал не включает в себя навыки реализации военной службы в экстремальных условиях военной операции. Б. А. (45 лет, подполковник) уточняет данный подход, заявляя, что *...в перспективе мобилизованным предстоит выполнять задачи в лесистой местности, степных застройках, городских массивах.* В данном контексте возникают

две проблемы: первая – косность и узость ранее полученных образовательных профессиональных знаний (отсутствие необходимых адаптационных способностей); вторая – низкий уровень военной направленности получаемых знаний в гражданских учреждениях. Здесь эксперт обращает внимание на то, что общий состав полученных ранее знаний призванного военнослужащего не адаптирован и не включен в современную военно-профессиональную терминологию, что представляется серьезным тормозящим фактором формирования военно-профессиональной компетенции мобилизованных призывников. Важно не только создать понимание и знание основ образовательной адаптации субъектов, но и обеспечить эффективную работу механизмов адаптационной мотивации, формирования специальных военно-адаптивных способностей индивидов. П. А. (38 лет, майор) также акцентирует внимание на данной проблеме: *...проведение военных действий в зоне специальной операции, жизнедеятельность в условиях артиллерийского противоборства, использование беспилотников, летательных аппаратов разведки требуют от военнослужащих не только высокого уровня адаптационных способностей, но и элементарных военных навыков выживания. Даже имеющийся у гражданских акторов адаптационный потенциал затруднен к реализации в специфических условиях военной операции. Особенности взаимодействия военнослужащих, тотальный учет и контроль поведения, необходимость подчинения военным целям, а также задачам, жесткие условия службы и быта приводят к необходимости становления у них новых адаптационных способностей.*

Таким образом, эксперты четко связывают повышение военной напряженности в обществе, обострение проблем образовательной подготовки мобилизованных с необходимостью процессов модернизации образовательного потенциала населения. Выявлено, что в ходе подготовки военнослужащих-призывников проявляется несоответствие некоторых компонентов сформированного у них образовательного потенциала необходимым требованиям. Преодоление данных проблем следует связывать с последующей модернизацией образовательного потенциала населения, целевым формированием военной составляющей данного потенциала, усилением адаптационных способностей обучающихся.

Анализ данных эмпирического исследования показывает, что в современных условиях необходимо обновление принципов

функционирования всей системы российского образования, осуществление модернизации образовательного потенциала. Последняя представляется экспертами как процесс осовременивания набора образовательных качеств и способностей по конкретной профессии, а также обновление адаптивных способностей и возможностей применения ранее полученных знаний, оптимизацию механизмов накопления военно-образовательного потенциала трудоспособного населения общества. Формирование адаптационного образовательного потенциала должно иметь двойственную направленность: 1) на адаптацию образовательного потенциала к выполнению военных целей и задач; 2) на приспособление в результате попадания в новую служебную и бытовую среду уже в процессе реализации боевых действий.

В условиях роста военной напряженности, активизации специальной военной операции на Украине во многом изменяются не только ценностные приоритеты общества в целом, но и потребности в развитии образовательного потенциала населения. Особый интерес вызывают процессы мобилизации, военно-профессиональной подготовки призывников, реализация их профессиональных качеств в системе выполнения задач по защите интересов Российской Федерации.

Современные условия характеризуются следующими процессами. С одной стороны, в результате проведенной частичной мобилизации идет активизация военных действий на Украине. Это приводит к изменению требований к формированию образовательного потенциала населения, необходимости перехода от узкопрофессионального к расширенному типу образовательного потенциала, включение в его структуру военного компонента компетенций. С другой стороны, осуществляются научно-информационное развитие российского общества, информатизация производственной, военной, бытовой сфер общества. Это приводит к росту компьютерного обеспечения, информационного насыщения жизни и деятельности различных групп населения. Последнее, в свою очередь, предусматривает дальнейшее насыщение научно-информационного комплекса образовательного потенциала населения. С третьей стороны, резко возрастают темпы развития социально-трудовой и служебной сфер общества, повышается неопределенность и агрессивность военного противодействия России.

Сегодня создается необходимость активизации адаптивного потенциала обучающихся

акторов. Предлагаются пути модернизации образовательного потенциала населения в современной России.

Во-первых, важен переход к комплексному двухсистемному и непрерывному формированию образовательного потенциала. На всех уровнях общего, профессионального, дополнительного образования должна прослеживаться двойственная целевая направленность: 1) общая и специальная гражданская; 2) общая военная. В рамках данных направлений важна активизация военной составляющей целевого развития образовательных способностей обучающихся. В гражданских учебных заведениях различного типа необходимо повсеместное формирование подразделений военного довузовского и вузовского образования, военных факультетов или кафедр, осуществляющих параллельно основному профессиональному профилю обучение по программам общей военной подготовки. Важно возобновить практику, когда в подавляющем составе высших учебных заведений осуществлялась подготовка военных офицеров запаса. При этом выпускники данных вузов вместе с типовым гражданским дипломом о получении профессии должны получать одновременно и квалификацию офицера (в запасе). Новые вызовы требуют усиления процесса подготовки и профессиональной переподготовки военных кадров в рамках гражданского вуза, выявление стратегических направлений модернизации профессионального потенциала военнослужащих в целом и офицерского состава в частности.

Во-вторых, необходимо обеспечить становление проактивного (опережающего) типа формирования образовательного потенциала. Важно в системе образования преобразовать характер научно-инвестиционных потоков, активизировать каналы социокультурной мобильности. Динамика реализации инвестиций в базовые формы человеческого капитала должна определять преимущественный характер их вложений в военную составляющую. Важно на постоянной основе разрабатывать и внедрять новые инновационные подходы к модернизации военной составляющей в системе образовательного потенциала общества, отвечающие не только вызовам роста военной напряженности в мире, но и потребностям информационного развития.

В-третьих, важно выделение отдельной составляющей образовательного потенциала в форме адаптационного образовательного потенциала как совокупности качественных

свойств и способностей к приспособлению: образовательному, базовому профессиональному (основному), военному профессиональному (дополнительному). В новых условиях реализация образовательного потенциала зависит от способностей индивидов быстро оценивать изменения внешней социальной среды, адаптироваться, формировать новые модели взаимодействия в процессе труда, службы, военных боевых действий. Адаптационный образовательный человеческий ресурс важно рассматривать как изначально общий потенциал (общие способности к адаптации индивидов), а затем особенный военный потенциал (специфические способности к адаптации в условиях осуществления служебно-трудовых действий в контексте решения военных задач).

Список литературы

1. Bowen H. R. *Investment in Learning*. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 1977. 507 p.
2. Thurow L.C. *Investment in Human Capital*. Wadsworth Publishing Company, Inc., 1970. 145 p. (Wadsworth Series in Labor Economics and Industrial Relations).
3. Долан Э. Дж., Линдсей Д. Е. Рынок: микроэкономическая модель. СПб. : Печатный Двор, 1992. 496 с.
4. Begg D., Fischer S., Dornbusch R. *Economics*. 3rd ed. London : McGraw-Hill, 1991. 667 p.
5. Черевешиник Н. Н. Трудовой потенциал как объект социального планирования // Вестник Саратовского агроуниверситета им. Н. И. Вавилова. 2006. № 5. С. 89–91.
6. Черевешиник Н. Н. Совершенствование программно-целевого планирования развития трудового потенциала // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. № 13. С. 124–128.
7. Ивченков С. Г. Цифровизация современного российского общества: тенденции и проблемы // Дыльновские чтения «Общество и личность в условиях информационно-цифровых трендов» : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 29–34.
8. Ивченков С. Г., Бегина И. А., Шахматова Н. В. Профессиональное становление будущих специалистов в рамках вторичной занятости студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 136–140. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-136-140>
9. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В., Шахматова Н. В. Динамика социального самочувствия саратовской молодежи: трудоустройство, ценности и опасения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 51–59. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-51-59>

10. Пихтелёв А. М. Духовно-культурное развитие деятельностного человеческого потенциала военнослужащих // *Alma mater*. 2019. № 4. С. 62–66. <https://doi.org/10.20339/AM.04-19.062>
11. Пихтелёв А. М. Институциональный подход оценки социокультурного потенциала военнослужащих // *Alma mater*. 2019. № 2. С. 71–74. <https://doi.org/10.20339/AM.02-19.071>
12. Быченко Ю. Г., Пихтелёв А. М. Развитие человеческого потенциала в оценках военнослужащих // *Власть*. 2019. № 1. С. 209–216. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6254>
13. Быченко Ю. Г. Здоровье как показатель биологического человеческого капитала работника // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12, № 5. С. 242–252. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-242-252>
14. Немоляев В. В., Савенко А. А. Профессиональное развитие как фактор трудовой мотивации работников // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2017. № 1. С. 219–223.
15. Баландина Т. М., Хвостанцев С. В. Профессиональная адаптация офицеров национальной гвардии России // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2017. № 3. С. 167–171. EDN: ZEGAIL
16. Баландина Т. М., Кузнецов Н. И. Особенности социальной адаптации курсантов современного военного института // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2018. № 4. С. 166–171. EDN: YNMAVF
17. Быченко Ю. Г., Передумов М. А. Социокультурная среда военнослужащих: основные характеристики // *PRIMO ASPECTU*. 2022. № 4 (52). С. 22–31. <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2022-4-52-22-31>
18. Курдюков Д. Н. Образ жизни военнослужащего как предмет социологического исследования // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 6. С. 271–279.

Поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 10.02.2023
The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 10.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 284–288

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 284–288

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-284-288>, EDN: RPWAMF

Научная статья

УДК 316.334:338.245

Имитационная деятельность в сфере инноваций и оборонно-промышленного комплекса как угроза экономической безопасности современной России

В. И. Малый, В. В. Гусев ✉

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Саратов, 410012, ул. Московская, д. 164

Малый Вадим Игоревич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративной экономики, 346023@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3694-6899>

Гусев Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, vladgus2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6634-1663>

Аннотация. В статье говорится об актуальных проблемах опытно-конструкторской и инновационной деятельности в Российской Федерации, о необходимости перевода производственного сектора России на современные высокотехнологичные рельсы. Однако, несмотря на то что высшее руководство страны подчеркивает курс на инновационное развитие как безальтернативный, на местах, в профильных министерствах, крупных государственных и негосударственных корпорациях по-прежнему большую роль играют факторы, которые мешают внедренческой деятельности или придают ей имитационный характер. Деятельность заинтересованных акторов часто носит откровенно имитационный характер, вместо настоящих научных изобретений, способных дать синергетический эффект и привести к появлению прорывных технологий во многих отраслях экономики, уполномоченные субъекты рынка, технико-внедренческие фирмы и фонды занимаются заимствованием инновационных технологий или работают в сфере псевдоинноваций, улучшая уже сделанные ранее изобретения и выдавая их за результаты своей деятельности. По этой причине в Российской Федерации наблюдаются откровенные провалы в производстве отдельных видов вооружений, продукции двойного назначения, микроэлектроники, машиностроения и в других важных отраслях. Санкционная политика в отношении Российской Федерации со стороны промышленно развитых государств, запрет на поставку в Россию многих видов высокотехнологичной продукции, транспортных средств, запасных частей, промышленного и навигационного оборудования, станков, микроэлектроники, технологий для сельского хозяйства вызывают в настоящее время острую необходимость развития собственной производственной базы, восполнения объемов непоставляемой техники за счет отечественного производства или по «параллельному импорту». Особенно актуальной проблема имитационной деятельности в сфере инноваций становится в современных условиях политической нестабильности и военно-технических рисков, так как она непосредственно влияет на национальную и экономическую безопасность государства. В статье говорится об объективных и субъективных факторах, действовавших до недавнего времени в Российской Федерации, по которым высокотехнологичная деятельность была отброшена в недавнем прошлом на многие годы назад.

Ключевые слова: инновации, оборонно-промышленный комплекс, имитация, космос, «утечка мозгов», Болонская система, риски, импортозамещение

Для цитирования: Малый В. И., Гусев В. В. Имитационная деятельность в сфере инноваций и оборонно-промышленного комплекса как угроза экономической безопасности современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 284–288. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-284-288>, EDN: RPWAMF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Imitation activity in the field of innovation and the military-industrial complex as a threat to the economic security of modern Russia

V. I. Maliy, V. V. Gusev ✉

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim I. Maliy, 346023@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3694-6899>

Vladimir V. Gusev, vladgus2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6634-1663>

Abstract. This article considers the current problems of development and innovation activities in the Russian Federation and the need to transfer the Russian manufacturing sector to modern high-tech rails. However, despite the fact that the country's top leadership emphasizes the course of innovative development as having no alternative, the relevant ministries, large state and non-state corporations, hinder implementation activities or imitate them still play an important role. For this reason, there are outright failures in the production of certain types of weapons, dual-use products, microelectronics, mechanical engineering and other important industries in the Russian Federation. The problem of imitation activity becomes urgent under modern conditions of political instability and military-technical risks which influence national and economic state security. The article reveals objective and subjective factors that caused high-tech activities to be pushed back in the recent past for many years.
Keywords: innovations, military-industrial complex, imitation, space, "brain drain", Bologna system, risks, import substitution

For citation: Maliy V. I., Gusev V. V. Imitation activity in the field of innovation and the military-industrial complex as a threat to the economic security of modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 284–288 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-284-288>, EDN: RPWAMF

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время довольно много разговоров о развитии в Российской Федерации технико-внедренческой, инновационной сферы, о необходимости перевода экономики страны на высокотехнологичную основу. Например, Президент РФ Владимир Путин в апреле 2022 г. подписал Указ «Об объявлении в Российской Федерации десятилетия науки и технологий», в котором говорилось о необходимости привлечения в сферу исследования и разработок в ближайший период (2022–2031 гг.) талантливой, способной молодежи, о содействии вовлечению исследователей и разработчиков в решение важнейших задач общества и страны [1]. По мнению В. В. Путина, необходимо основательно заниматься технико-внедренческой деятельностью, наращивать инновационный потенциал как государства в целом, так и отдельных регионов, внедрять элементы программного обеспечения и компьютерного интеллекта во все сферы социально-экономической жизни [2]. При этом необходимо, чтобы соблюдалось четкое разделение: традиционные и инновационные отрасли экономики следует развивать с помощью активного привлечения частных инвесторов, а государственный капитал, средства бюджета должны эффективно использоваться в тех отраслях, где потенциал негосударственного сектора ограничен, – в оборонно-промышленном комплексе и инфраструктурном секторе. В России в настоящее время проводится схожая политика – активно создаются негосударственные и государственные инновационные фонды, внедренческие площадки, технопарки и технополисы, руководителями которых назначаются крупнейшие российские чиновники и предприниматели (фонд и технопарк «Сколково», госкорпорация развития «ВЭБ.РФ», АО «Роснано», Потанинская школа, Московский инновационный кластер и т. д.), которые пользуются всеми доступными инструментами бюджетной, финансовой и налоговой поддержки.

Однако, несмотря на существование столь серьезных институтов, при тщательном, детальном анализе может показаться, что деятельность в сфере инноваций в Российской Федерации является имитационной. Специалисты в области новых технических решений могут приблизительно оценить колоссальный ущерб от вывоза технологических идей, проектной и конструкторской документации в зарубежные страны за последние тридцать лет начиная с 1991 г. Многие российские технические приемы, созданные еще в СССР, в настоящее время часто подвергаются ребрендингу и лишь немного совершенствуются, представляясь чем-то новым и уникальным. Ряд технологий в области производства высокотехнологичной техники, например в авиа- и судостроении, автомобильной промышленности, машиностроении, микроэлектронике, биотехнологиях и селекции растений, безвозвратно утрачен (например, производство оборонной и гражданской техники, беспилотных летательных аппаратов на Саратовском авиационном заводе). Многие советские предприятия закрыты, а их персонал, инженеры и квалифицированные рабочие ушли в другие сектора экономики.

Вызывают вопросы и конкретные методы ведения инновационной деятельности. Основные российские акторы, развивая инновационную деятельность в стране, часто регистрируют дочерние компании в офшорных зонах и зарубежных странах, через которые сначала финансируются инновационные проекты, а в дальнейшем за рубеж выводятся выручка и прибыль (наиболее показательный пример в данной сфере – деятельность акционерного общества «Роснано» во времена руководства Анатолия Чубайса). При этом проблему частой имитации инновационной деятельности признают и российские должностные лица, и ведущие отечественные ученые. Например, заместитель директора Института прикладной математики

имени Келдыша РАН профессор Георгий Малинецкий прямо заявил на научном семинаре по вопросам инновационной деятельности: «В России совершен переход от реальной работы к имитации инновационной деятельности» [3]. Так почему же в России технико-внедренческая деятельность продолжает носить несистемный, хаотичный и имитационный характер, что в целом угрожает национальной и экономической безопасности страны? Рассмотрим данную проблему.

Непоследовательная технологическая политика 1990-х гг., сознательный отказ от прежних знаковых достижений являются первоначальной и основной причиной снижения выразительности инновационной деятельности в Российской Федерации. Новые разработки в СССР опирались во многом на автономную научно-техническую и технологическую базу и достижения в сфере оборонно-промышленного комплекса. При развале Союза, который во многом был вызван искусственными причинами, при переходе к рыночной модели развития и проведении курса на международную экономическую интеграцию прорывные технологии СССР были принесены «в жертву» новой сложившейся политической ситуации. Характерный пример – космическая программа «Буран – Энергия». Советский многоразовый челнок «Буран» совершил свой единственный полет в режиме автоматического управления 15 ноября 1988 г., а затем научные исследования по невыясненным причинам были свернуты. В 2004 г. официальные лица Роскосмоса публично признались, что данная программа опередила время, а Министерство обороны страны оказалось не готово к ее практическому использованию. Практические работы по программе «Буран – Энергия» были приостановлены в 1990 г., а в мае 1993 г. – окончательно закрыты. Всего по данной программе в России работали 1200 предприятий, и за время разработки космического челнока «Буран» было получено 230 уникальных, абсолютно новых, не имеющих аналогов в мире технологий [4].

Аналогично свертыванию программы «Буран – Энергия» сложилась ситуация в производстве и поставке на вооружение атомных подводных лодок, наиболее высокотехнологичной отрасли российского военно-промышленного комплекса. В начале 1990-х гг. в Российской Федерации в рамках межгосударственного соглашения с США была проведена комплексная программа по утилизации инновационных атомных подводных крейсеров, в том числе

боеспособных единиц с не закончившимся сроком эксплуатации. К Соединенным Штатам по данному соглашению присоединились и другие страны коллективного Запада – Италия, Канада и Норвегия. В совокупности было выведено из эксплуатации 197 подлодок, в том числе на Северном Ледовитом океане – 120, на Тихом океане – 77 подводных лодок, их них было утилизировано 137 лодок: на Севере – 92, на Тихом океане – 45 [5]. В результате столь опрометчивой военной политики в 1990-е гг. Российской Федерации в настоящее время в спешном порядке приходится восстанавливать значительно нарушенный ядерный паритет, в том числе за счет строительства и ввода в эксплуатацию новых подводных крейсеров. Оборонные силы России в этой области колоссальными усилиями постепенно восстанавливаются.

Аналогичная ситуация – сворачивания деятельности и утраты технологий – складывается в производстве металлорежущих станков, сложного промышленного оборудования, морских и речных судов, микроэлектроники, бытовой техники, автомобилестроении, химической и легкой промышленности, в других важных для народного хозяйства отраслях.

Вторая причина переломного момента инновационной деятельности в России следует из первой – это «утечка мозгов» и российских промышленных секретов, начавшаяся с распадом Советского Союза в 1990-е гг. и продолжающаяся до сих пор. По актуальным данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, в результате начала специальной военной операции (СВО) из России за 2022 г. выехали примерно 100 тысяч специалистов IT-сферы, при этом 80% уехавших специалистов продолжают работать на российские компании [6]. Несколько тысяч российских инженеров и программистов в настоящее время работают в Силиконовой долине (США). В общей сложности потери России от «утечки мозгов», а именно высококвалифицированных кадров, инженеров и программистов, расцениваются аналитиками российского Центра гуманитарных технологий в 50 млрд долл. ежегодно [7].

Третья значимая причина «перелома» инновационной активности в России – деградация российской системы образования. Общеизвестно, что советская система среднего и высшего образования была одной из лучших в мире. Внедрение Болонской системы, предпринятое Министерством образования РФ на фоне интеграции России в мировое сообщество, в совре-

менных условиях показывает свою нецелесообразность и несостоятельность. В результате укороченного обучения бакалавров будущие выпускники вузов не получают требуемого уровня знаний (прежде всего, в области научной и производственной практики на предприятиях) и целостного представления о профессии, поэтому не без причины многие российские высшие учебные заведения стали снова применять у себя полноценные образовательные программы с пятилетним сроком обучения, а военные и медицинские вузы вовсе не переходили на бакалаврские варианты подготовки кадров. На наш взгляд, в результате перевода специалиста на усеченный вариант подготовки – бакалавриат – в ходе образовательной реформы во многом пострадала отечественная инженерная мысль, обучение конструкторов и инженеров, проектировщиков продукции, и на выходе экономика страны получает бакалавров-недоучек, которые часто не в состоянии генерировать сложные технические идеи. Что же касается второго уровня обучения, то, как показывает практика, в магистратуру на обучение идет далеко не каждый бакалавр, многие выпускники сразу идут работать в компании реального и финансового секторов экономики.

Общеизвестно, что специальная военная операция России на территории Украины в феврале 2022 г. возникла как симметричный ответ на попытку создания странами коллективного Запада во главе с США антироссийского проекта в соседней стране. Предпосылки начала СВО – нацификация идеологии соседней страны, необъявленная «гибридная» война Украины против восточных регионов, преследование и фальсификация русской культуры и истории, геноцид русскоязычного населения и законы против использования русского языка, стремление украинской власти разработать собственное ядерное оружие и вступить в блок НАТО. Безусловно, СВО явилась весьма рискованной, но во многом вынужденным шагом со стороны военно-политического руководства РФ, поэтому среднесрочные и долговременные последствия данного решения в настоящее время невозможно оценить. По нашему мнению, наиболее значимыми последствиями (рисками в стадии развития) СВО для российского общества именно в инновационной сфере являются: приостановка сотрудничества с развитыми странами, в том числе в ряде инновационных и высокотехнологичных областей (исследование космоса, ракетно- и самолетостроение, нефте- и газодобыча, электроэнергетика, автомобиль-

ная промышленность, производство компьютерной и бытовой техники); запрет на поставку в РФ многих видов высокотехнологичной продукции, в том числе самолетов и запчастей к ним, микроэлектроники, промышленных станков и оборудования, гидро- и газовых турбин, автомобилей, программного обеспечения; значительное удорожание подобной продукции при поставках в РФ по системе параллельного импорта и т.д.

В конечном итоге практический результат отрицательного действия рассмотренных выше причин говорит о том, что реализация в российскую действительность новых технико-внедренческих приемов представляется в настоящее время проблематичной и сомнительной. Научный результат главных российских «инновационных» проектов нашего времени – «Роснано», «Сколково» и «Роскосмос» – остается весьма скромным. Финансовые средства, выделяемые на развитие данных платформ, часто тратились на приобретение изобретенных на Западе технологий предыдущих инновационных укладов. Вследствие СВО выявилось катастрофически недостаточное производство в Российской Федерации современных видов вооружений, например беспилотных летательных аппаратов, тепловизоров, средств связи последнего поколения, приборов ночного видения и т.д. Поэтому можно сделать вывод, что на практике часто имеет место полномасштабная имитация инновационной деятельности, заимствование отсталых (не-прорывных) технологий и псевдоинновации. В России не хватает настоящих, базовых технологий отечественной школы, а также опыта Советского Союза, который, будучи во враждебном внешнем окружении, смог создать самостоятельную индустриальную базу, выжить в ходе Второй мировой войны и холодной войны с развитыми странами Запада. На наш взгляд, потенциал РФ в области технологического развития в настоящее время достаточно велик, и можно предположить, что данные темпы развития сферы высоких технологий смогут существенно ускориться перед лицом внешних вызовов и геополитических угроз.

Подводя итог вышесказанному, мы можем отметить, что будущее Российского государства во многом зависит от грамотной, правильно выстроенной инновационной политики, особенно в сферах, касающихся стратегических приоритетов развития и обороноспособности страны. Как подчеркнул в своей речи на совещании по вопросам развития оборонно-промышленного

комплекса 20 сентября 2022 г. Президент РФ Владимир Владимирович Путин, «России нужно стопроцентное импортозамещение в сфере ОПК, поэтому нужно нарастить производственные возможности, сократить сроки производства, не снижая при этом качества. Также необходимо решить проблему своевременного и полного обеспечения предприятий отечественными материалами» [8].

По нашему мнению, экономика Российской Федерации может не только приобретать или заимствовать – она может генерировать, порождать новые технологии. Об этом во многом свидетельствует опыт советских инженерных школ в области космоса, авиастроения, судостроения, атомной и гидроэнергетики, развития железнодорожного и автомобильного транспорта, медицины и фармакологии, селекции и генетики растений. Высокий уровень образования населения России, значительное наследие фундаментальной науки, наличие сохранившихся со времен СССР конструкторских традиций, база опытного и экспериментального производства – все эти факторы обязательно необходимо задействовать, возрождать их там, где это еще возможно. Сможет ли экономика России использовать свой внедренческий потенциал, оставшийся с периода существования СССР, открыть для себя новые инновационные направления, или данные возможности так и не будут реализованы – все эти вопросы найдут ответы в ближайшее время.

Список литературы

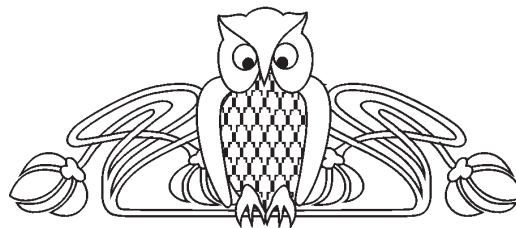
1. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий : указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771> (дата обращения: 01.02.2023).
2. Путин призвал массово внедрить в этом десятилетии искусственный интеллект во все отрасли. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16418761?ysclid=ldmq2z16tq797426528> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Реальные инновации и их имитации в России // Московский гуманитарный университет : [сайт]. URL: <https://rikmosgu.ru/publications/3559/4272/?ysclid=ldmrmwoobn104090308> (дата обращения: 02.02.2023).
4. «Буря»: история русского шаттла. URL: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/buran-istoriya-russkogo?ysclid=ldms956vtg335479186> (дата обращения: 02.02.2023).
5. Уничтожение атомных подводных лодок на Северо-Западе России. URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/news/voennoe-delo/unichtozhenie-atomnyh-podvodnyh-lodok-na-severo-zapade-rossii> (дата обращения: 03.02.2023).
6. Глава Минцифры сообщил, что порядка 100 тыс. айтишников покинули РФ в этом году. URL: <https://www.interfax.ru/russia/877771> (дата обращения: 04.02.2023).
7. «Утечка мозгов» как глобальное явление. Причины и последствия. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2008/1653> (дата обращения: 07.02.2023).
8. России нужно стопроцентное импортозамещение в ОПК. URL: <https://ria.ru/20220920/opk-1818150566.html?ysclid=ldt14saw9i606292589> (дата обращения: 08.02.2023).

Поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 16.05.2023
The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Научная статья
УДК 316.774

Манипуляция как феномен информационного общества

О. Г. Антонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Антонова Ольга Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, ogantonova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-2444>

Аннотация. В статье затрагивается наиболее актуальная на сегодняшний день проблема манипуляции информацией с целью воздействия на общество. Манипуляция в большинстве источников интерпретируется как использование определенных приемов и технологий, под воздействием которых происходит изменение поведения людей в нужном для манипулятора направлении. Отмечается, что наиболее благоприятные условия для реализации технологий манипулирования складываются в информационном обществе, в котором особую роль играют информация, знания и информационные технологии. Проведенный анализ существующих теорий позволяет рассматривать информационное общество как особый тип общества на постиндустриальной стадии развития, в основе производства которого лежит информация. Используются различные алгоритмы подачи информации, от элементарного распространения сведений, которые невозможно проверить, до целенаправленного ее комбинирования, с учетом особенностей восприятия различными аудиториями, в том числе специфики каналов коммуникации, которые она предпочитает. На разных этапах развития общества манипуляция имеет свои особенности. В современном информационном обществе самую большую опасность представляют средства массовой информации. СМИ сегодня являются реальной силой в обществе, которая с помощью информационных сообщений формирует определенные социальные установки и влияет на изменение убеждений человека. Процесс манипуляции включает навязывание определенного социального стереотипа, благодаря которому индивид воспроизводит нужные модели поведения, меняется его восприятие и мышление. Результаты ряда социологических исследований раскрывают особенности технологий воздействия, среди которых авторы отмечают особую роль средств массовой информации в навязывании стереотипов через создание социально значимых образов, также выступающих инструментами пропаганды и агитации.

Ключевые слова: теории информационного общества, знание, информация, коммуникация, технологии воздействия, манипуляция

Для цитирования: Антонова О. Г. Манипуляция как феномен информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 289–293. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-289-293>, EDN: RSEAKR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Manipulation as a phenomenon of the information society

O. G. Antonova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga G. Antonova, ogantonova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-2444>

Abstract. The article touches upon the most urgent problem of information manipulation with the aim of influencing society. In most sources manipulation is interpreted as the use of certain techniques and technologies, under the influence of which the behavior of people changes in the direction necessary for the manipulator. It is noted that the most favorable conditions for the implementation of manipulation technologies are formed in the information society, in which information, knowledge and information technologies play a special role. The analysis of existing theories allows us to consider the information society as a special type of society at the post-industrial stage of development, the production of which is based on information. Various algorithms for presenting information are used, from the elementary dissemination of information that cannot be verified to its purposeful combination, taking into account the peculiarities of perception by different audiences, including the specifics of the preferable communication channels. At different stages society development manipulation has its own characteristics. In today's information society, the biggest threat is the media. The media today is a real force in society, which, with the help of information messages, forms certain social attitudes and influences the change in a person's beliefs. The process of manipulation includes the imposition of a certain social stereotypes, thanks to which an individual reproduces the necessary behavior patterns, perception and thinking

changes. The results of a number of sociological studies reveal the features of impact technologies, among which the authors note the special role of the media in imposing stereotypes through the creation of socially significant images, which also act as propaganda and agitation tools.

Keywords: information society theories, knowledge, information, communication, impact technologies, manipulation

For citation: Antonova O. G. Manipulation as a phenomenon of the information society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 289–293 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-289-293>, EDN: RSEAKR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Манипуляция в научной литературе понимается как скрытое воздействие, которое изменяет воззрения, установки, цели, принципы, а также поведение и действия людей. Приемы манипуляции использовались человечеством всегда. Само же слово «манипуляция», как отмечается в «Этимологическом словаре русского языка» А. В. Семенова, – французское по происхождению, где *manipulation* – суффиксное производное от *manipuler* «манипулировать». Первоосновой выступают латинские слова *manus* (рука) и *plere* (наполнять). В русском языке слово стало использоваться с XIX в. [1].

Глагол «манипулировать» обозначает операции и действия с какими-либо вещами или предметами. Так, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля приводит следующее определение: «манипуляция» – приемы ручные, хватка, сручье; обиход [2]. В словаре Д. Н. Ушакова манипуляция понимается в трех значениях: 1. Движение руки (устар.). 2. Сложный прием, сложное действие над чем-н. 3. Прodelка, махинация (неодобрит.); манипулировать, значит, производить манипуляции [3]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой также видим несколько значений слова «манипулятор»: 1. Цирковой артист, выполняющий фокусы, основанные на ловкости рук. 2. Человек, который занимается манипуляциями. 3. Название некоторых механических устройств для производства сложных движений, действий, аналогичных действиям руки (спец.) [4].

Как видим из приведенных выше определений данного термина, первоначально слово «манипуляция» применялось по отношению к работе фокусников и кукловодов. В настоящее время термин понимается как скрытое принуждение. Методы и принципы скрытого воздействия были отработаны в нацистской Германии. Автором концепции влияния на сознание масс считается Й. Геббельс [5].

В современном мире манипуляция представляет собой распространенный способ воздействия на людей, идет ли речь о малой социальной группе либо обществе в целом. Манипулирование оказывает воздействие на социальные и психические структуры человека,

причем действие происходит скрытно и направлено на подавление свободы выбора с целью управлять поведением индивида, изменяя или корректируя присущие ему мнения, ценности, суждения в нужном воздействующему субъекту направлении.

В качестве научной категории проблема манипулирования общественным сознанием в отечественной науке стала рассматриваться только в 50–60-х гг. двадцатого столетия, в зарубежной – в 40–50-х гг.

Если изначально манипуляция изучалась как феномен преимущественно психологии, то в эпоху развития информационного общества стала предметом изучения многих научных дисциплин, в том числе социологии, которая уделяет этому явлению особое внимание.

Представители социологии рассматривают манипулирование как приемы идеологического и социально-психологического воздействия на индивида с целью изменения его поведения вопреки его воле и сознанию. В частности, в «Большом толковом социологическом словаре» «манипуляция» понимается как: 1) способы социального воздействия на людей при помощи различных средств с целью навязывания ценностей, идей, форм поведения и т.д.; 2) жупльническая прodelка, подтасовка фактов, махинация, фокус; 3) сложный прием в ручной работе, требующий большой точности [6].

Как один из способов социальной регуляции, управления и социального контроля манипуляция напрямую связана с властью, функциями нормативной регуляции, унификацией поведения, способствующей интеграции индивидов в общество и, прежде всего, предполагает трансформацию ценностных компонентов сознания и способствует созданию смысловых ориентиров для социально-адаптированного поведения. В настоящее время известно много различных средств, технологий и приемов манипулятивного воздействия, что способствует такому широкому распространению механизма манипуляции. Мощным фактором послужил процесс «омассовления» общественного сознания, сознание «массового» человека формируется и управляется извне.

Сущность механизма манипуляции заключается в навязывании определенных стереотипов мышления и поведения, привлекательных для субъекта манипулирования. Главный смысл этого процесса заключается в том, чтобы объект манипуляции в конце концов был уверен, что это его собственный выбор, без какого-либо влияния со стороны. Человек, на которого направлена манипуляция, уверен, что это его мнение, представление, суждение, мышление на основе полученной им информации, и он начинает совершать соответствующие действия.

На разных этапах социокультурного развития манипуляция имела свои особенности. Для ранних этапов развития человеческого общества характерна технология манипуляции через мифологичность. Данная технология выполняла роль социальной идентификации. Для традиционного типа общества характерна прямая тотальная манипуляция. В обществе индустриальном и постиндустриальном говорить о тотальной манипуляции не представляется возможным в силу ускоряющихся темпов технического развития, с одной стороны, и увеличивающейся свободы выбора, с другой. Стереотипы сознания «общества потребления» программируются через сферу потребностей и желаний. В информационном обществе проблема манипулирования приобретает особый характер. Возникает феномен манипуляции информацией.

Сам феномен информационного общества заключается в том, что человек окружен большим количеством информации, процессы передачи и приема информации ускорились и становятся непрерывными и неизбежными. В эру информационных технологий проблема манипулирования общественным сознанием становится глобальной, отечественные и зарубежные исследователи активно изучают это явление, чтобы проследить вектор его формирования и развития, влияния на существующую действительность. Именно в информационном обществе появляются необходимые условия и колоссальные возможности манипуляции через собственно информацию, поскольку практически все можно представить в виде информации, и, соответственно, через изменение информации возможно управлять социальной реальностью, изменяя ее в нужном манипулятору направлении.

Информационное общество, согласно существующим научным подходам, определяется как особый тип общества на постиндустриальной стадии развития, в основе производства

которого положены знания, информация. Социологи в качестве главных отличительных особенностей информационного общества указывают на формирование глобального информационного пространства, информационное взаимодействие и взаимозависимость людей, доступ к мировым информационным ресурсам.

Э. Тоффлер одним из первых констатировал, что человечество вступает в новую эпоху, дорогу к которой проложило бурное развитие техники, в первую очередь компьютеров, и ИТР в целом [7, с. 21]. Он не дает новой цивилизации четкого определения, но говорит о ее принципиально новом характере. Э. Тоффлер ни разу не формулирует определение им самим введенного понятия «информационное общество», но дает определение описательно, через перечисление элементов, которые являются радикально новыми для сегодняшней жизни и коренным образом изменяют нашу жизнь [8, с. 85].

В современном информационном обществе, в котором главной ценностью выступает информация, большую опасность начинают представлять средства массовой информации (СМИ) в силу всеобъемлющего характера, формируя глобальность, масштабность масс-медиа, так называемое единое информационное поле.

В зарубежной литературе исследования массовой коммуникации напрямую связаны с понятиями «медиа» и «масс-медиа», в России ученым приходится работать с целым набором терминов: «средства массовой информации (СМИ)», «средства массовой коммуникации (СМК)», «масс-медиа», «медиа». Наиболее авторитетная работа в сфере исследования медиа – «Понимание медиа» – принадлежит представителю торонтской школы М. Маклюэну. Ученый относит к медиа: речь, письменность, дороги, карты, числа, одежду, архитектуру, деньги, аксессуары (часы, украшения, ручки и т. п.), кино, газеты, фотографию, радио, автомобили, канцтовары, телевидение и многое другое. По его мнению, всё материальное является медиа. Кроме того, сами медиа влияют на информацию, которую в себе несут, и это влияние не менее важно, чем само сообщение [9].

В коммуникационных процессах, таким образом, в результате увеличения информационного компонента возрастает роль приемов манипуляционного воздействия. Средства массовой коммуникации (СМК) в силу того, что они являются непосредственными носителями информации, выступают важнейшим ресурсом власти и становятся источником формирования социальной реальности.

С помощью информации осуществляется огромное количество манипуляций. Особую роль в информационном воздействии играет коммуникация, понимаемая как процесс передачи и приема информации. Контроль информационно-коммуникативных средств дает возможность дозировать информацию, освещать только выгодные определенной группе новости, формировать стереотипы и диктовать образец поведения человека в обществе.

В числе универсальных методов социального управления особое значение имеет убеждение. Убеждение – сложный многоступенчатый процесс, включающий следующие этапы: 1) привлечение внимания; 2) достижение понимания; 3) принятие (интериоризация) информации; 4) поддержание внимания; 5) действие как результат.

В этой связи особого внимания заслуживает концепция А. А. Леонтьева о двух видах воздействия – через информированность и через собственно убеждение [10, с. 37–38]. Изменить отношение к явлениям окружающей действительности можно, во-первых, сообщив реципиенту совершенно новую информацию о неизвестных ему фактах, во-вторых, – новую информацию об уже известных ему фактах. В любом случае осуществляется воздействие через информирование. Собственно убеждение, по А. А. Леонтьеву, начинается в случае, когда на реципиента оказывается прямое и непосредственное воздействие – уже известные факты и явления преподносятся в совершенно новой интерпретации, используется новая система аргументов и доводов. Этот прием требует знания когнитивного уровня реципиента, чтобы попасть в его смысловое поле и эмоциональную зону. Здесь большое значение имеет структура дискурса – тематическое поле, тональность, каналы передачи информации. Такие приемы используются, главным образом, в массовой коммуникации.

Среди многообразных способов воздействия В. В. Козлов выделяет две основные модели контроля информационных потоков: 1) изъятие нежелательной информации из потока, когда неудобные факты замалчиваются и не распространяются; 2) ее избытие – быстротечность и огромное количество информации могут ввести аудиторию в заблуждение, будто она контролирует то, что ей стараются внушить. Однако обилие источников лишает человека способности глубоко анализировать информацию, оставляя лишь поверхностные суждения [11].

А. А. Казаковым представлена классификация методов и приемов медиаманипулирования в зависимости от масштаба. Он выделил три уровня манипулирования: макроуровень, мезоуровень и микроуровень. Макроуровень предполагает разделение информации на ту, которую освещают, и ту, которую не освещают, для этого придуман специальный термин – «формирование информационной повестки дня». На мезоуровне выделяются два блока – логический и эмоциональный. Первый блок отвечает за приемы, воздействующие в нужном для манипулятора направлении, влияя на каналы, ответственные за логическое мышление (например, приведение статистических данных или экспертных оценок). Эмоциональный блок использует методы, воздействующие на психическую составляющую (например, видео или фото с юмором или страхом и ужасом). К микроуровню относятся приемы использования синонимов и метафор, гиперболизация и прочее, т. е. точечные методы (если объект манипуляции лингвистически не подкован, он рискует попасть под влияние) [12].

Назовем некоторые конкретные приемы манипуляции информацией:

– подача информации, подкрепленной «экспертным мнением»;

– «компоновка тем», т. е. такой порядок подачи информации, который бы преподносил ее в выгодном свете;

– «подмена понятий», когда вместо предмета обсуждения предлагается близкая, но уведящая в сторону от сути тема;

– «вырывание из контекста», когда информация подается не полностью, а отдельными кусками;

– способ «запугивания» – несуществующая опасность используется с целью ограничить действия граждан по их же инициативе;

– «эмоциональная атака» – аудитории предоставляется эмоционально окрашенная информация, которая влияет на ее восприятие;

– «паразитирование» – манипулятор намеренно встраивает что-то знакомое и положительное в цепочку информации, например упоминание авторитетов;

– «осмеяние» – прием подразумевает приращение конкретному лицу, программе или проблеме несерьезного окраса;

– «тройной конь» – подача информации, в которой перемешаны правдивые факты с внушениями, что создает иллюзию достоверности.

По результатам исследования Левада-Центра, телевидение по-прежнему остается главным источником информации у населения

страны, однако доверие к нему в последние годы упало. Так, в 2009 г. 94% россиян назвали телевидение главным источником информации, в то время как в 2019 г. таких было 72%. Согласно опросам, в 2019 г. примерно 55% населения доверяло телевидению как источнику информации в отличие от почти 80% в 2009 г. Причем продолжают доверять телевидению в основном люди старше 35 лет.

В этой связи примечателен тот факт, что все самые популярные программы, за исключением программы «Вести», подаются в провокационной и скандальной манере.

По результатам опросов, 53% респондентов указали, что деятельность СМИ за последние десять лет не изменилась, и лишь 22% ответили, что изменилась к лучшему. Более 50% опрошенных не сомневаются в объективности и полезности информации, и только 12% высказали мнение, что телевидение искажает информацию о событиях в мире с целью манипулирования [13, 14].

Таким образом, в информационном обществе особое значение приобретает информационный обмен, расширяются коммуникативные возможности, массовая коммуникация оказалась сильным конкурентом межличностной коммуникации, широкое распространение получают технологии манипуляции информацией.

По мере увеличения информированности и уровня образования в обществе эффективность открытых способов принуждения снижается. Информационные манипуляции дают широкие возможности для более скрытых форм управления социальной реальностью.

Список литературы

1. Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М. : Юнвес, 2003. 704 с. (Большие словари).
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Типография Лазаревского ин-та восточных языков (А. Мамонтов), 1863–1866.
3. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. М. : Советская энциклопедия ; ОГИЗ, 1935–1940.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000. 940 с.
5. Андреева Л. Игра босса: манипуляция подчиненными. Как защититься. URL: <https://vc.ru/hr/100004-igra-bossa-manipulyaciya-podchinennymi-kak-zashchititsya> (дата обращения: 02.02.2023).
6. Манипуляция // Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь : в 2 т. / пер. с англ. Н. Н. Марчук. М. : Вече ; АСТ, 1999. Т. 1 (А–О). 544 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с. (Классическая философская мысль).
8. Баталов Э. Я. О книге Тоффлера Э. // США – экономика, политика, идеология. 1982. № 7. С. 84–99.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с. (Приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
10. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974. 368 с.
11. Козлов В. В., Гордеев М. Н., Власов Н. А. Основные приемы манипуляции массовым сознанием // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 4 (38). С. 98–105. EDN: XHNMNL
12. Казаков А. А. Методы манипулирования общественным сознанием в контексте медийной грамотности: политическое измерение // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12, № 3. С. 26–34. EDN: YNDHRF
13. Четверть россиян потеряли доверие к телевидению за десять лет // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/chetvert-rossiyan-poteryali-doverie-k-televideniyu-za-desyat-let/> (дата обращения: 22.02.2022).
14. Итоги 2020-го: события, люди, оценки, ожидания от 2021-го // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2020-go-sobytija-ljudi-ocenki-ozhidaniya-ot-2021-go> (дата обращения: 22.02.2022).

Поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 16.05.2023
The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 16.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 294–302

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 294–302

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-294-302>, EDN: QVWPYS

Научная статья

УДК 316.4

Опыт обращения к превентивным биотехнологиям в рамках заботы о себе и близких (по результатам эмпирического исследования)

Ю. О. Шекунова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Шекунова Юлия Олеговна, аспирант, ассистент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, shekunovayulya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4242-1202>

Аннотация. Новые превентивные генетические и клеточные технологии расширяют возможности человека в рамках самосохранительного поведения и заботы о близком человеке. Цель данной статьи – по материалам эмпирического социологического исследования описать опыт обращения к превентивным биотехнологиям, выделить мотивы и факторы обращения к ним, а также сопряженные с данными технологиями страхи. Эмпирической основой статьи стал ряд свободных интервью с теми, кто сделал предиктивный генетический тест для себя или своего ребенка либо обратился к технологии сохранения пуповинной крови. Возраст информантов варьируется от 25 до 56 лет. Было показано, что основными мотивами для обращения к новым технологиям являются: заблаговременная забота о собственном здоровье или здоровье ребенка/внука или внучки; активное долголетие; планирование семьи; любопытство. К общим факторам принятия решения обратиться к обозначенным технологиям относятся: доверие медицинскому знанию; забота о будущем; стоимость услуги. Отдельное внимание в исследовании уделено готовности применять результаты генетического тестирования на практике. Было выявлено, что для большинства опрошенных свойственна чисто когнитивная превенция. Исследование показало, что пользователей новых биотехнологий характеризует активная, ответственная позиция по превенции и предикции рисков здоровья собственного и близкого человека. Полученные данные могут быть полезны современной биомедицине и обществу в целом для расширения информирования о новых медицинских возможностях.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, забота о себе, генетические тесты, клеточные технологии, превентивная медицина

Для цитирования: Шекунова Ю. О. Опыт обращения к превентивным биотехнологиям в рамках заботы о себе и близких (по результатам эмпирического исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 294–302. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-294-302>, EDN: QVWPYS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The experience of applying preventive biotechnologies as part of caring for family members (on the basis on the empirical study results)

Yu. O. Shekunova

Samara National Research University, 34 Moskovskoe shosse, Samara 443086, Russia

Yulia O. Shekunova, shekunovayulya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4242-1202>

Abstract. New preventive genetic and cellular technologies are empowering people within the framework of self-preserving behavior and caring for family members. The purpose of this article is to describe the experience of using preventive biotechnologies, the motives and factors for doing so, and the fears associated with these technologies. The empirical is a series of free interviews with people having taken a predictive genetic test for themselves or their children, or who have turned to cord blood preservation technology. The respondents ranged in age from 25 to 56. It was shown that the main motivations for turning to new technologies are: early concern for one's own health or the health of a child/grandchild or granddaughter; active longevity; family planning; and curiosity. The common factors in the decision of turning to the indicated technologies include: trust in medical knowledge; concern for the future; and cost of the service. Separate attention in the study was paid to the willingness to apply the results of genetic testing in practice. It was found that the majority of the respondents are interested in purely cognitive prevention. The study showed that users of new biotechnologies are characterized by an active, responsible approach to preventing and predicting health risks for themselves and their beloved ones. The data obtained in the article can be useful for modern biomedicine and society as a whole for expanding the awareness of new medical options.

Keywords: self-preservation behavior, self-care, genetic tests, cellular technologies, preventive medicine

For citation: Shekunova Yu. O. The experience of applying preventive biotechnologies as part of caring for family members (on the basis on the empirical study results). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 294–302 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-294-302>, EDN: QVWPYS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Новая экономика здравоохранения предполагает активность пациента не только во время болезни, но и до ее появления. В отличие от парсоновской концепции [1], человек перестает быть пассивным больным, становясь активным агентом по управлению собственным здоровьем. Более того, новые принципы общественного здравоохранения вменяют человеку обязанность самостоятельной заботы о себе [2–4]. Болезнь же начинает рассматриваться не только как актуальное состояние, а как то, что можно и нужно предотвращать.

Распространению идеи превенции/предикции болезни способствует появление на рынке новых молекулярно-генетических и клеточных технологий заботы о себе и своих близких. Первые не только предлагают возможности подбора персонализированного лечения уже существующих патологий, но и способны предсказать появление возможных болезней. Вторые направлены на превентивную заботу, расширение с самого рождения потенциального арсенала средств, направленных на лечение будущих патологий за счет использования стволовых клеток пуповинной крови. При этом последние данные показывают, что доверие к новым генетическим технологиям заботы о себе у населения не абсолютное, сомнения вызывают и получаемые данные, и коммерциализированность сферы [5].

Но что же тогда мотивирует людей пройти генетическое тестирование или сохранить пуповинную кровь ребенка? Сопряжены ли эти технологии со страхами или сомнениями? Что объединяет людей, которые решили узнать о своем потенциальном будущем при помощи генетического теста, и готовы ли они применить результаты тестирования на практике? Несмотря на уже почти двадцатилетнее нахождение этих технологий на отечественном рынке здравоохранения, ответить на данные вопросы все еще затруднительно. Между тем подобное знание необходимо не только современной биомедицине для успешной институционализации новых практик заботы о здоровье в обществе, но и самому обществу для расширения знания о новых возможностях при принятии медицинских решений.

Целью данной статьи является описание опыта тех, кто обратился к новым биотехнологиям в рамках заботы о себе или своих близких.

Опыт обращения к генетическому тестированию уже не раз попадал в фокус внимания западных социальных исследователей. Изучаются проблемы идентичности до, во время и после прохождения генетического тестирования [6, 7], взаимодействие с семьей после решения (не)проходить тестирование [8–11], анализируются сам процесс принятия решения и те тревоги, которые оно порождает [12, 13]. В обзоре литературы основное внимание будет уделено работам, направленным на изучение мотивов его прохождения и готовности применять результаты, поскольку именно эти аспекты особо интересны для сопоставления с результатами собственного эмпирического исследования.

Интерес представляют выделенные мотивы и группы ожидания от прохождения генетического тестирования в коллективных исследованиях Y. Su [14] и M. Smith-Uffen [15]: 1) здоровье (возможность принятия превентивных мер); 2) любопытство и интерес (увлеченность новыми технологиями); 3) генеалогия; 4) вклад в исследование; 5) отдых/досуг и 6) восполнение истории болезней в семье и желание поделиться результатами с близкими. Исследование J. Wessel показало, что высокий личный воспринимаемый риск развития заболевания является значимым фактором для принятия решения о тестировании [16]. Исследование K. Wasson [17] показало, что вне зависимости от мотивации прохождения тестирования его участники не вносят каких-либо изменений в свою жизнь, если результаты оказываются «хорошими». Эти данные подтверждает ряд аналогичных исследований [18, 19].

Мотивы обращения, информированность населения о возможности сохранения пуповинной крови и ее применении нашли отражение в совместных исследованиях Ch. F. C. Jordens, G. Katz, G. Manegold [20–22]. C. V. Fernandez et al. показали, что желанием сохранить пуповинную кровь в частном банке движет мотив инвестиции в здоровье ребенка и необходимости обезопасить его со всех сторон [23].

Отечественные социальные исследователи также заинтересованы в изучении опыта обращения к новым способам заботы о здоровье. Например, ряд исследований посвящен цифровым технологиям в практиках заботы о здоровье [24, 25], другие направлены на изучение стимулов самосохранительных практик и «эн-

тузаистов» здоровья [26, 27]. Отдельно стоит отметить недавнее исследование жителей Санкт-Петербурга на предмет изучения практик использования генетического тестирования в рамках заботы о здоровье [28]. Ряд результатов этого исследования коррелируют с данными, предложенными в нашей статье.

В целом стоит отметить, что новые технологии заботы о здоровье, мотивы и факторы обращения к ним только начинают изучаться в отечественных социальных науках.

С целью изучения мотивов и факторов обращения к превентивным биотехнологиям была проведена серия свободных интервью с теми, кто имеет подобный опыт. Подбор информантов осуществлялся путем поиска через социальные сети (целенаправленный поиск на «посты» с рассказами о прохождении предиктивного генетического тестирования и самостоятельное размещение «поста» с призывом поделиться собственной историей), а также при помощи метода «снежного кома». В результате в исследовании приняли участие информанты в возрасте от 25 до 56 лет, среди них 12 женщин и 3 мужчин; шесть участников обратились к технологии сохранения пуповинной крови, восемь прошли предиктивное генетическое тестирование для себя, двое сделали генетический тест для своего ребенка. Все информанты отнесли себя к среднему классу. Трое заявили о наличии хронических заболеваний. Все информанты имеют высшее образование и проживают в крупных городах нашей страны.

Интервью проходили онлайн при помощи видео-сервисов: использовалась платформа ZOOM, мессенджеры Telegram, WhatsApp, VK; преимущественно в конце 2021 – середине 2022 г. На запись интервью и публикацию результатов после анонимизации было получено согласие от всех информантов.

Предметом представляемого исследования выступили мотивы и факторы обращения к превентивным биотехнологиям: предиктивному генетическому тестированию на выявление предрасположенности к заболеваниям и сохранению стволовых клеток пуповинной крови (далее – клеточные технологии). Достижение поставленной цели предполагалось достичь при помощи следующих исследовательских вопросов: 1) что способствует обращению к превентивным биотехнологиям (мотивы)? 2) какие страхи/сомнения сопровождают обращение к превентивным биотехнологиям? 3) готовы ли люди использовать полученные знания/материалы в рамках заботы о здоровье?

В данном исследовании ответы на эти вопросы будут даны с позиции самосохранительного поведения и концепции заботы. Включение в анализ понятия «самосохранительное поведение» как комплекса действий, направленного на сохранение здоровья и продление жизни, а также определенного уровня информированности/компетентности индивида в области здоровья позволило рассматривать опыт обращения информантов к новым биотехнологиям как встроенный в комплекс мер по заботе о здоровье [28]. Обращение к концепциям заботы в русле нелиберальных принципов позволило рассматривать заботу как коммерческий продукт, приобретаемый определенным социальным классом и формирующий соответствующие ожидания о комфорте и персонализации услуги (причем в рамках как заботы о себе, так и о близком человеке) [3, 29, 30]. Подобное понимание заботы органично вписывается в новые принципы здравоохранения и расчет на активного индивида-агента по управлению собственным здоровьем.

Мотивы и факторы обращения к превентивным биотехнологиям

Исследование позволило выделить три основных мотива обращения к вышеобозначенным технологиям и факторы принятия решений, соответствующие каждому из мотивов.

1. Первый выделенный мотив – заблаговременная забота о собственном здоровье или здоровье ребенка/внука или внучки. Данное желание складывается у информантов под воздействием нескольких факторов. Во-первых, это тяжелая беременность и потенциально тяжелая болезнь ребенка (это характерно для решения обратиться к сохранению пуповинной крови). Решение о сохранении клеток принимается родителями с целью расширения возможного арсенала средств для помощи ребенку.

А мы-то за это взялись, потому что надеялись, что нам это поможет как-то в будущем ... Поскольку у него одна почка, убрали кисты (инф. 1, жен., 39 лет, Санкт-Петербург).

Во-вторых, на решение обратиться к новым технологиям оказала влияние семейная история болезни. Относительно технологии сохранения пуповинной крови данное решение принималось из богатого пациентского опыта будущих родителей и их родственников. В этом случае желание заботы сопряжено с желанием не допустить тех негативных сценариев из жизни, которые имели место быть, особенно когда речь идет о будущем ребенке.

Ну, наверно, опыт предыдущей жизни. Потому что у всех так или иначе болели родственники. Бабушки, дедушки, родители ... И хотелось для новой жизни, для будущей жизни, какие-то возможности современные с тем, чтобы не допустить, какие-то превентивные доступные способы предотвратить, не допустить что-то (инф. 4, жен., 50 лет, Самара).

Фактор семейной истории болезни проявляется ярче в отношении предиктивного генетического тестирования, поскольку оно позволяет принять дополнительные меры по профилактике заболеваний, которые могут носить наследственный характер.

Особенно ярко идея превентивности прослеживается у информантов относительно принятия решения о генетическом тестировании ребенка. Они отмечали, что понимание особенностей функционирования организма позволяет им с раннего детства прививать ребенку правильные привычки и не допустить в будущем развития серьезных заболеваний.

Когда мы посмотрели, что у нее высокий риск, нет, средний риск по сахарному диабету тогда, когда ребенку 8 лет. И мы можем очень круто просто корректировать уже сейчас, учить ее питаться тем, что нужно. То есть она действительно уже начала потреблять меньше сладкого (инф. 10, жен., 42 года, Новосибирск).

Поймать болезни его [ребенка] на ранней стадии, пока еще можно предотвратить (инф. 13, муж., 41 год, Новосибирск).

Второй значимый мотив, который наиболее полно описывает информантов как агентов, управляющих собственным здоровьем, – активное долголетие. В основном речь идет о предиктивном генетическом тестировании, которое, по мнению информантов, позволяет им знать, какие меры стоит предпринять для поддержания себя в тонусе долгие годы. Сюда же можно отнести желание по поддержанию внешнего вида при помощи новых технологий. В целом, для таких информантов селф-трекинг является нормой жизни – они регулярно проверяют здоровье, активно обращаются к специалистам, придерживаются здорового образа жизни. Генетика же должна позволить им понять, каким именно проблемам/органам стоит уделять особое внимание, сузить круг потенциальных причин и избежать излишних походов по врачам.

У нас, в моей семье это традиционная забота делать какие-то обследования (инф. 6, жен., 32 года, Москва).

Потому что мы знаем, что если болит левый яичник, то это начиная от проблем с психосоматикой и до грыжи в позвоночнике. Причин может быть очень много. И вот искать это наобум, смотреть наобум, или смотреть полный чекап – это *too much*. А если ты представляешь, с какой стороны могут быть проблемы, ты уже знаешь в каком направлении тебе стоит себя поддерживать, чтобы здоровеньким жить долго и счастливо (инф. 10, жен., 42 года, Новосибирск).

Третий мотив, выделенный в исследовании, – планирование семьи. Одна из информанток совместно с мужем прошла генетическое тестирование, которое позволило определить риски беременности, а также вероятность развития патологий у будущего ребенка.

...делали такой совместный тест на планирование беременности... тест делается один раз в жизни. Но как бы приговаривается в будущем. ...там еще есть отдельный пункт, риски при беременности. Какие возможны, какие нет (инф. 5, жен., 25 лет, Санкт-Петербург).

Четвертый выделенный мотив – любопытство, желание узнать что-то новое о себе. Особенно это касается возможности узнать свое происхождение при прохождении генетического тестирования. В этом случае предиктивная сила биотехнологии не играет столь значимой роли, становясь просто источником развлечения для обеспеченных людей.

Просто интересно. Наука движется вперед, появляется возможность больше узнать о своем происхождении, способностях, просто узнать больше о себе для себя, для своих детей может быть. Вот. Любознательность здоровая (инф. 7, жен., 43 года, Екатеринбург).

Кроме обозначенных факторов, определяющих решение обратиться к той или иной технологии, исследование позволило выявить ряд общих, свойственных для всех информантов факторов.

Первый фактор – доверие к медицинскому знанию в принципе. Все информанты отметили, что доверяют медицине и медицинскому знанию, верят в технический прогресс и развитие науки. Это особенно заметно у информантов, сохранивших пуповинную кровь. С учетом того, что сегодня возможности применения пуповинной крови на территории РФ достаточно ограничены, хоть и имеют значительный потенциал, информанты уверены, что арсенал ее применения расширится. Кроме доверия медицине, важен фактор доверия конкретному специалисту (знакомство с ним), с которым происходит консультация, и его квалификации.

Я попала к хорошему эндокринологу, который меня тогда... она полтора часа разговаривает, и она мне назначила [генетическое тестирование] (инф. 9, жен., 54 года, Москва)

Второй фактор – забота о будущем. Готовность заботиться о будущем, выстраивание долгосрочных планов как жизненная стратегия является общей чертой опрошенных информантов, потому что им *кажется важным смотреть и планировать свою жизнь, она и так не предсказуема. Поэтому важно обозначить какие-то точки, к чему человек стремиться, что ему нужно достичь, каким он хочет быть* (инф. 15, муж., 35 лет, Москва). Важным здесь являются и профессиональные требования к здоровью: *...потому что я активно выступаю как концертующая пианистка. У меня там концерт может быть и через полгода, и через год записан... Мне важно понимать, что я буду в состоянии, что смогу все осуществить* (инф. 5, жен., 25 лет, Санкт-Петербург).

Третий фактор – фактор стоимости. На это стоит обратить особое внимание. Коммерческая форма заботы о здоровье является, по результатам исследований, типичной для представителей среднего класса. При этом большинство опрошенных информантов приобрели генетический тест по скидке. Это является значимым моментом, так как потенциальная неготовность полностью оплатить генетическое тестирование может быть связана с относительным недоверием к технологии, о чем уже было заявлено в одном из исследований [5]. Стоимость важна и при принятии решения о сохранении пуповинной крови. Информанты отмечали наличие материальной возможности оплатить услугу сохранения стволовых клеток. О влиянии стоимости на принятие решения об обращении к данным превентивным технологиям говорили и специалисты в отраслях генетики и клеточных технологий [31]. Интересно отметить, что решение обратиться к клеточным технологиям чаще носит семейный характер, нежели решение о генетическом тестировании (кроме случаев репродуктивного тестирования или тестирования ребенка). В одном случае решение принималось поколением бабушек/дедушек, которые преподнесли это как подарок молодой семье и будущей внучке.

Во-первых, мы обсудили это на семейном общем совете. То есть мы, бабушка и дедушка, и вторые бабушка и дедушка, то есть родители нашего зятя, мужа дочери» (инф. 4, жен., 50 лет, Самара).

Мне вообще жена сказала, она увидела брошюру. Меня это заинтересовало, начали смотреть, изучать (инф. 14, муж., 33 года, Москва).

Кроме того, «вложение» денег в пуповинную кровь формирует банковские отношения между клиентом и банком пуповинной крови. В этой связи возникает понятное экономическое желание реализовать инвестиции, особенно если для этого есть необходимость. Одна из информанток использовала сохраненную пуповинную кровь для улучшения состояния сына с неврологией. Она решила реализовать инвестицию не только потому, что это дает шанс ребенку, но и потому, что *какой смысл мы сдавали и платили деньги за забор, хранение* (инф. 1, жен., 39 лет, Санкт-Петербург). Другой информанткой была озвучена сложность прекращения оплаты хранения клеток для уже взрослого ребенка. Она мотивировала это отсутствием инвестиционной выгоды от самого забора и ежегодного продления хранения. Однако подобный дискомфорт от решения прекратить хранение связан ею и с простым суеверным страхом, нежеланием навлечь беду.

Страхи и сомнения при обращении к предиктивному генетическому тестированию и сохранению стволовых клеток пуповинной крови

В силу относительного новшества технологий забора пуповинной крови и молекулярно-генетического тестирования и при учете возможных тяжелых психологических аспектов последнего информантам был задан вопрос о страхах и сомнениях при принятии решения.

Первый артикулируемый информантами страх касается исключительно сохранения пуповинной крови, а именно страх пропажи материала в силу невозможности на момент родов проконтролировать процесс опечатывания материала (один случай). В основном информанты, прибегнувшие к данной услуге, не отмечали каких-либо страхов, что связывается ими с грамотной врачебной консультацией, возможностью визита в центр, в котором хранится материал.

Тут все на полном доверии. Ты, если говоря, по-хорошему, ты должен такие вещи сам собственноручно опечатывать, подписывать. Но я была под общим наркозом, поэтому все равно не смогла бы это сделать (инф. 1, жен., 39 лет, Санкт-Петербург).

Что касается предиктивного генетического тестирования, в этом ключе информанты выражали скорее сомнения относительно достоверности результатов тестирования и данных о

способностях и талантах. Исследование мнения генетиков показало, что существует ряд сложностей при подсчете рисков развития мультфакторных заболеваний (т. е. тех, которые зависят не только от фактора наследственности, но и факторов внешней окружающей среды и образа жизни) [31]. Информанты же считают потенциальную пользу от тестирования больше, чем затраты на его осуществление.

У меня не было сомнений по поводу достоверности, потому что особых иллюзий нет. Я читала по поводу этого. Не то, чтобы изучала, но интересовалась (инф. 7, жен., 43 года, Екатеринбург).

Они не определяют мутации – это такая уже крайняя форма, когда ты ничего с этим сделать не можешь. А полиморфизм – это такие редкие поломки, на которые можно влиять совершенно спокойно с помощью тех же БАДов (инф. 10., жен., 42 года, Новосибирск).

Сомнение относительно результатов теста на определение способностей и талантов также свойственны и для генетиков. Несмотря на интерес к результатам, информанты не относятся к ним серьезно и понимают влияние социальных факторов на развитие личности. Но было выявлено и более серьезное отношение к подобному тесту, когда речь идет о ребенке. В таком случае понимание сильных и слабых сторон ребенка является для родителя важным подспорьем для контролирования его развития.

Тут единственное, что есть одна вкладка, она мне не нравится, я в нее не верю. Здесь есть вкладка «способности и характер», я знаю, что личность человека формируется со временем под воздействием окружающей среды, и что, прям гены на это сильно влияют, я вот скептически к этому отношусь (инф. 11, жен., 25 лет, Москва).

Интересно было посмотреть его предрасположенность к видам спорта. (инф. 13, муж., 39 лет, Новосибирск).

Интересно отметить, что информанты совершенно не артикулировали страх узнать результаты (что, например, выявилось в исследовании Е. С. Богомягковой [5]). Как и в том случае, это объясняется некоторым фатализмом, тем, что *все под богом ходим*. Но при этом информанты не придерживаются позиции «что будет, то будет», а выбирают активную позицию, предпринимают некоторую коррекцию образа жизни после получения результатов тестирования – ориентируют его на более здоровый, принимают БАДы, уделяют внимание физической нагрузке.

Также было выявлено и то, что информанты совершенно не готовы на радикальную превенцию (например, превентивную мастэктомию по примеру Анжелины Джоли). Их превенция остается чисто когнитивной (исключительно на уровне получаемого предиктивного знания) только в том случае, если особых угроз генетический тест не выявил (как было в кейсах наших информантов).

Я наоборот считаю, что чем быстрее ты узнал, что ты предрасположен, например, к деменции, или Альцгеймеру, или еще каким-то заболеваниям, тоже как бы, подстели соломку ... я бы не пошла как Джоли отрезать себе грудные железы во избежание рака, которого у тебя там процентов 15, который может быть. Но если я понимаю, что процентов 65, то есть больше пограничного, я бы тоже не пошла отрезать, но я бы каждые полгода ходила как здрасть на узи (инф. 6, жен., 32 года, Москва).

Готовность к практическому применению результатов тестирования и сохраненной пуповинной крови

Результаты предиктивного генетического тестирования наиболее эффективны при взаимодействии с медицинским специалистом. Как уже было отмечено, для информантов свойственна чисто когнитивная превенция, поскольку в их случаях тест не показал высокой предрасположенности к заболеваниям, что в целом соответствует картине, полученной в зарубежных исследованиях [16, 18, 19]. При этом многие из них отметили, что не обращались к врачу после получения результатов. С одной стороны, это может быть связано с достаточно подробной интерпретацией результатов, которая дается в личных кабинетах на сайтах лабораторий. С другой стороны, информанты отметили, что наши врачи не готовы серьезно относиться к подобным данным в силу как недостатка знаний, так и застандартизованности медицинской системы в целом. Подспорьем в получении консультации по здоровью с учетом генетики информанты отметили телемедицину, возможность найти «своего» врача из другого города или даже страны. Вместе с тем информанты допускают, что воспользуются результатами теста (например, блоком об особенностях усвояемости фармпрепаратов) в будущем, когда появятся болезни.

Я думаю, это зависит от конкретного человека. Есть более врачи продвинутые, которые обратят на это внимание. Но в общей

российской медицине, то они вряд ли будут на это реагировать (инф. 7, жен., 43 года, Екатеринбург).

Те же, кто прошел консультацию генетика/врача после получения результатов тестирования (она могла быть включена в стоимость тестирования), придали особое значение этому общению. Именно данное общение придало тесту не только познавательный характер, но и практически-направленный, поскольку именно правильно интерпретированные генетические данные обеспечивают не только грамотно выстроенную стратегию по улучшению здоровья пациента, но и его психологический комфорт [32].

Врач сначала сама взяла на себя инициативу вести этот прием. То есть у нее, естественно, есть доступ к нашим данным. Она их изучила предварительно. Мы в ходе [разговора] спрашивали, какими симптомами это выражено, на что обратить внимание, стоит ли это в первую очередь делать (инф. 5, жен., 25 лет, Санкт-Петербург).

Относительно клеточных технологий мнение информантов о готовности обращаться к ним более оптимистично – в силу того, что они применяются в отечественной медицинской практике. Однако одна история показала значимый пробел в области информирования о расширении возможностей применения пуповинной крови. Информантка рассказала об упущенной возможности применить стволовые клетки для улучшения состояния ребенка в раннем возрасте из-за отсутствия должного и своевременного информирования от врачей. Поскольку банку пуповинной крови заранее было известно о проблемах ребенка, она выразила возмущение отсутствием системы информирования клиентов о новых возможностях применения клеток. Обоснованность такой претензии подтверждается еще и тем, что раннее начало лечения было бы эффективнее и продолжительнее.

И они уже оказывается пять лет эти клетки детям, с неврологическими заболеваниями. ДЦП и прочее, прочее ... Они не отслеживают судьбу своих пациентов абсолютно. То есть несмотря на то, что они знали, что у нас есть определенные проблемы неврологические, разного рода ... Мне говорят ну вот, был бы он помладше, хватило бы на три переливания, а так только на два (инф. 1, жен., 34 года, Санкт-Петербург).

Источники информации о новых биотехнологиях различны: это блоги в социальных се-

тях, контекстная реклама, рассказы знакомых, информация в медицинских учреждениях (это в большей степени касается процедуры забора стволовых клеток пуповинной крови), но одним из важных и наиболее значимым источником для информантов выступили медицинские специалисты. В первую очередь, данный источник информации был важен для информантов, обратившихся к клеточным технологиям. Именно разговор с врачом, получение полной информации о возможностях и ограничениях забора пуповинной крови от квалифицированного доктора стал решающим.

Личная консультация со специалистом, доверие его знанию были также значимы и для информантов, прошедших генетическое тестирование. Можно предположить, что в силу новшества технологий и возможных сомнений в достоверности результатов консультация со специалистом помогает утвердиться в правильности решения относительно тестирования, а также помочь с выбором конкретного комплекса тестирования. Личное знакомство с консультантом также может сыграть определенную роль в принятии решения.

Ну и плюс то, что у меня была консультант, которую я лично знаю (инф. 12, жен., 42 года, Ижевск).

Также информанты отметили, на что они обращали внимание при выборе компании, предоставляющей услуги по генетическому тестированию. В одном случае решающую роль сыграло отсутствие у лаборатории таких «маркетинговых» вещей, как тестирование на происхождение или схожесть со «звездами», что являлось значимым критерием доверия.

Второй момент, мне очень импонирует, что у них абсолютно нет... знаете. Вот эта история про шоу. А мы вот вам сделаем, не знаю, какая наследственность, какие у вас там корни, на какую звезду вы похожи. Для меня эта история театральная (инф. 10, жен., 42 года, Новосибирск).

Другие важные моменты при выборе компании – «местный» бренд фирмы и наличие организации в городе информанта, а также рекомендация специалиста. Обращалось внимание и на отзывы в интернете, и на дизайн сайта компании, демонстративные варианты с расшифровкой анализа.

...чем более подробно он расписан, чем понятнее преподнесена информация, без лишней «шелухи», но при этом подробно, тем соответственно у тебя больше интереса к нему возникает (инф. 15, муж., 35 лет, Москва).

Итак, данная статья представляет одно из немногих в отечественной социологии эмпирическое исследование, посвященное современным биотехнологиям. В фокус внимания поставлен опыт прохождения предиктивного генетического тестирования и сохранения пуповинной крови новорожденного. Представлены мотивы и факторы, способствующие принятию решения обратиться к новым технологиям. Было выявлено, что обращение к новым биотехнологиям является частью самосохранительного поведения информантов (желание профилактики болезни) и заботы не только о себе, но и о близких (расширение арсенала помощи посредством сохранения пуповинной крови). Выбирая подобные способы заботы, информанты возлагают на себя ответственность за сохранение здоровья, являясь «идеальными» последователями новых принципов здравоохранения.

Стоит отметить важность фактора стойкости обращения к данным биотехнологиям. Несмотря на то что информанты являются представителями среднего класса, финансовая сторона вопроса являлась значимой при принятии решения. Потенциально это может свидетельствовать о неравном доступе к новым возможностям заботы о здоровье, что особенно актуально в русле новой экономики здравоохранения.

Внимания и дополнительного исследования требует проблема отсутствия консультации со специалистом после прохождения генетического тестирования в силу возможных негативных психологических последствий и неверного понимания риска. Требуется внимания и проблема снижения потенциала применения генетического тестирования ввиду низкой информированности врачей о новых технологиях и негибких стандартов, не предполагающих учета персональных генетических данных.

Обращение к сохранению пуповинной крови менее проблематизировано по нескольким причинам: 1) в российском здравоохранении существует практика по применению клеточного материала в рамках лечения; 2) большинство детей информантов находятся в юном возрасте и не нуждаются в применении сохраненного материала. Обозначенная проблема отсутствия должного информирования касается, скорее, непосредственно банков пуповинной крови и расширения их информационной деятельности.

Следует отметить, что полученное описание опыта обращения к новым биотехнологиям не является исчерпывающим. Прохождение генетического тестирования сопряжено с множе-

ством аспектов, требующих дополнительного исследования, как и обращение к сохранению пуповинной крови. Нуждаются в количественном подтверждении мотивы и факторы принятия решения обращения к новым биотехнологиям, а также практики использования результатов генетического тестирования и применения пуповинной крови.

Список литературы

1. Parsons T. The Social System. 2nd ed. London: Routledge, 1991. 636 p. <https://doi.org/10.4324/9780203992951>
2. Lupton D., Chapman S. 'A healthy lifestyle might be the death of you': Discourses on diet, cholesterol control and heart disease in the press and among the lay public // *Sociology of Health & Illness*. 1995. Vol. 17, iss. 4. P. 477–494. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.ep10932547>
3. Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования // Критическая социология заботы: переосмысление социального неравенства: сб. ст. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. С. 6–23. (Вып. 5. Гендерная серия).
4. Turrini M. Online Genomas: Problematizing the disruptiveness of direct-to-consumer genetic tests // *Sociology Compass*. Vol. 12, iss. 1. e12633. <https://doi.org/10.1111/soc4.12633>
5. Богомяжкова Е. С. Генетическое тестирование в практиках заботы о здоровье (по материалам эмпирического исследования) // *Медицинская этика*. 2022. № 2. С. 38–43. <https://doi.org/10.24075/medet.2022.045>, EDN: VITYJH
6. Konrad M. Narrating the New Predictive Genetic: Ethics, Ethnography and Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 216 p. (Cambridge Studies in Society and the Life Sciences). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511584183>
7. Hauskeller Ch., Strurdy S., Tutton R. Genetics and the sociology of identity // *Sociology*. 2013. Vol. 47, iss. 5. P. 875–886. <https://doi.org/10.1177/0038038513505011>
8. Lock M., Freeman Ju, Chilibeck G., Beveridge D., Paldsky M. Susceptibility genes and the question of embodied identity // *Medical Anthropology Quarterly*. 2007. Vol. 21, iss. 3. P. 256–276. <https://doi.org/10.1525/maq.2007.21.3.256>
9. Finkler K. The Kin in the Gene: The Medicalization of Family and Kinship in American Society // Finkler K. *Experiencing the New Genetics: Family Kinship and Kinship on the Medical Frontier*. Philadelphia: University of Philadelphia Press, 2000. <https://doi.org/10.9783/9780812200607>
10. Hallowell N. Doing the right things: Genetic risk and responsibility // *Sociology of Health and Illness*. 1999. Vol. 21, iss. 5. pp. 597–621. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.00175>

11. *Raspberry K., Skinner D.* Enacting genetic responsibility: Experiences of mothers who carry the fragile X gene // *Sociology of Health & Illness*. 2011. Vol. 33, iss. 3. P. 420–433. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2010.01289.x>
12. *Rapp R.* Testing Women, Testing the Fetus: The Social Impact of Amniocentesis. New York : Routledge, 1999. 376 p.
13. *Goldino L, Jackson L., Turchetti D., Hennessy C., Skirton H.* Decision making and experiences of young adults undergoing presymptomatic genetic testing for familial cancer: A longitudinal grounded theory study // *European Journal of Human Genetics*. 2018. Vol. 26. P. 44–53. <https://doi.org/10.1038/s41431-017-0030-1>
14. *Su Y., Howard H. C., Borry P.* Users' motivations to purchase direct-to-consumer genome-wide testing: An exploratory study of personal stories // *Journal of Community Genet.* 2011. № 2. p. 135–146. <https://doi.org/10.1007/s12687-011-0048-y>
15. *Smith-Uffen M., Bartley N., Davies G., Best M.* Motivations and barriers to pursue cancer genomic testing: A systematic review // *Patient Education and Counseling*. 2021. Vol. 104, iss. 6. P. 1325–1334. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2020.12.024>
16. *Wessel J., Gupta J., de Groot M.* Factors Motivating Individuals to Consider Genetic Testing for Type 2 Diabetes Risk Prediction // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11, iss. 1. e0147071. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0147071>
17. *Wasson K., Sanders T. N., Hogan N. S., Cherny S., Helzlsouer K. J.* Primary care patients' views and decisions about, experience of and reactions to direct-to-consumer genetic testing: A longitudinal study // *Journal of Community Genet.* 2013. Vol. 4. P. 495–505. <https://doi.org/10.1007/s12687-013-0156-y>
18. *Oliver S., Cinidda C., Ongano G., Gorini A., Spinella F., Fiorentino F., Baldi N., Pravettoni G.* What people really change after genetic testing (GT) performed in private labs: Results from an Italian study // *European Journal of Human Genetics*. 2022. Vol. 30. P. 62–72. <https://doi.org/10.1038/s41431-021-00879-w>
19. *Roberts J. S., Gornik M. C., Carere D. A., Uhlmann W. R., Ruffin M. T., Green R.C.* Direct-to-Consumer Genetic Testing: User Motivations, Decision Making, and Perceived Utility of Results // *Public Health Genomics* 2017. Vol. 20, iss. 1. P. 36–45. <https://doi.org/10.1159/000455006>
20. *Jordens Ch. F. C. Kerridge I. H., Stewart C. L., O'Brien T. A., Samuel G., Porter M., O'Connor M., Nassar N.* Knowledge, beliefs, and decisions of pregnant Australian women concerning donation and storage of umbilical cord blood: A population-based survey // *Birth*. 2014. Vol. 41, iss. 4. P. 360–366. <https://doi.org/10.1111/birt.12121>
21. *Katz G., Mills A., Garcia J., Hooper K, McGuckin C., Platz A., Rebullia P., Salvaterra E., Schidt A. H., Torabaddella M.* Banking cord blood stem cells: Attitude and knowledge of pregnant women in five European Countries // *Transfusion*. 2011. Vol. 51, iss. 3. P. 578–586. <https://doi.org/10.1111/j.1537-2995.2010.02954.x>
22. *Manegold G., Meyer-Monard S., Tichelli A., Granado Ch., Hosli I., Troeger C.* Controversies in hybrid banking: Attitudes of Swiss public umbilical cord blood donors toward private and public banking // *Archives of Gynecology Obstetrics*. 2011. Vol. 284. P. 99–104. <https://doi.org/10.1007/s00404-010-1607-x>
23. *Fernandez C. V., Gordon K., Van den Hof M., Baylis F.* Knowledge and attitudes of pregnant women with regard to collection, testing and banking of cord blood stem cell // *Canadian Medical Association or its licensors*. 2003. Vol. 168, iss. 6. P. 695–698.
24. *Богомяжкова Е. С., Дупак А. А.* Цифровой селф-трекинг в дискурсе социальных наук // *Социология науки и техники*. 2021. Т. 12, № 2. С. 155–174. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-2-155-174>
25. *Богомяжкова Е. С.* Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье: гендерные различия в российском контексте // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 3. С. 90–107. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.6>
26. *Бердышева Е. С., Белявский Б. А.* Вариативность ценности здоровья в социальных полях: вызовы и стимулы самосохранительных практик // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13, № 1. С. 9–39. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.1>
27. *Бердышева Е. С.* Ценности самозаботы: «энтузиасты здоровья» и хэлсифицированное потребление // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2022. Т. 14, № 1. С. 58–88. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.3>
28. *Журавлева И. В.* Отношение к здоровью индивида и общества. М. : Наука, 2006. 237 с.
29. *Темкина А.* «Экономика доверия» в платном сегменте родовспоможения: городская образованная женщина как потребитель и пациентка // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18, № 3. С. 14–53. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-3-14-53>, EDN: ZBOGYJ
30. *Здравомыслова Е., Ткач О.* Культурные модели классового неравенства в сфере наемного домашнего труда в России // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2016. № 3. С. 68–99.
31. *Лехциер В. Л., Шекунова Ю. О.* Генетизация с точки зрения генетиков: направления, проблемы и перспективы персонализированного и предиктивного молекулярно-генетического тестирования в России // *Экономическая социология*. 2022. Т. 23, № 3. С. 129–159. <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-129-159>
32. *Marzulla T., Roberts S., DeVries R., Koeller D. R., Green R. C., Uhlmann W. R.* Genetic counseling following direct-to consumer genetic testing: Consumer perspectives // *Journal of Genetic Counseling*. 2021. Vol. 30, iss. 1. P. 329–334. <https://doi.org/10.1002/jgc4.1309>

Поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 16.05.2023
The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 303–312

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 303–312

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-303-312>

EDN: AMSQWW

Научная статья
УДК 329.14(430)

Российско-германское сотрудничество в сфере энергетики: смена парадигмы и ее экономические и политические последствия для ФРГ

П. М. Рукавицын

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Рукавицын Петр Михайлович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, rpm66@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4464-6032>

Аннотация. В статье анализируются экономические и политические последствия для ФРГ фактического прекращения российско-германского сотрудничества в энергетической сфере. Отмечается, что под угрозой оказалась вся современная экономическая модель ФРГ, основу которой составлял импорт дешевых энергоносителей из России, а разрыв российско-германских связей ведет к усилению внешнеэкономической зависимости ФРГ от США и других стран-экспортеров углеводородов. Особое внимание уделяется политическим последствиям данного кризиса, включая геополитические и внутривнутриполитические аспекты. Консолидация Запада в противостоянии с Россией, а в перспективе и с Китаем заставляет Германию уже сегодня приносить в жертву прагматизм в отстаивании национальных приоритетов общим для Запада идеологическим интересам. В качестве внутривнутриполитических последствий разрушения российско-германского энергетического сотрудничества анализируются: нарастание центробежных тенденций в партиях правящей коалиции и в самой коалиции в целом; снижение уровня поддержки федерального правительства в обществе; формирование предпосылок для изменения партийной системы ФРГ; инспирируемый правозащитными силами рост протестной активности в новых федеральных землях Германии.

Ключевые слова: Германия, Запад, национальные интересы, новые федеральные земли, политические партии, энергетический кризис

Для цитирования: Рукавицын П. М. Российско-германское сотрудничество в сфере энергетики: смена парадигмы и ее экономические и политические последствия для ФРГ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 303–312. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-303-312>, EDN: AMSQWW
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

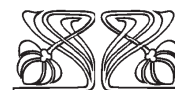
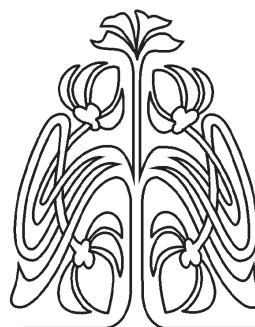
Article

**Russia-Germany energy cooperation:
How paradigm change affects Germany's economy and politics**

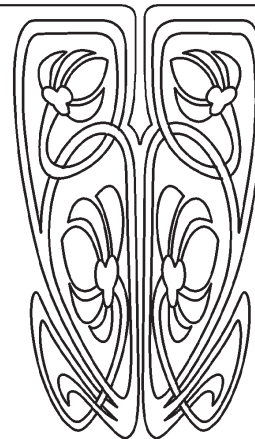
P. M. Rukavitsyn

Moscow State Linguistics University, 38 bld. 1, Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia
[Pyotr M. Rukavitsyn, rpm66@mail.ru](mailto:Pyotr.M.Rukavitsyn), <https://orcid.org/0009-0006-4464-6032>

© Рукавицын П. М., 2023

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Abstract. The article analyzes the economic and political consequences for Germany of the essentially total breakdown of Russia-Germany cooperation on energy. The author notes that the breakdown jeopardizes Germany's entire contemporary economic model built around imports of cheap Russian energy resources and makes the country increasingly dependent on the US and other exporters of hydrocarbons to keep its economy afloat. Special attention is given to political consequences of the crisis, including emerging geopolitical and domestic issues. The West consolidation to counter Russia and, further out in time China, is forcing Germany to sacrifice pragmatic defense of its national priorities in favor of the West's ideological interests. Domestic consequences of the disrupted Russia-Germany energy cooperation include dissent growing within and among the political parties that make up the ruling coalition; deteriorating public approval of the federal government; increasing likelihood of dramatic changes in Germany's Party system; and intensifying protests instigated by right-wing extremists in the East Germany States.

Keywords: Germany, the West, national interests, East Germany States, political parties, energy crisis

For citation: Rukavitsyn P. M. Russia-Germany energy cooperation: How paradigm change affects Germany's economy and politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 303–312 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-303-312>, EDN: AMSQWW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

События на Украине стали новой точкой отсчета в геополитическом противостоянии коллективного Запада и антизападной коалиции государств. В результате сотрудничество, которое на протяжении многих десятилетий выстраивалось между РФ и западными странами, подвергается полному пересмотру. В целях оказания максимального политического давления на Россию была развернута масштабная и многоуровневая программа санкций против Российской Федерации.

В качестве одного из главных направлений санкционного давления был выбран экспорт российских энергоносителей. Важнейшим импортером этой группы товаров в Евросоюзе традиционно была Германия. Поэтому в ЕС наибольший ущерб от антироссийских санкций понесла ФРГ. Этот ущерб носит многогранный характер. Речь идет не только об экономических, но и о серьезных геополитических и политических последствиях санкционного давления на Россию, которые проявились далеко не в полной мере. В этой статье будут проанализированы данные последствия в их взаимосвязи.

Экономические последствия завершения российско-германского сотрудничества в энергетической сфере

Смена концептуальной модели экономического развития ФРГ

Взрыв трех ниток газопровода «Северный поток» в сентябре 2022 г. стал завершающей точкой в развитии кризиса в российско-германских отношениях в энергетической области. Если практически полный отказ от импорта российской нефти был нивелирован увеличением импорта из других стран, то найти адекватную по цене замену дешевому трубопроводному газу из России оказалось нерешаемой задачей. В результате экспертное сообщество в

ФРГ было вынуждено признать, что докризисных цен на энергоносители больше не будет [1]. А ведь низкие цены на энергию были одной из важных основ всей экономической модели Германии. Импорт газа из России был настолько выгоден, что в 2020 г. он составлял практически две трети от общего количества газа, импортируемого ФРГ [2].

Более того, немецкое правительство рассчитывало на сохранение импортных поставок, потому что в настоящий момент Германия вошла в активную стадию зеленого перехода, т.е. отказа от традиционных энергоносителей и перехода на экологически чистую энергетику. Под давлением Партии зеленых не соответствующими новым требованиям были признаны не только электростанции, работающие на мазуте и угле, но и АЭС. Для газовой генерации делалось временное исключение. На нее же одновременно возлагались большие надежды. Дело в том, что работа солнечных панелей и ветроэнергетических установок сильно зависит от погодных условий. Поэтому для стабильного обеспечения немецкой экономики электроэнергией требовались значительные мощности, работающие на органическом топливе.

Прекращение импорта российского газа вынудило федеральное правительство искать ему замену. Пришлось в срочном порядке строить терминалы по приему СПГ, который заметно дороже трубопроводного газа. Потеря дешевого энергоносителя обернулась ростом цен. В 2022 г. они выросли на газ в среднем по году на 50%, а на электроэнергию – на 27% [3]. Такой уровень инфляции стал для Германии шоковым. На фоне беспрецедентного роста цен эксперты всерьез заговорили о деиндустриализации ФРГ [4]. Наибольшие опасения перспектива высоких цен на энергию и сырье вызывает у среднего бизнеса. Осенью 2022 г. 90% собственников средних предприятий, принявших участие в

опросе, проводившемся Федеральным союзом немецкой промышленности, заявили, что данное обстоятельство представляет серьезную угрозу для их бизнеса [5].

Перспективы энергоемких производств в химической промышленности, в производстве удобрений и ряде других отраслей вообще находятся под большим вопросом, и если ситуация коренным образом не изменится, такие предприятия будут постепенно переводиться в страны с более низкими энерготарифами или просто закрываться [6].

Дорогая энергия снижает уровень конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности немецкой экономики в целом, особенно на фоне экономики США, где энергетические тарифы в разы ниже. Среди американских предпринимателей, работающих на немецком рынке, всего за год после начала боевых действий на Украине количество тех, кто позитивно оценивает перспективы работы в Германии, сократилось почти в два раза [7]. Переоценка перспектив немецкой экономики проявляется и в отказе от крупных инвестиционных проектов. Американская автомобилестроительная и энергетическая компания «Тесла» уже приняла соответствующее решение [6], крупный американский производитель электронных устройств и компьютерных компонентов «Интел» заявил, что приступит к реализации своего крупного проекта в ФРГ только в том случае, если федеральное правительство предоставит льготы, сопоставимые с теми, которые «Интел» сможет получить в США [8].

Колебания цен на энергоносители создают малопредсказуемую обстановку в экономике. Это вынуждает одни немецкие компании занимать выжидательную позицию [4], а другие – выводить деньги за рубеж. Так, председатель правления крупного энергетического концерна RWE М. Креббер заявил, что его компания инвестирует 7 млрд евро в производство солнечных панелей в США и в дальнейшем будет наращивать инвестиции в связи с предсказуемостью американского рынка [4].

В немецком обществе в целом сформировалось понимание того факта, что под угрозой оказалась вся экономическая модель ФРГ, формировавшаяся на протяжении десятилетий. Ее основу составлял экспорт высокотехнологичной продукции, для производства которой использовались дешевые энергоносители. Эта модель, в свою очередь, была фундаментом высокого уровня жизни населения Германии. Одной из его особенностей был очень высокий

уровень энергопотребления. Он, например, в восемь раз превышает средний уровень потребления энергии в странах Азии [1].

Пока экономические потери носят умеренный характер. Прекращение поставок российского газа обошлось ФРГ в 2022 г. в 60 млрд евро, в 2023 г. эта цифра составит уже 100 млрд [4]. Для богатой Германии с уровнем госдолга в 2,1 трлн евро эти цифры не кажутся столь большими. Федеральное правительство заявляет, что ситуация находится под контролем. Принимаются меры финансовой поддержки промышленности и населения. На них в 2023 г. планируется израсходовать еще до 200 млрд евро [9]. Но постоянно субсидировать экономику и население в таких масштабах не сможет даже бюджет ФРГ. Тем более что в связи с повышением ЕЦБ учетной ставки обслуживание госдолга в ближайшее время будет обходиться немецкому правительству в десять раз дороже по сравнению с расходами трех-четырёхлетней давности [10].

Таким образом, эпоху дешевых углеводородов для немецкой экономики можно считать завершённой. Правительство ФРГ видит выход в развитии альтернативной энергетики. Связанные с этим выбором проблемы и перспективы будут проанализированы ниже.

Усиление внешнеэкономической зависимости ФРГ от США и других стран-экспортеров углеводородов

На фоне возникших в Германии проблем другие страны-экспортеры энергоносителей привлекают рекордную прибыль и навязывают пострадавшей стороне свои условия. Так, Катар согласился подписать с ФРГ контракт на поставку СПГ только на 15-летний срок [11]. Представляющий в правительстве Партию зеленых вице-канцлер Р. Хабек вынужден был согласиться на такие условия, несмотря на сложившийся в его партии консенсус по поводу скорейшего отказа от любых видов органического топлива. Еще более удачно воспользовались слабостью своего союзника Соединенные Штаты Америки. В 2022 г. они увеличили поставки СПГ в ФРГ на 260% [12]. И получили неплохую прибыль. Только с февраля по сентябрь цена поставляемого в Европу сжиженного природного газа из Америки выросла в два раза [13].

Несмотря на сложившийся в ФРГ политический консенсус в оценке событий на Украине, осознание всей серьезности процессов, происходящих в немецкой экономике, заставляет и представителей ряда фракций в бундестаге, и премьер-министров отдельных федеральных

земель говорить о пагубности полного разрыва экономических отношений с Россией и, соответственно, о необходимости их восстановления после окончания боевых действий [14].

Политические последствия прекращения российско-германского сотрудничества в энергетической сфере

В ходе анализа данных последствий нам представляется необходимым выделить геополитическую и внутривнутриполитическую составляющие.

ФРГ в новой системе геополитических координат

В геополитическом плане результатом резкого ухудшения отношений с Россией во многих сферах, а в энергетической – фактически их полного прекращения, для всех стран Запада стало тесное объединение и укрепление американского лидерства. События на Украине заставили их отставить в сторону прежние разногласия. Времена Д. Трампа, когда по западному единству был нанесен сокрушительный удар, ушли в прошлое. Но это отнюдь не означает, что они больше не вернуться в той или иной форме после завершения боевых действий на Украине и смены президента в США. Как отмечает Й. Брамль, «вера в то, что Вашингтон как прежде будет обеспечивать нашу безопасность и представлять наши интересы – это иллюзия. Трансатлантическая иллюзия» [15, S. 8].

Что касается ФРГ, то для Германии произошедшие события привели к заметному сужению ее геополитического диапазона. Раньше немецкое руководство, признавая приоритет атлантической солидарности, сохраняло за собой право на отстаивание своих национальных интересов. Иногда это принимало формы внешнеполитической конфронтации с США, как, например, в 2003 г., когда ФРГ совместно с Россией и Францией объединилась в коалицию противников американского вторжения в Ирак.

Сейчас же США жестко выстроили своих союзников в рамках антироссийского блока. И самостоятельность Германии сократилась до минимума. Канцлер ФРГ О. Шольц ограничивается заявлениями о том, что конфликт на Украине не должен перерасти в войну между Россией и НАТО, и всячески затягивает поставки тяжелых вооружений, что вызывает недовольство других членов альянса [16]. Таким образом, привычный для Германии прагматизм в отстаивании своих национальных интересов был принесен в жертву идеологическому напору со стороны США и других союзников по НАТО.

В Берлине отдают себе отчет в том, что Вашингтон, используя события на Украине, формирует долговременную коалицию, которая носит не только антироссийскую, но и антикитайскую направленность. После того как все попытки привлечь Пекин на сторону Запада не увенчались успехом, Вашингтон в очередной раз убедился в том, что Китай не собирается входить ни в какие коалиции. Он не ищет конфронтации с США, но при этом не уступает их давлению. В этой связи стратегическое противостояние коллективного Запада и Китая с высокой долей вероятности будет определять содержание геополитической картины мира на ближайшую и среднесрочную перспективу. И США будут предпринимать максимальные усилия для сплочения рядов западной коалиции.

Но немецкое руководство понимает, что для ориентированной на экспорт экономики ФРГ даже потеря российского рынка крайне нежелательна. Поэтому, несмотря на объявленные санкции, экспорт лекарств и ряда других групп товаров в РФ в 2022 г. вырос по сравнению с предыдущим годом [17]. А если под влиянием США немецкие компании будут вынуждены уходить с огромного китайского рынка, это станет шоком намного большим, чем прекращение российско-германского энергетического сотрудничества. Наиболее влиятельные политические силы ФРГ, консервативный блок ХДС/ХСС и СДПГ, ради сохранения своих экономических интересов в Китае сегодня в принципе готовы закрывать глаза на нарушения прав человека в КНР. Идея противостояния с великим Китаем кажется им абсурдной. Тем более что и как в противостоянии с Россией, в этом случае Европа в целом и Германия в частности окажутся наиболее пострадавшей стороной.

Внутриполитические последствия изменения формата отношений с Россией

Что касается внутривнутриполитических последствий прекращения российско-германского сотрудничества в энергетической сфере, то они носят комплексный, как непосредственный, так и опосредованный характер.

Формирование центробежных тенденций в правящей коалиции и снижение уровня ее поддержки в обществе

Ряд последствий обусловлен коалиционным характером нынешнего правительства ФРГ. Как известно, в его состав наряду с СДПГ входят Партия зеленых и СвДП. Возникшие в 2022 г. проблемы в энергетике вызвали разногласия в правящей коалиции. Каждая из входящих в нее партий стремилась пролоббировать

те решения, которые в наибольшей степени соответствовали бы ее программным установкам.

Наибольшей активностью при этом отличались представители Партии зеленых. В прекращении поставок энергоносителей из России они увидели шанс на ускорение зеленого перехода, т.е. полного отказа от органического топлива. Экспертное сообщество Германии и представители других политических партий выразили серьезные сомнения в реализуемости такой масштабной задачи в сжатые сроки [18]. Наибольшее возмущение у экспертов вызывает желание зеленых как можно быстрее вывести из эксплуатации последние атомные электростанции, так как они считают их недостаточно экологически чистыми. Член президиума СвДП и вице-спикер бундестага В. Кубики заявил, что это делать недопустимо в условиях, когда промышленность несет многомиллиардные убытки из-за роста расходов на энергоносители. А Партию зеленых в целом назвал группой идеологически зацикленных людей, представляющих угрозу для немецкой промышленности [19]. Справедливость упреков в адрес Партии зеленых подтверждается и состоянием дел в энергетике. В декабре 2022 г. 70% энергогенерации в Германии, несмотря на все усилия по развитию альтернативной энергетики, приходилось на угольные и газовые станции [20].

В связи с резким ухудшением условий энергоснабжения всей немецкой экономики на первый план вышел ряд проблем общенационального масштаба, с которыми правительство было не в состоянии полностью справиться. Это, в первую очередь, рост розничных цен на газ и электроэнергию, о котором мы говорили выше. Он вызывает наибольшее беспокойство у населения ФРГ. Принятые правительством меры социальной поддержки смягчают остроту ситуации, но уверенности в будущем не добавляют, так как рассчитаны всего на один год. Уже были многочисленные случаи, когда энерго- и газосбытовые компании предлагали своим абонентам заключать новые договоры по ценам в несколько раз выше предыдущих [21]. Кроме того, принятым правительством мерам социальной поддержки недостает целевой направленности, что приводит к усилению социальной поляризации в обществе [22].

Проблемой не меньшего масштаба стал рост стоимости и жилой недвижимости, и аренды жилья. Ускорение инфляции в этом секторе совпало с началом пандемии. А возникший затем кризис в энерго- и газоснабжении только усугубил ситуацию. В Германии больше половины

населения арендуют дома и квартиры. Многие начали искать меньшие по площади варианты. Но в этом сегменте рынка сложилась еще более напряженная ситуация, которая усугубляется наплывом беженцев с Украины. В 2022 г. в Германию их прибыло более 1 млн человек [23].

Помимо этого, в результате недостаточного бюджетного финансирования в 2022 г. были сорваны планы федерального правительства по строительству социального жилья для малоимущих семей [24]. В силу общей неопределенности на рынке с ценами на стройматериалы и энергию сокращаются и темпы жилищного строительства в целом. Так, «Воновия» – крупнейшая немецкая компания в сфере жилой недвижимости – с начала 2023 г. заморозила все новые проекты [25].

Все эти проблемы непосредственным образом отразились на значительной части граждан ФРГ и вызвали заметное напряжение в обществе, что не могло не привести к снижению уровня поддержки кабинета министров среди населения. Наибольший ущерб понесла СвДП, потерпевшая несколько поражений на земельных выборах и к концу 2022 г. набиравшая немногим более 5% голосов [22]; в ходе опросов общественного мнения – это уровень, который необходимо преодолевать для попадания в бундестаг на федеральных выборах. Возглавляющую коалицию СДПГ поддерживают около 20% избирателей [22], что не позволяет говорить о безоговорочном авторитете социал-демократов в коалиционном правительстве. А Партия зеленых, в 2021 г. претендовавшая на победу на выборах в бундестаг, весной 2023 г. по уровню популярности пропустила вперед даже находящуюся в оппозиции праворадикальную партию «Альтернатива для Германии» [26].

Рост противоречий внутри партий правящей коалиции

Падение популярности зеленых неудивительно. Меры, которые федеральному правительству пришлось принимать в спешном порядке в связи с прекращением энергетического сотрудничества с Россией, в наибольшей степени шли вразрез с программными установками именно этой политической партии. Представляющий Партию зеленых в кабинете министров вице-канцлер Р. Хабек согласовывал в рамках правительства все непопулярные среди сторонников партии решения. Так, вместо сокращения использования в энергетике угля как одного из самых загрязняющих окружающую среду видов топлива правительство пошло на увеличение его использования; нехватка угля компенсировалась его импортом [27].

Большой общественный резонанс получила история со сносом поселка Люцерат в земле Северный Рейн-Вестфалия, на земле которого будет развернута добыча бурого угля. В январе 2023 г. протестовавшие против сноса экологические активисты, которые являются значимой опорой Партии зеленых, построили в поселке баррикады и вступили в столкновения с полицией [28]. Решение о сносе Люцерата было согласовано лично с Р. Хабеком, что не добавило авторитета руководству партии у своего электората.

В 2022 г. в ФРГ был организован масштабный импорт сжиженного природного газа, против использования которого ранее выступала Партия зеленых. Было развернуто строительство нескольких терминалов по приему СПГ. Р. Хабек согласовал и продолжение работы в течение нескольких месяцев двух АЭС, что также вызвало возмущение в партии, решительно выступающей против использования атомной энергии [27].

Таким образом, энергетический кризис привел к углублению раскола между двумя группами в партии – реалистами и сторонниками традиционных экологических ценностей. Реалисты представлены в основном в высшем руководстве партии. Они занимают министерские посты на федеральном и земельном уровнях, представлены во фракциях партии в бундестаге и ландтагах. Так называемые традиционалисты – это в основном рядовые члены партии, но многие из них работают и на уровне местных органов власти.

Глубокое непонимание между этими группами проявилось и в области миграционной политики. В 2022 г. в Германию прибыли около 245 тыс. беженцев, в основном из Сирии и Афганистана [23]. В течение года к ним добавилось более 1 млн украинцев. Возможности ФРГ по приему и размещению беженцев находятся на пределе. Это хорошо видят члены Партии зеленых, работающие на местах. В результате по инициативе обербургомистра Тюбингена Б. Пальмера и еще нескольких десятков его однопартийцев был опубликован «Меморандум в поддержку другой миграционной политики в Германии» [23]. Авторы документа заявили, что нынешняя миграционная политика в ФРГ полностью провалилась и требует серьезной переработки.

Центробежные тенденции, правда, меньшего масштаба, стали заметны и в другой партии, входящей в правящую коалицию. В Свободной демократической партии к концу 2022 г. тоже обозначился раскол на две группы. Руко-

водство партии и фракции СвДП в бундестаге в основном можно отнести к числу реалистов. Они вынуждены следовать общим политическим курсом правящей коалиции, тоже нередко идя на уступки, неизбежные в связи с прекращением российско-германского энергетического сотрудничества.

Так, сложная ситуация в экономике и в социальной сфере потребовала заметного увеличения бюджетных расходов. Занимающий пост министра финансов председатель партии К. Линднер был вынужден согласовать этот вопрос, вызвав возмущение у сторонников традиционных партийных ценностей в рядах СвДП. Свободные демократы традиционно представляют интересы предпринимателей, выступают за соблюдение принципов свободного рынка, сокращения налогов и минимизацию бюджетных расходов. Они выступают идеологическими оппонентами Партии зеленых. Если зеленые в целях защиты окружающей среды стремятся зарегулировать многие сферы общественной жизни, то свободные демократы видят в этих запретах нарушение свободы предпринимательства, наносящее ущерб экономике. Эти разногласия составляли основу спора о продлении работы атомных электростанций, в ходе которого СвДП заявляла о необходимости увеличения выработки электроэнергии, а зеленых беспокоила угроза для окружающей среды, которую представляют собой АЭС.

Сторонников фундаментальных партийных ценностей беспокоит тот факт, что СвДП не удается отстаивать интересы своего электората, что партия теряет свое лицо и становится мало различимым для избирателя членом правящей коалиции [19]. Они считают, что свободные демократы даже в рамках правительства должны проводить жесткий оппозиционный курс. Сторонников этих взглядов немало и среди членов фракции СвДП в бундестаге. Неформальным лидером так называемых традиционалистов является вице-спикер бундестага В. Кубики.

Формирование предпосылок для изменения партийной структуры ФРГ

Если в Партии зеленых и СвДП центробежные тенденции под воздействием энергетического кризиса только нарастают, то представленная в бундестаге Левая партия стоит на грани раскола. Сара Вагенкнехт, одна из самых харизматичных политиков в Германии, которая несколько лет руководила фракцией Левой партии в бундестаге, заявила о своем нежелании в дальнейшем баллотироваться по спискам этой партии [29]. Ее конфликт с руководством пар-

тии длится на протяжении долгого времени. С. Вагенкнехт считает свою партию недостаточно радикальной. Она выступает за усиление социальной поддержки малообеспеченных слоев населения. Во внешней политике придерживается пацифистских взглядов.

Событием общефедерального масштаба стало ее выступление в бундестаге, когда она обвинила федеральное правительство в объявлении экономической войны России. В своем выступлении она заявила: «Можно ли, находясь в здравом уме, думать, что мы накажем Путина, доведя до бедности миллионы семей в Германии и разрушив нашу промышленность... Дешевая энергия является важнейшим условием существования нашей экономики» [30]. Не меньший резонанс вызвало и ее совместное с правозащитницей Алис Шварцер выступление с «Манифестом за мир». В нем она заявила, что в целях предотвращения мировой войны необходимо немедленно прекратить боевые действия на Украине и начать мирные переговоры [31]. В течение месяца после опубликования манифеста более полумиллиона граждан ФРГ поставили под ним свои подписи [32].

На сегодняшний день для двух третей членовлевой партии Вагенкнехт является самым популярным политиком. Но ее уникальность для германской политической сцены заключается в том, что взгляды С. Вагенкнехт пользуются поддержкой не только на крайне левом, но и на крайне правом фланге политического спектра. Вариант ее поддержки не исключают для себя две трети членов праворадикальной партии «Альтернатива для Германии» [33].

С. Вагенкнехт не скрывает своих планов создания новой политической партии [29]. Если эти планы будут реализованы, то партийный ландшафт ФРГ претерпит серьезные изменения. Сразу после того как Вагенкнехт объявила о своем нежелании больше баллотироваться по спискамлевой партии, популярность этой организации, которая в настоящее время и без того с трудом проводит своих представителей на выборах в бундестаг, рухнула на 20% [34]. Серьезный ущерб будет нанесен и Альтернативе для Германии, в руководстве которой нет таких харизматичных лидеров. Таким образом, речь идет о формировании предпосылок для реформирования радикальной части представленных в бундестаге политических сил.

Повышение протестной активности населения ФРГ

Высокая инфляция, особенно рост тарифов на газ и электричество, наряду с событиями на

Украине были основными событиями, в течение всего 2022 г. находившимися в центре общественного внимания в Германии. И для этого имелись достаточные основания. Например, после того как за два года пандемии расходы немецких семей на отопление выросли на 100%, в 2022 г. они увеличились еще на 60% [24]. В этой связи социологи ввели новое понятие «энергетическая бедность» – это положение, когда семья более 10% своих доходов тратит на оплату энергии. По расчетам специалистов, в настоящее время четверть населения Германии перешла в категорию энергетически бедных [24]. А по словам вице-канцлера Р. Хабека, у половины граждан ФРГ расходы уже превышают доходы, т.е. им приходится частично жить за счет собственных сбережений [35].

Представители власти на всех уровнях внимательно отслеживали сложившуюся ситуацию, прекрасно понимая всю ее взрывоопасность. Например, бургомистр саксонского города Шнееберг И. Зайферт направил Р. Хабеку письмо, в котором заявил об угрозе энергетического коллапса в его городе [36]. Премьер-министры Саксонии и Саксонии-Анхальт публично заявляли о необходимости прекращения боевых действий на Украине и бессмысленности антироссийских санкций [37]. Даже министр иностранных дел ФРГ А. Бербок отметила в этой связи, что если поставки российского газа прекратятся, то дело может дойти и до народных восстаний [38].

Основания для беспокойства действительно были. Начиная с лета 2022 г. в новых федеральных землях Германии практически в ежедневном режиме проходили демонстрации протеста. При этом запад страны реагировал гораздо более спокойно. Причина кроется не только в более высокой протестной активности на востоке страны. Гораздо большую роль в данном случае играет и сохраняющаяся даже по прошествии более чем 30 лет после объединения Германии существенная разница в ежемесячных доходах – в новых федеральных землях они более чем на 600 евро ниже, чем на западе страны [36].

Демонстрации проходили практически во всех новых федеральных землях. Требования их участников носили в целом стереотипный характер. Собравшиеся выступали обычно за снижение тарифов на энергию, отмену антироссийских санкций, прекращение поставок оружия на Украину и начало мирных переговоров [39].

Каждый раз демонстрации охватывали десятки населенных пунктов, а количество участников варьировалось, но не превышало 100 тыс. человек [39]. Социальный состав был в целом однородным. В основном это были представители малоимущих слоев населения, особенно пенсионеры, а также сторонники правозащитных организаций. Но были и исключения. Практически во всех восточногерманских землях отмечалось участие предпринимателей в протестных акциях [40].

Наиболее многочисленными демонстрациями были в Саксонии. В этой федеральной земле традиционно много сторонников правых и правозащитных движений. На протяжении многих лет здесь проходили демонстрации против приема беженцев, против антиковидных ограничений, а в 2022 г. главной темой стали высокие темпы инфляции и повышение тарифов на энергию. Усилению протестной активности в Саксонии способствует и тот факт, что абсолютное большинство населения в ходе опросов общественного мнения заявляет об отсутствии у федерального правительства продуманной стратегии в преодолении энергетического кризиса [36].

Наиболее активным организатором еженедельных демонстраций в этой федеральной земле стала правозащитная партия «Свободные саксонцы» (данная организация находится под наблюдением Федерального ведомства по охране конституции). Количество подписчиков ее телеграм-канала превысило 150 тыс. человек [38]. А всего в Саксонии работает более 300 телеграм-каналов, распространяющих информацию правозащитного толка, многие из которых занимают организацией протестов. Количество подписчиков у этих каналов превышает треть миллиона человек [38]. Определенную активность в организации протестных акций проявляет и партия «Альтернатива для Германии», так как значительная часть протестующих – это ее ядерный электорат.

Итак, с 2022 г. ФРГ начала принимать активное участие в санкционном давлении на Российскую Федерацию. Это привело к практически полному разрушению системы двустороннего сотрудничества в энергетической сфере и нанесло большой ущерб обеим сторонам. В случае если сотрудничество не будет восстановлено, в Германии произойдет смена парадигмы экономического развития, одной из основ которого был импорт дешевых энергоносителей из России. Это приведет к снижению конкурентоспособности немецкой промыш-

ленности и будет способствовать постепенной деиндустриализации экономики ФРГ. Помимо этого, будет снижаться жизненный уровень населения и, соответственно, нарастать социальное напряжение в обществе.

Данные тенденции уже проявились в 2022–2023 гг. На востоке страны выросла протестная активность граждан, зачастую направляемая правозащитными силами. Энергетический кризис, с которым столкнулась ФРГ, привел правящую коалицию к росту центробежных тенденций как в составляющих ее партиях, так и в самой коалиции. Снижился уровень поддержки федерального правительства, начали формироваться предпосылки изменений в партийной структуре ФРГ.

Следует также отметить, что жесткий антироссийский и антикитайский курс Запада, к которому вынуждена в той или иной степени присоединяться Германия, заметно снизит ее потенциал в отстаивании своих национальных интересов. А это будет оказывать заметное влияние и на внутривнутриполитическую обстановку в стране.

Список литературы

1. Hesse M., Müller-Arnold B. Es kann keine Lösung sein, nur auf ein großes Elektroauto umzusteigen // Der Spiegel. 2022. 30. September. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/siemens-energy-chef-ueber-die-energiewende-nord-stream-und-radikales-umdenken-a-93d0f923-e31f-4c69-9187-e646c47731aa> (дата обращения: 10.10.2022).
2. Steingart G. Merkels wahre Bilanz offenbart Deutschland als Investitionsruine // Focus. 2023. 3. März. URL: https://www.focus.de/finanzen/gastbeitrag-von-gabor-steingart-merkels-wahre-bilanz-offenbart-deutschland-als-investitionsruine_id_1873088 (дата обращения: 10.03.2023).
3. Sackmann Ch. Fünf Punkte zeigen, wie es um unsere Wirtschaft steht // Focus. 2023. 6. März. URL: https://www.focus.de/finanzen/news/konjunktur/hohe-steuern-fachkraeftemangel-inflation-so-steht-es-um-die-deutsche-wirtschaft_id_186938992.html (дата обращения: 10.03.2023).
4. Hesse M., Hülsen I. So könnte Deutschland sich aus der Krise herauswuchten // Der Spiegel. 2022. 7. Oktober. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/rezession-so-koennte-deutschland-sich-aus-der-krise-herauswuchten-a-ddf9260b-d0a4-42cc-85e3-3400c81aa968> (дата обращения: 20.10.2022).
5. Sabin Th. In der deutschen Wirtschaft gehen die Lichter aus // Focus. 2022. 14. September. URL: https://www.focus.de/finanzen/energiekosten-der-deutschen-wirtschaft-gehen-die-lichter-aus_id_142379464.html?cid=what (дата обращения: 21.09.2022).

6. Hesse M., Hage S. Die Panik der Bosse // Der Spiegel. 2022. 16. September. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/energiekrise-die-panik-der-bosse-droht-deutschland-eine-deindustrialisierung-a-4a6ec313-b2a6-4a46-88ac-b711f3fcf93> (дата обращения: 20.09.2022).
7. Hohe Energiepreise verschrecken: Wandert die deutsche Industrie in die USA ab? // Focus. 2023. 18. März. URL: https://www.focus.de/finanzen/news/inflation-reduction-act-lockt-deutsche-unternehmen-in-die-usa_id_188578447.html (дата обращения: 20.03.2023).
8. Masengarb Ch. So vermeidet Deutschland das große Industriesterben // Focus. 2023. 13. März. URL: https://www.focus.de/finanzen/von-wegen-job-schock-warum-deutschland-keine-deindustrialisierung-droht_id_187849403.html (дата обращения: 13.03.2023).
9. Wulff K., Fink C. Wie Verbraucher bald bei den Energiepreisen entlastet werden // Die Zeit. 2023. 16. Dezember. URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2022-11/gaspreisbremse-strompreisbremse-verbraucher-haeufigste-fragen-faq> (дата обращения: 20.12.2022).
10. Steingart G. Zehn unbequeme Wahrheiten über den Haushalt der Ampel // Focus. 2023. 8. Dezember. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/gastbeitrag-von-gabor-steingart-zehn-unbequeme-wahrheiten-ueber-den-finanzhaushalt-der-ampel_id_180435341.html (дата обращения: 10.12.2022).
11. Endt Ch. Das falsche Signal // Die Zeit. 2023. 29. November. URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2022-11/gas-deal-katar-deutschland-energiekrise-klimaschutz> (дата обращения: 01.12.2022).
12. Steingart G. Die USA gewinnen den Ukraine-Krieg // Focus. 2023. 19. Januar. URL: https://www.focus.de/finanzen/news/gastbeitrag-von-gabor-steingart-bewaffnung-auf-kredit-warum-die-usa-den-ukraine-krieg-gewinnen-werden_id_183364187.html (дата обращения: 20.01.2023).
13. Steingart G. Unglaublich, aber wahr: Deutschland nicht 51. US-Bundesstaat // Focus. 2023. 10. März. URL: https://www.focus.de/finanzen/gastbeitrag-von-gabor-steingart-unglaublich-aber-wahr-deutschland-nicht-51-us-bundesstaat_id_187933989.html (дата обращения: 12.03.2023).
14. Wolfsgruber A. von. CDU-Ministerpräsident Michael Kretschmer: «Es ist ein Verbrechen, Nord Stream 1 zu zerstören» // Focus. 2023. 24. März. URL: https://www.focus.de/kultur/kino_tv/tv-kolumne-maybrit-illner-cdu-ministerpraesident-michael-kretschmer-es-ist-ein-verbrechen-nord-stream-1-zu-zerstoeren_id_189162906.html?cid=whatsnext_1%2Cwhatsnext_a (дата обращения: 25.03.2023).
15. Bram I. J. Die Transatlantische Illusion. München : C. H. Beck, 2022. 176 S.
16. Schlieben M. Und Friedrich Merz applaudiert // Die Zeit. 2023. 2. März. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2023-03/olaf-scholz-bundestag-ukraine-politik-friedrich-merz> (дата обращения: 10.03.2023).
17. Werner S. Trotz Putins Krieg steigen Deutschlands Exporte nach Russland // Focus. 2023. 22. Januar. URL: https://www.focus.de/finanzen/trotz-putins-krieg-steigen-deutschlands-exporte-nach-russland_id_183741102.html (дата обращения: 25.01.2023).
18. Widmann M. Jetzt muss sich das Blatt wenden // Die Zeit. 2023. 8. Januar. URL: <https://www.zeit.de/2023/02/energiewende-ukraine-krieg-robort-habeck-unternehmen/komplettansicht> (дата обращения: 10.01.2023).
19. Middelhoff P. Zwischen Fundis und Realos // Die Zeit. 2023. 5. Januar. URL: <https://www.zeit.de/2023/02/fdp-christian-lindner-ampel-regierung/komplettansicht> (дата обращения: 10.01.2023).
20. Malcher I. Verheerende Flaute // Die Zeit. 2022. 18. Dezember. URL: <https://www.zeit.de/2022/52/atomkraftwerke-fossile-energie-kohleausstieg> (дата обращения: 20.12.2022).
21. Energieriese Eon schmeißt erste Stromkunden raus // Focus. 2022. 15. September. URL: https://www.focus.de/finanzen/news/schock-fuer-verbraucher-energieriese-schmeisst-die-ersten-kunden-raus-strom-deutlich-teurer_id_146583919.html?cid (дата обращения: 20.09.2022).
22. Fratzscher M. Ein gemischtes Zwischenzeugnis für die Ampel // Die Zeit. 2023. 9. Dezember. URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2022-12/ampelkoalition-einjahr-bundesregierung-energieversorgung-buergergeld/komplettansicht> (дата обращения: 10.12.2022).
23. Hein J.-Ph. Erst Willkommenskultur, jetzt blanke Angst – ein Dorf ist Symbol für Flüchtlingsversagen // Focus. 2023. 10. März. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/politik-und-wieder-die-frageschaffen-wir-das_id_187583704.html (дата обращения: 12.03.2023).
24. Book S., Großekathöfer M. Drei Zimmer, Küche, Bankrott // Der Spiegel. 2022. 18. November. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/immobilien-und-die-energiekrise-der-wohnungsmarkt-geraet-ausser-kontrolle-a-c75e7f5b-f27c-4f75-a47b-e9a6bae79d8f?context=issue> (дата обращения: 20.11.2022).
25. Steingart G. Fünf Gefahren für die Inflation werden einfach ignoriert // Focus. 2023. 18. Februar. URL: https://www.focus.de/finanzen/gastbeitrag-von-gabor-steingart-inflation-fuenf-risiken_id_186052770.html (дата обращения: 20.02.2023).
26. Reitz U. Linke zerlegt sich, Grüne rutschen ab – ein anti-bürgerlicher Traum endet // Focus. 2023. 20. März. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/analyse-von-ulrich-reitz-linke-zerlegt-sich-gruene-rutschen-ab-das-ende-eines-linken-anti-buergerlichen-traumes_id_188859948.html (дата обращения: 25.03.2023).
27. Müller-Vogg H. Kohle-Treiber Habeck sitzt jetzt in der Joschka-Fischer-Falle // Focus. 2023. 11. Januar. URL: https://www.focus.de/finanzen/news/kommentar-von-hugo-mueller-vogg-kohle-treiber-habeck-sitzt-jetzt-in-der-joschka-fischer-falle_id_182767794.html (дата обращения: 10.03.2023).
28. Steinwürfe gegen Polizei in Lützerath // Die Zeit. 2023. 2. Januar. URL: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2023-01/luetzerath-abriss-aktivisten-polizei-garzweiler> (дата обращения: 10.01.2023).

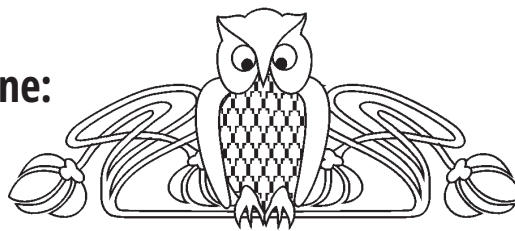
29. Linkeparteispitze mahnt Wagenknecht zu Klarheit über Parteigründung // Die Zeit. 2023. 26. März. URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2023-03/linke-wagenknecht-wissler-partei> (дата обращения: 30.03.2023).
30. Steingart G. Wir zielen mit Gas-Sanktionen auf Putin und treffen uns selbst // Focus. 2022. 14. September. URL: https://www.focus.de/finanzen/news/gastbeitrag-von-gabor-steingart-wir-zielen-mit-gas-sanktionen-auf-putin-und-treffen-uns-selbst_id_145842894.html (дата обращения: 16.09.2022).
31. Manifest für Frieden. URL: <https://www.change.org/p/manifest-für-frieden> (дата обращения: 15.02.2023).
32. Müller-Vogg H. Wagenknecht wird wohl neue Partei gründen – mit massiven Folgen für Deutschland // Focus. 2023. 6. März. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/kommentar-wagenknecht-wird-wohl-neue-partei-gruenden-mit-massiven-folgen-fuer-deutschland_id_187424031.html (дата обращения: 10.03.2023).
33. Lehmann T., Röhlig M. Kurz vor links draußen // Der Spiegel. 2022. 17. November. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/die-linke-plant-sahra-wagenknecht-wirklich-eine-neue-partei-a-ec8d191e-f295-4b3f-b419-f6372dcb0d7e> (дата обращения: 20.11.2022).
34. Linke fällt nach Wagenknecht-Ankündigung unter 5-Prozent-Marke // Focus. 2023. 12. März. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/sonntagstrend-linke-faellt-nach-wagenknecht-abschied-unter-5-prozent-marke_id_188081500.html (дата обращения: 15.03.2023).
35. Habeck: 50 Prozent der Gesellschaft werden weniger verdienen als sie ausgeben // Focus. 2022. 6. Juli. URL: <https://www.focus.de/politik/ausland/politische-entwicklungen-und-stimmen-zum-krieg-habeck-50-prozent-der-gesellschaft> (дата обращения: 10.07.2022).
36. Maxwill P. Nein, das sind nicht nur Putins nützliche Idioten // Der Spiegel. 2022. 3. September. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/montagsdemos-in-ostdeutschland-nein-das-sind-nicht-nur-putins-nuetzliche-idioten-kommentar-a-8af8b349-4a5e-4153-9051-dacfd7507e59> (дата обращения: 10.09.2022).
37. Baumgärtner M., Keck Ch. Wie Rechtsextremisten ihre Anhänger für einen deutschen Wutwinter mobilisieren // Der Spiegel. 2022. 23. Juli. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/energiekrise-und-inflation-wie-rechtsextremisten-ihre-anhaenger-fuer-einen-wutwinter-mobilisieren-a-d61b5838-a020-4bff-8af5-438754c72afb> (дата обращения: 30.07.2022).
38. Maxwill P. Wie Rechtsextreme im Osten den Volkszorn befeuern // Der Spiegel. 2022. 18. August. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/freie-sachsen-wie-rechtsextreme-im-osten-den-volkszorn-befeuern-a-a971e44c-84e6-4093-869e-6faef94f529b> (дата обращения: 20.08.2022).
39. Wieder demonstrieren Tausende Ostdeutsche gegen Energiepolitik // Der Spiegel. 2022. 10. Oktober. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ostdeutschland-tausende-demonstrieren-gegen-energiepolitik-a-9edd0bb7-378e-439e-99b3-ca1c1c0676c1> (дата обращения: 15.10.2022).
40. Lenze D. Aufstand der Unternehmer // Die Zeit. 2023. 2. Dezember. URL: <https://www.zeit.de/gesellschaft/2022-12/rechte-netzwerke-unternehmen-ost-deutschland> (дата обращения: 10.12.2022).

Поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 15.05.2023

Article

Attitude of Russian youth to the special military operation in Ukraine: Impact of media practices

A. A. Kazakov ✉, A. A. Vilkov, N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. According to social surveys, the majority of Russian society as a whole supported the President's decision to hold the special military operation (in what follows, the SMO). However, the level of this support appeared to be different for different social groups. It turned out, for example, that, compared with society in general, young people perceived the outbreak of hostilities more skeptical and critical. In this regard, this article is devoted to the analysis of the features and factors of formation of such an attitude of young people towards the SMO. Among other things, the views of young people about the causes of the outbreak of the conflict, its perpetrators and possible solutions are considered; the reaction of young citizens of the country to the entry into Russia of four new subjects, partial mobilization, as well as those who evade it is presented. Patterns are indicated according to which people's media preferences affect the nature of their assessments of events within the framework of SMO. Probable reasons for the more skeptical attitude of the younger generation to what is happening are identified, and possible options for its further transformation in the short and long terms are indicated.

Keywords: special military operation, youth, media practices, echo-chambers, partial mobilization, Russia, Ukraine

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research project "Value motivation of young people's attitude to the main directions of state policy in modern Russia", supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kazakov A. A., Vilkov A. A., Shestov N. I. Attitude of Russian youth to the special military operation in Ukraine: Impact of media practices. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 313–324. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-313-324>, EDN: GVT0GV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 32.019.3

Отношение российской молодежи к СВО: влияние медийных практик

A. A. Казаков ✉, A. A. Вилков, Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. По данным социологических опросов, большая часть российского общества в целом поддержала решение президента о проведении специальной военной операции (далее – СВО). Однако для разных социальных групп уровень этой поддержки оказался различным. Выяснилось, например, что, по сравнению с обществом в целом, молодежь восприняла начало боевых действий более сдержанно и критично. В этой связи данная статья посвящена анализу особенностей и факторов формирования такого отношения молодых людей к СВО. Среди прочего, рассмотрены представления молодежи о причинах разразившегося конфликта, его виновниках и возможных вариантах разрешения; представлена реакция молодых граждан страны на вхождение в состав России четырех новых субъектов, частичную мобилизацию, а также тех, кто от нее уклоняется. Обозначены закономерности, согласно которым медийные

предпочтения людей влияют на характер их оценок событий в рамках СВО. Выявлены вероятные причины более скептического отношения представителей молодого поколения к происходящему, обозначены возможные варианты его дальнейшей трансформации.
Ключевые слова: специальная военная операция, молодежь, медийные практики, эхо-камеры, частичная мобилизация, Россия, Украина

Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Kazakov A. A., Vilkov A. A., Shestov N. I. Attitude of Russian youth to the special military operation in Ukraine: Impact of media practices [Казиков А. А., Вилков А. А., Шестов Н. И. Отношение российской молодежи к СВО: влияние медийных практик] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 313–324. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-313-324>, EDN: GVTOGV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

For Russia, the beginning of the SMO in Ukraine has certainly become a key event of 2022. It entailed a whole set of processes and changes that will definitely affect the social life for quite a long time. Despite the fact that in its mass, Russian society as a whole appeared to be rather understanding about the decision of the country's leadership, many perceived the SMO extremely negatively. The attitude to what was happening quite quickly turned out to be one of the main criteria, according to which people began to divide compatriots into "us" and "them".

Among all age categories, for the youth it has become the most difficult dilemma. Not only because hostilities affected it first of all, but also due to the lack of rich life experience, it was difficult for young people to take in the situation and determine their attitude towards it. More than twenty years have passed since the end of the previous military campaign (i.e. on the territory of the Chechen Republic) – from then a whole generation has grown up, which simply did not have the remotest idea of military operations and daily reports from the fronts.

By the fact that most of the information about the SMO Russian youth receives from the mass media and, in particular, from the Internet sources, the question arises of the role of media education in the formation of an adequate attitude of young people to what is happening. Under current conditions, the importance of media literacy promotion arguably becomes even more obvious than ever. The need for consolidation of Russian society in the context of ongoing global confrontation has become a significant factor in actualization of the idea of the mass incorporation of elements of media education into the system of domestic secondary and higher education.

It should be noted that national surveys regarding the reaction of the population to the SMO are conducted regularly, but the results broken down by age groups are not always made available to the public. For example, the All-Russia Public Opinion Research Center carries out relevant re-

search every month, but publishes only generalized (i.e. for all respondents, regardless of their age) data on its official website [1]. In addition, at the end of 2022, the Center's specialists administered a survey in which they asked respondents to evaluate the significance and formulate their attitude not to the SMO as a whole, but only to certain events within its framework [2].

The Public Opinion Foundation measured the attitude of Russians towards the SMO four times, but did so only until March 20 [3]; since then, results of the relevant surveys have not been presented on its website. And only Yuri Levada Analytical Center (from this point onward Levada-Center, recognized as a foreign agent in Russia) conducts surveys into this issue every month and publishes detailed results, structured, among other criteria, by age. That is why the results of measurements carried out by Levada-Center in April, 2023 [4] will be presented below (at the time of writing this article, these were the most recent data).

Apart from this, the empirical basis of the current research was also the results of our own online questionnaires and focus group interviews. From November 1 to November 15, 2022, 2055 people aged 14 to 35 and residing in 63 regions of Russia were interviewed.

The online questionnaire consisted of 27 questions, including 8 closed, 1 open and 16 semi-closed; 2 more questions implied the need to evaluate on a six-point scale (from 0 to 5) the level of respondents' trust in various sources of information and the correctness of the development of various spheres of public and state life in modern Russia. The final sample consisted of 2021 questionnaires: 34 questionnaires were not selected for analysis due to the fact that respondents did not answer all questions or gave answers to open-ended questions that were not relevant to the essence of the survey.

Statistical error in our sample (with a confidence interval of 0.95) does not exceed: 3.4% for numbers close to 50%; 2.9% for numbers close to 25% / 75%; 2% for numbers close to 10% / 90%; and 1.5% for numbers close to 5% / 95%.

When forming the sample, quotas were used by gender, age, and place of residence of respondents. As a result, 61.9% of women and 38.1% of men were surveyed. 75.7% of them live in administrative centers of the Russian Federation subjects, 18.3% reside in regional centers, 6% – in rural areas. According to the age criterion, respondents were distributed as follows: from 14 to 17 years old – 5.4%; from 18 to 25 years old – 83.7%; from 26 to 30 years old – 4.6%; from 31 to 35 years old – 6.3%. At the time of the survey, 1% of respondents studied at comprehensive schools; 1.9% attended specialized secondary schools; 83.9% studied at the university; 9.8% were employees; 2.4% were engaged in entrepreneurship; and remaining 1% chose the 'Other' option.

Realizing that there were a disproportionately large number of students among the respondents interviewed, we nevertheless believe that the sample formed in this way did make it possible to identify the main features of assessment of SMO by young people. Additionally, it is important to take into account that students are usually considered the most active, organized, and knowledgeable part of the youth, which in many aspects accumulates meanings and ideas that are typical for most people of their age.

After results of the online survey were quantitatively processed in the SPSS program, there was a need to clarify and specify certain points. To this end, from November 20 to November 30, 2022, three focus group interviews were carried out, with a total of 36 young people having participated in them. While selecting the focus group interview participants, we also focused on the gender and age characteristics of Russian youth. During the focus groups, young people were asked questions about the reasons and motives for their use of certain information sources, how they feel about the SMO, partial mobilization and those who evade it, as well as respondents' attitude to the entry of new subjects into Russia.

We are convinced that combination of results of the surveys conducted by Levada-Center and our online survey, coupled with three focus group interviews, made it possible to obtain sufficiently reliable and valid results, on the basis of which one can make generalizations and formulate specific recommendations for media support of events related to the SMO.

Within the scholarly community, the influence of the SMO on the political worldview and the consciousness of youth has not yet obtained proper consideration. Of course, Russian scholars investigate specifics of the political culture and behavior of young people – in particular, their spiritual and moral values [5, 6], political and ideological prefer-

ences [7, 8], and social identity [9, 10]. Quite often, the focus of scholar's attention includes formats and motivation of the electoral and protest participation of youth [11–14], as well as models of the desired image of the future of Russia preferred by young people [15, 16].

Different aspects of youth media consumption are being actively studied by Russian and foreign researchers. Taking into account specifics of political culture of citizens of our country and peculiarities of Russia's political regime, while reviewing research available on the issue we deem it necessary to focus on analysis of domestic scholarships. No doubt foreign scientists make a valuable contribution to the development of theoretical and applied aspects of examination of media practices inherent in young people. Naturally, they are primarily interested in exploration of their compatriots' media consumption. However, Russian youth, to our minds, exists in quite specific social, political, and informational conditions that must be taken into account, which, in fact, is what native scholars try to do.

It should be noted that most often the primary focus of researchers is either schoolchildren [17, 18], or university students [19, 20]. The rest of the youth (in its generally accepted sense – i.e. up to 35 years old) either becomes an object of study more rarely or is mentioned in the context of the entire population [21, 22].

Substantial portion of research is devoted to the analysis of motivational factors of media consumption [23, 24]. Scholars actively compare various factors that encourage young people to use information sources [25]. At the same time, the idea that young men and women turn to media (primarily the Internet) more for socialization and self-actualization rather than for entertainment or information is becoming more precise [23].

Of note, the Internet is no longer considered exclusively as a set of technologies. Rather, it has become the natural environment and an organic part of the daily lives of younger generation [25]. As a result, needs that were previously met only offline can now be satisfied directly – through online communication [26].

The interplay between media and political practices is not actively examined. In this context, special mention must be made of attempts to investigate the association between social networking and political participation [27, 28] and polarization [29, 30], to identify the impact of social media use on political attitudes [31, 32], to analyze anti-Russian propaganda in the Internet communications of modern Ukraine within the framework of various

student groups' media literacy education [33], and to assess contribution of media criticism to the development of media competence of citizens, their rational and critical attitude to political discourses formed by the media [34].

Unfortunately, there are not many attempts to develop an effective model of promoting among young people the audience's skills to reasonably confront the false information [33] or articulate the importance of media literacy for political communication in Russia in general [35]. Exacerbating the situation is the fact that, according to scholars, the level of media literacy of most young people is actually not very high [36, 37]. Besides, they often tend to overestimate the quality of their own media competence [37]. Altogether, it makes youth vulnerable to the spread of fakes and disinformation.

At the same time, despite rather wide range of issues covered by researchers, it is obvious that the SMO's impact on the political consciousness of young people has yet to be studied. In this regard, the purpose of this article was to demonstrate the peculiarities of the attitude of young people to the SMO, partial mobilization, and entry into Russia of new subjects, using the materials of social surveys and focus group interviews. That being said, a connection was also revealed between the preferred sources of information and how exactly respondents assess specific events and aspects of the SMO.

For a start, let's turn to the results of surveys conducted monthly by Levada-Center. Figure 1 shows a breakdown of the level of attention to what is happening within the framework of the SMO, recorded in April, 2023.

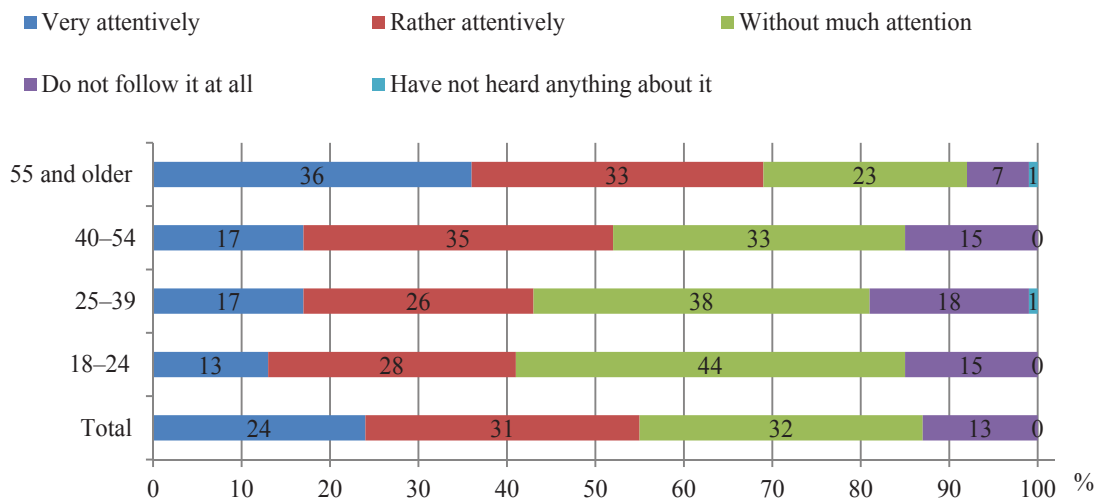

Fig. 1. How attentively do you follow the situation around Ukraine? (% of respondents) (color online)

Obviously, as respondents 'mature', the proportion of those who are very or rather attentively following what is happening is steadily growing. Young people are the least interested in this regard. On the one hand, it is quite understandable: at this age people are usually more concerned about problems and issues of a different nature, most often not directly related to politics. On the other hand, it is a little strange, because the youth is the category that is primarily at risk of being involved in processes related to the SMO. It seems that this circumstance is due to the fact that the vast majority of young people prefer to receive information from the Internet, are used to forming their own media 'diet', and therefore are less (compared with the main part of the country's population) influenced by SMO narratives propelled by traditional media. Additionally, as our online survey revealed, young people's per-

ception of the SMO is significantly dependent on the level of opposition of various age groups to the current government and to the main directions of Russia's home and foreign policy.

Compared to March, 2022, when Levada-Center first conducted a similar survey, respondents' interest in what is happening around Ukraine has slightly decreased. However, it is clear that, firstly, this is due to the effect of people getting used to this issue and, secondly, much in this case depends on specific events taking place in a given period of time (for example, in September, 2022, which was rich in resonant events at the military fronts, attention span increased dramatically to 32% and 34%, respectively).

The above-mentioned dependence on the respondents' age can also be traced in relation to the level of support for Russia's actions (Figure 2).

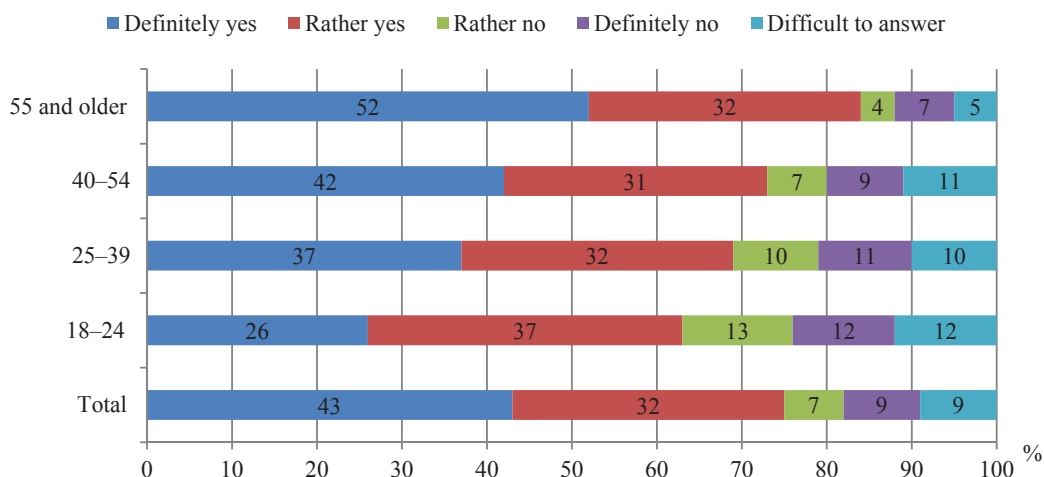

Fig. 2. Do you personally support the actions of the Russian armed forces in Ukraine? (% of respondents) (color online)

It is noticeable that the younger people are, the more skeptical they remain about what is happening. But even so, slightly more than half of the youngest age group of respondents definitely or rather support Russia’s actions on this issue. Moreover, in the older cohort of the youth (25–39 years old), the level of support reaches 69%.

Assessing the overall dynamics of change in this indicator, we can state a slight decrease in the share of people who definitely support Russia’s actions (in March, 2022, there were 52% of them) and almost unchanged number of those who rather support them (28% in March, 2022, and 29% in Febru-

ary, 2023). Fluctuations in the number of non-supporters during this time did not exceed 3–4%. We attribute this to the fact that since the beginning of the SMO, many have lost some illusions they had before: the hopes for a quick military victory did not come true; some defeats and retreats were perceived by society very painfully; the number of casualties turned out to be unexpectedly large; taken together, all these factors have led to a decrease in the degree of support for Russia’s policy in Ukraine.

Respondents’ ideas about how the conflict between Russia and Ukraine should be developed further are also very indicative.

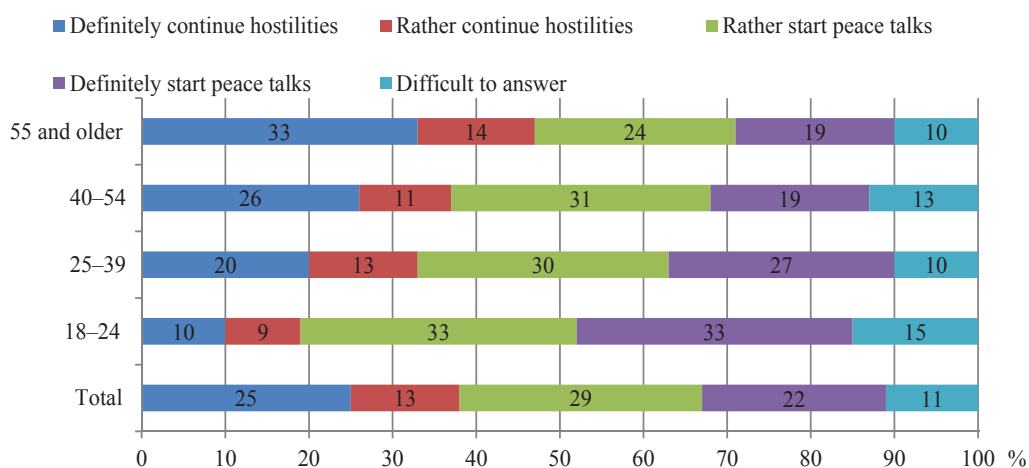

Fig. 3. Do you think hostilities should continue now or it is better to start peace negotiations? (% of respondents) (color online)

Again, as data on Figure 3 show, there is a clear correlation between respondents’ opinions and their age. Younger citizens tend to be more peaceful. And vice versa: the older the person, the more often he

or she is a supporter of the continuation of hostilities. What can it be connected with? Perhaps with a richer life experience of people of middle and older age, who understand that not every conflict

can be resolved through negotiations. Also, we cannot discount the fact that, opting for negotiations, some young people may simply be unwilling to find themselves in the SMO zone.

A similar question (but with only three options for an answer available) was first asked by Levada-Center specialists in August, 2022. Then, the option ‘continue hostilities’ was chosen by 48%, ‘start peace talks’ – 44%, and ‘difficult to answer’ – 8% of respondents. As one can see, since then the militant mood of Russian citizens has slightly decreased.

Most likely, this was due to roughly the same reasons mentioned in relation to evaluating the actions of the leadership of our country.

Let’s turn to the results of our survey. As previously noted, its purpose was to identify views of young people on more specific issues within the SMO that were not touched on by federal survey centers.

Quite interesting results were obtained after processing the respondents’ answers to the question about the root causes of SMO (Table 1).

Table 1

What do you think are the main reasons for launching the SMO? Choose no more than three answers (% of respondents)

Protection of the Russian Federation borders from the spread of NATO influence and deployment of new foreign military bases near the territory of Russia	52.6
Protecting the population of Donetsk and Lugansk People’s Republics, ending the war and forcing peace	45.2
Ukraine posed a real threat to the security of the Russian Federation, it wanted to attack Russia and get nuclear weapons	19.8
Changing political course of Ukraine, denazification	19.0
Russia’s desire to annex some Ukrainian territories or total accession of Ukraine to the territory of the Russian Federation	16.6
Establishment of a puppet (dependent) government on the territory of Ukraine	14.2
Raising ratings of state power, specifically the President of the Russian Federation, as a result of a small victorious war	13.6
Other selfish political and economic motives of the government of the Russian Federation	12.8
Difficult to answer	20.1

The first two answer options appeared to be by far the most popular. Despite the fact that young people are much less likely to use traditional media, in which the position of the state is promoted systematically and consistently, in this case it can be stated that respondents chose those very reasons that are most actively articulated at the official level as prerequisites for the start of the SMO.

Conspicuous is the fact that the third most frequent option was ‘Difficult to answer’. Results of the focus group interviews showed that, among other reasons, this was due to relatively low level of interest in what is happening, which has been already noted above. Not paying much attention to the Ukraine-related events, many respondents quite naturally found it difficult to name the prerequisites and causes of the outbreak of hostilities.

The ideas of young people about the causes of the conflict quite clearly correlate with their vision of its perpetrators (Table 2).

Data presented on Table 2 show, that more than 60% of respondents blame the Western countries

and, in particular, the United States for what happened. It is rather surprising that of all the rest, Russia is considered the culprit of the conflict by almost twice as many young people as Ukraine. In other words, the majority of the youth in general agrees with interpretation of the causes and perpetrators of the conflict propelled by the authorities, but at the same time, one in five considers Russia responsible for it. Answers to other questions in the questionnaire and focus group interviews showed that this position is most often taken by liberal-oriented respondents who blame the country’s current leadership for Russia’s confrontation with the West and Ukraine.

As far as differences in the opinions of respondents who prefer different sources of information are concerned, several revealing points are catching the eye. Predictably, TV viewers blame the United States and the West in general for what is happening more than others. They also became the only cohort in which Ukraine is considered the culprit more often than Russia (opinions of respondents in terms of

Table 2

In your opinion, who is responsible for starting the conflict in Ukraine? (% of respondents)

Preferred sources of information*	Option of an answer						
	The USA	Western countries together with the USA (NATO)	Ukraine	Russia	Donetsk and Lugansk People's Republics	All that was mentioned	Other
Total	15.3	46.4	11.3	21.1	0.6	4.4	0.9
The Internet (93.0)	15.0	46.1	11.6	21.2	0.6	4.6	0.9
TV-programs (31.9)	19.5	56.6	12.6	7.1	0.7	3.0	0.5
The print press (4.8)	15.1	46.6	13.7	17.8	1.4	2.7	2.7
Radio (4.6)	20.0	46.7	9.3	20.0	1.3	2.7	0
Family members, relatives, friends (52.8)	15.9	47.4	14.1	17.9	0.4	3.5	0.7
Teachers, higher-ups (12.2)	14.2	52.3	14.2	14.8	0.6	2.6	1.3

*There are percentages of respondents who chose such an answer to the question "Where do you most often learn about the events taking place in the country? (Choose up to three answers)" in parentheses.

'Ukraine or Russia' culpability among those who learn the news from teachers and higher-ups are within the measurement accuracy). Among the Internet-users, the setup is quite the opposite: the United States and NATO are blamed a little less often while Russia – more often. Those who are accustomed to learning about events from teachers, lecturers, and superiors, by and large, think about the same way as those watching TV. Most likely, the reason is that

people from whom they learn about events within the framework of the SMO, in their turn, more often receive information from TV-programs.

Worthy of separate attention is the attitude of young people to the partial mobilization announced in Russia. Figures 4 and 5 show the general ratio of answers to the question asked and the breakdown based on the sources of information preferred by respondents respectively.

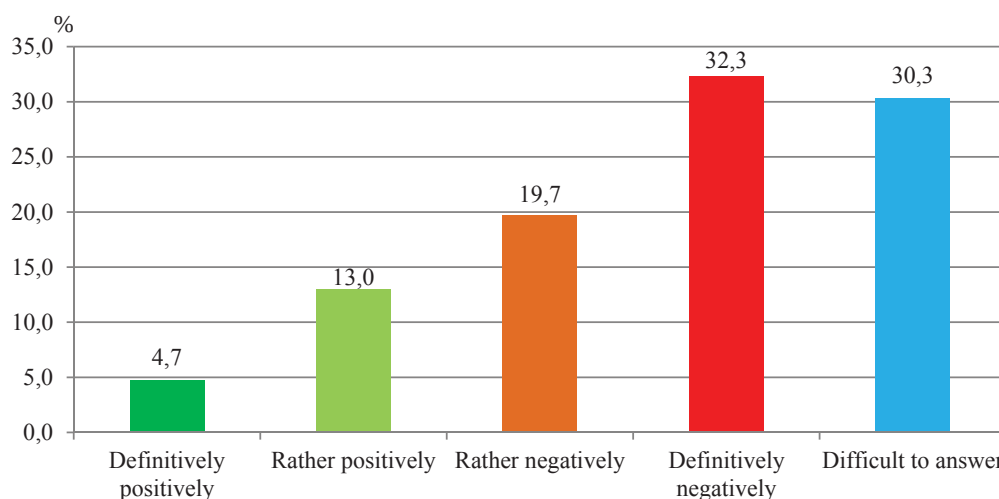

Fig. 4. How do you feel about the partial mobilization announced in Russia? (% of respondents) (color online)

In contrast to assessments of the SMO as a whole, young people are much more skeptical about mobilization: more than half of respondents do not support it. It is quite indicative that 30.3% found it difficult to answer this question. Apparently, some of them experienced a kind of cognitive dissonance between sup-

porting the SMO and internal rejection (or even fear) of the partial mobilization necessary for its successful implementation (this idea was voiced by several participants during our focus group interviews).

Those who receive information from their inner circle (relatives, friends, acquaintances) and from the

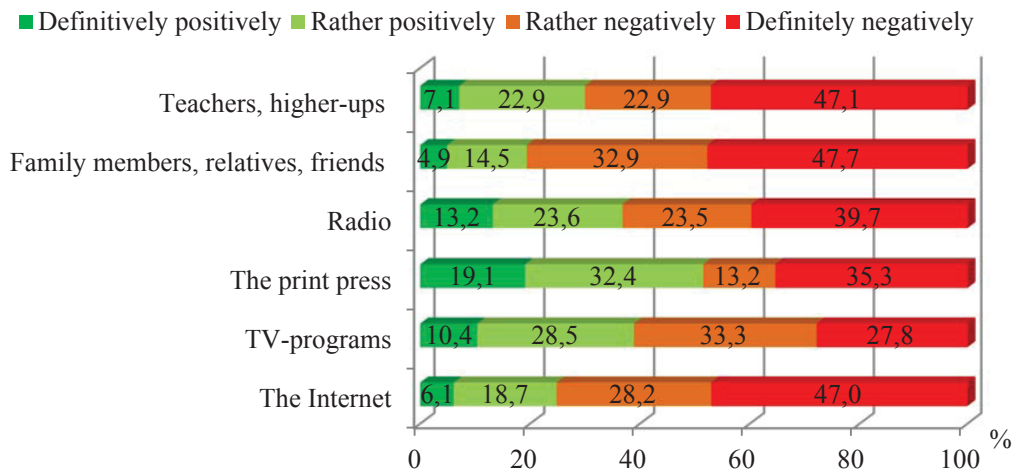

Fig. 5. How do you feel about the partial mobilization announced in Russia? (% of respondents in relation to their preferred source of information) (color online)

Internet are most suspicious about the partial mobilization, while the print press readers and TV viewers are comparatively more supportive of it (Figure 6). As it turned out later in the course of focus group interviews, those who prefer to read newspapers and

magazines were among the most loyal to the mobilization due to the fact that there are practically no oppositional print media left in Russia – therefore, that small part of respondents still reading press mainly uses sources which are loyal to the government.

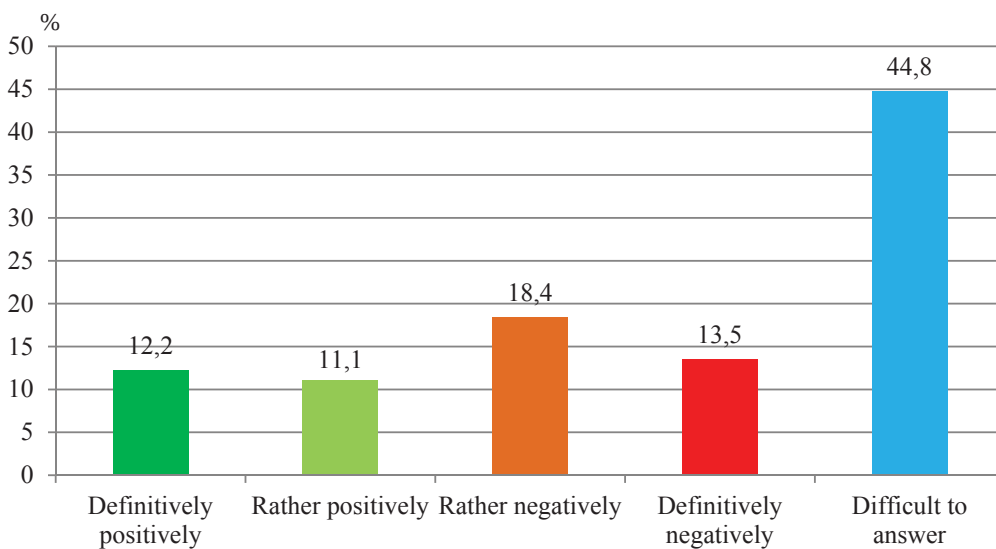

Fig. 6. How do you feel about those who evade partial mobilization? (% of respondents) (color online)

Whereas about a third of the respondents found it difficult to formulate their attitude to partial mobilization, in relation to those who evade it, a segment of the undecided youth accounted for almost 45.0%. In our opinion, there is a certain internal contradiction again. As some focus group participants told us, on the one hand, many support the SMO, but at the same time they fear that they themselves or their relatives may well be found among the mobilized. Therefore, projecting this dissonance onto other people (including those who preferred to leave

the country, hiding from possible mobilization), respondents deem it difficult to clearly define their attitude towards the ‘evaders’.

Those who were able to formulate their opinion on this issue were distributed approximately in equal proportions among the four variants of attitude. At the same time, the option ‘rather negative’ turned out to be slightly more popular. It is noteworthy that the proportion of people who feel generally negative about mobilization (52.0%) appeared to be noticeably larger than the part of those who have a positive attitude to-

wards ‘evaders’ (23.3%). In other words, some young people believe that evading mobilization is bad, even though mobilization itself is not good either.

At last, special question of our questionnaire was devoted to the attitude of young people to the entry of four new regions into Russia (Figure 7).

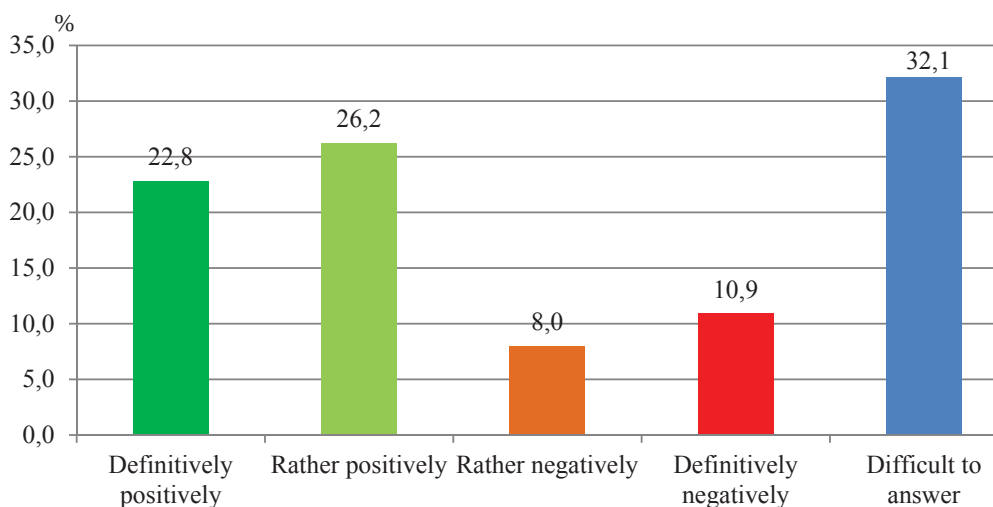

Fig. 7. How do you feel about the entry of new subjects into the Russian Federation (Donetsk and Lugansk People’s Republics, Kherson and Zaporozhye regions)? (% of respondents) (color online)

Again, one can see a fairly large proportion of respondents who found it difficult to answer. In our view, this may indicate at least two things. First, the complexity of the processes in relation to which respondents were asked to form their opinion (there is still no consensus on this issue even among the expert community). Secondly, the aforementioned lack of attention paid by some young people to what is happening around Ukraine. Being up to speed, they would certainly have a more or less considered opinion on this matter.

The number of those who positively (to one degree or another) perceived the inclusion of

Donetsk and Lugansk People’s Republics, Kherson and Zaporozhye regions into the Russian Federation (49.0%) is slightly less than the number of young people who support the actions of the Russian armed forces in Ukraine (see Figure 2). What does it mean? Judging by the opinions expressed during the focus group interviews, some believe that the SMO should have been launched solely in order to demilitarize and denazify the neighboring state, but not in order to take part of its territories (Figure 8).

As for the differences depending on the sources of information preferred by young people, here

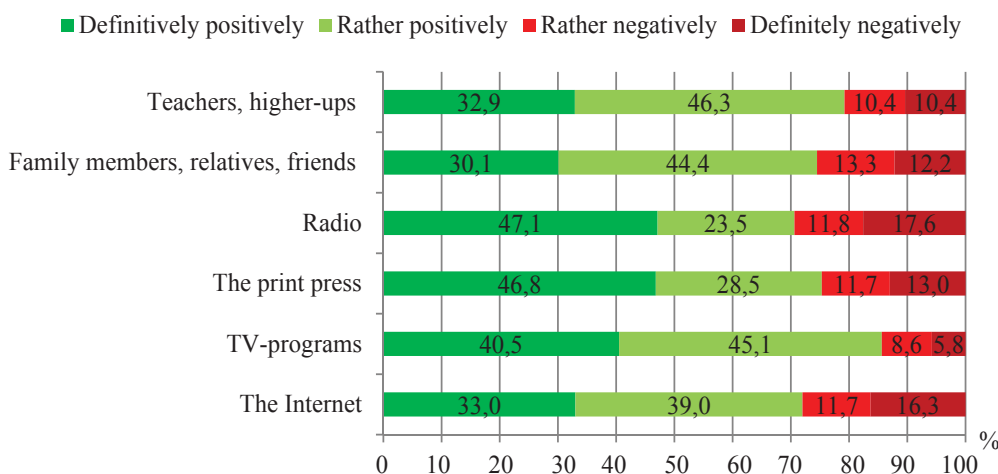

Fig. 8. How do you feel about the entry of new subjects into the Russian Federation (Donetsk and Lugansk People’s Republics, Kherson and Zaporozhye regions)? (% of respondents in relation to their preferred source of information) (color online)

we can once again see a kind of ‘polarity’ between the opinions of TV viewers and Internet users: the former demonstrate the highest level of approval, the latter – the lowest. In terms of loyalty to the decisions made by the government, quite a bit behind the TV viewers are those who receive the bulk of the information about what is happening from teachers, lecturers, and superiors. This is not surprising, since in most cases they convey exactly those ideas and meanings that the official authorities produce.

These were the main results of surveys regarding the attitude of youth towards SMO. Obviously, young people assess what is happening less enthusiastic than society as a whole. However, it is important to emphasize that most of them still support the SMO, but the level of this support is significantly lower than that of representatives of older ages. As for the attitude towards partial mobilization and the inclusion of four new subjects in Russia, the approval level is even less than half here. Thinking of preferred options for continuing the conflict, among the young there are much more of those who are advocating the start of peace negotiations with Ukraine.

We believe that there are several reasons for such a specific (compared with the typical for the whole society) attitude of young people to what is happening.

Firstly, these are the age features of this social stratum. For the first time faced with a situation when a country is participating in hostilities, young people are involuntarily frightened of what is happening and experience serious difficulties in shaping their own attitude to it (this is indirectly evidenced by the number of respondents who chose the options “Difficult to answer”). Having no rich life experience, relatively little interest in politics and history (including the peculiarities of formation, development, and collapse of the USSR, the history of the Great Patriotic War and the fight against followers of Bandera as the most cruel accomplices of Nazi Germany), a significant part of the respondents believe that the territories where there are hostilities are primordial Ukrainian lands, and that any conflicts could be resolved at the negotiating table.

Secondly, political socialization of today’s young people largely took place within ideological vacuum. Therefore, it is quite difficult for them to understand the ideas about the common historical past of Russians and Ukrainians, their cultural, religious, and ethnic kinship. ‘Russian world’, ‘fraternal peoples’, ‘common historical past’ – these and similar concepts are understandable for not every person born in the 1990th and later. Moreover, at a certain stage of our recent past, this ideological vacuum began to be filled with Western values.

Ideas of priority of interests of the individual over society, human rights and freedoms, orientation towards ensuring, first of all, material well-being were absorbed by young people and came into clear dissonance with the obvious and inevitable results of the SMO (i.e. a large number of wounded and dead, destruction of infrastructure facilities, threats of terrorist attacks, etc.).

Thirdly, media practices that are widespread among the youth also play a rather important role. In a situation when 93% of young people prefer to learn the news from the Internet, possibilities for a person’s informational autonomy are objectively expanding. By and large, everyone builds their own echo chamber, which makes it extremely difficult for any information flows that are ‘alien’ to this chamber’s owner to break through. In many ways, this is why justifications and interpretations of what is happening within the framework of the SMO, produced by the government, simply do not reach the majority of the youth audience. This is confirmed by the fact that, according to our surveys, those who still watch TV (that is to say those who are easier for the state to ‘reach out to’) are noticeably more loyal to the SMO-related narratives.

In a sense, this conclusion echoes the thesis of S. Ushkin, who surveyed residents of Mordovia and demonstrated the influence of media practices common among them on attitudes towards federal and regional political institutions; in particular, he focused on the differences in assessments by so-called TV and the Internet ‘parties’ [38].

Another possible reason flows logically from the previous one – that is the nature and characteristics of the SVO coverage at the official level. An official point of views is not only presented mainly in traditional media and is thus practically not available in the space of new media that are much more in demand among young people. Besides, serious questions arise (and not only among young people, by the way) in relation to the quality, reliability, and efficiency of the information broadcast by the state on the progress of the SMO (this was especially often criticized in the first eight or nine months; by the end of 2022, according to our observations, there have been some changes for the better). Delays in information releases, extremely rare voicing of data on the losses of Russian military personnel, use of euphemisms (for example, “planned regrouping”, “relocation” or “alignment of the front line” instead of “retreat”) – to name but a few obvious problems in this area. Under such conditions, young people, who are already very skeptical about official news, in search of relevant and truthful information move even faster to social networks and instant messen-

gers, subscribing to a variety of (not always reliable and trustworthy) publics and thereby becoming practically unattainable for the media influence from the government.

Taking all the aforesaid into consideration, it can be assumed that in the future – as the SMO continues – an improvement in the attitude of young people towards it seems very unlikely. Rather, on the contrary: fatigue and psychological stress will accumulate from daily reports of tragedies, losses, and problems associated with hostilities. It is also hardly possible to radically and quickly change the format and scope of distribution of the official information about the SMO, since this is a very inertial process. Therefore, the only way in which the authorities could count on a noticeable improvement in the attitude of young people to the SMO in the short term is global (and not local) successes of Russia on the military fronts. In this case, even young people who live in their own informational cocoons would certainly begin to assess what is happening in Russia and abroad more realistically and constructively.

At the same time, our research also showed that, from a strategic point of view, a change in oppositional mood of a significant part of Russian youth is possible only as a result of systemic transformations in all spheres of public life in modern Russia and elimination of obvious dysfunctions and contradictions in the economy, social sphere, culture, education, health care, and the legal sphere, associated with corruption and social injustice, as well as with the lack of consistent focus on protecting national interests of the country.

Without solving these problems, growing attention of state structures to patriotic education of the younger generation in schools and universities will turn out to be a limited measure, unable, given the easy access to various sources of information, to change the dominance of critical attitude of young people to the existing political and economic structure of the Russian state and main directions of its home and foreign policies.

References

1. *Spetsial'naya voennaya operatsiya: 10 mesyatsev spustya* (Special Military Operation: Six Months Later). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cpecialnaja-voennaja-operacija-polgoda-spustja> (accessed May 20, 2023) (in Russian).
2. *Desyat' mesyatsev SVO: otsenka rezul'tatov* (Ten Months of Special Military Operation: Evaluation of Results). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/desjat-mesjacev-svo-ocenka-rezultatov> (accessed May 20, 2023) (in Russian).
3. *Ukraina. Opros 20 marta* (Ukraine. Poll of March, 20). Available at: <https://fom.ru/Politika/14706> (accessed May 20, 2023) (in Russian).
4. *Konflikt s Ukrainoy. Otsenki apreliya 2023 g.* (Conflict with Ukraine: April 2023 Assessments). Available at: <https://www.levada.ru/2023/04/27/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-aprelya-2023-goda/> (accessed May 20, 2023) (in Russian).
5. Seidov Sh. G., Najdenova L. I., Rozenberg N. V. Political values and moods of modern youth. *University Proceedings Volga Region. Social Sciences*, 2021, no. 4 (60), pp. 38–46 (in Russian).
6. Skipin N. S. Political Values and Today's Russian Youth: A Moral and Ethical Context. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 36, pp. 76–82 (in Russian). <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.36>
7. Kazakov A., Vilkov A., Shestov N. Youth media consumption and its impact on perception of politics (regional case). *International Journal of Media and Information Literacy*, 2022, vol. 7, iss. 1, pp. 145–156. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2022.1.145>
8. Matveeva E. V. Political values as a means of forming the civic position of Russian youth (based on materials of regional studies). *Asian Studies: History and Modernity*, 2022, no. 1, pp. 142–153 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-1-142-153>
9. Gavriljuk V. V., Gavriljuk T. V. Class identity of the working-class youth in contemporary Russia. *RUDN Journal of Sociology*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 839–854 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-839-854>
10. Khan M. H., Akhtar S., Hassan A. Countering the Hate Speech: An Analysis of Muslim Countries Response to Macron's Speech Against Muslims After the Charlie Hebdo Incident. *International Journal of Media and Information Literacy*, 2022, vol. 7, iss. 2, pp. 473–486. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2022.2.473>
11. Brodovskaja E. V., Huang T. Digital generation: Civil mobilization and political protest among russian youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 5, pp. 3–18 (in Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
12. Shentyakova A. V., Grishin N. V. The Mobilization of Youth Political Protest and Russian Video Bloggers: Cognitive Mapping Results. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021, no. 2, pp. 88–109 (in Russian).
13. Trynov D. V., Didkovskaya Ya. V. New Protest Youth: Self-Identification, Social Well-Being and Future Image. *Tempus et Memoria*, 2019, vol. 14, no. 3 (191), pp. 118–127 (in Russian). EDN: QVMCEA
14. Vasilieva E. I., Zerchaninova T. E. The Motives and Value Dominants of Protests in Assessments of Leaders of Protest Actions and Youth. *Vlast' [The Authority]*, 2022, vol. 30, no. 1, pp. 32–41 (in Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8768>
15. Dudina O. M., Alekseev M. O. The Image of the Future and Life Strategies of Modern Student Youth. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 2019, no. 10, pp. 8–14 (in Russian). EDN: MRMSWV

16. Komarovskij V. S., Savenkov R. V. Political agenda and Image of the future in the election documents of political parties for the elections of deputies of the State Duma in 2021. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 21–36 (in Russian). <https://doi.org/10.31429/26190567-22-2-21-36>
17. Davletshina M. Media practices of modern primary school-aged children. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 2021, no. 5, pp. 3–26 (in Russian). <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.326>
18. Frolova T., Obrazcova A. School children's media literacy as seen by teachers and parents: Results of a research. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 2017, no. 4, pp. 58–77 (in Russian). EDN: ZDBBXB
19. Vyugina D. The Internet in everyday media consumption of Russian digital generation. *Mediascope*, 2018, iss. 3. Available at: <http://www.mediascope.ru/2475> (accessed January 20, 2023) (in Russian). <https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2018.11>
20. Zhizhina M. Blogger in Youth's and Adults' Social Perceptions. *International Journal of Media and Information Literacy*, 2019, vol. 4, iss. 2, pp. 77–82. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2019.2.77>
21. Polujehtova I. Dynamics of motivational frame of Russians' TV consumption. *Mediascope*, 2018, iss. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/2508> (accessed March 5, 2023) (in Russian). <https://doi.org/10.30547/mediascope.4.2018.8>
22. Shchepilova G. Audience needs for the Internet and traditional media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 2014, no. 5, pp. 46–54 (in Russian). EDN: TCECPR
23. Dunas D., Vartanov S., Kulchitskaya D., Salikhova E., Tolokonnikova A. Motivation factors in media consumption of "digital youth" in Russia: Results of a pilot study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 2020, no. 2, pp. 3–27 (in Russian). <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2020.327>
24. Cherevko T. S., Dunas D. V., Tolokonnikova A. V. News in the networked era: An analysis of students' news consumption. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistsika*. 2018, no. 1, pp. 3–25 (in Russian). EDN: YSEOER
25. Soldatova G., Rasskazova E., Nestik T. *Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Russia's digital generation: Competence and security]. Moscow, Smysl, 2017. 378 p. (in Russian).
26. Sundar S., Limperos A. Uses and grats 2.0: New gratifications for new media. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2013, vol. 57, iss. 4, pp. 504–525. <https://doi.org/10.1080/08838151.2013.845827>
27. Ahmad T., Alvi A., Ittefaq M. The use of social media on political participation among university students: An analysis of survey results from rural Pakistan. *Sage Open*, 2019, vol. 9, iss. 3, pp. 1–9. <https://doi.org/10.1177/2158244019864484>
28. Bykov I. Martyanov D. Studying political communities in VK.com with network analysis. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 64–78. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.144>
29. Farahat A., Muhammad A., Muhammad F. Social Media Use and Political Polarization: The Mediating Role of Political Engagement and Political Loyalty. *International Journal of Media and Information Literacy*. 2021, vol. 6, iss. 1, pp. 34–45. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2021.1.34>
30. Urman A. Context matters: Political polarization on Twitter from a comparative perspective. *Media, Culture & Society*, 2020, vol. 42, iss. 6, pp. 857–879. <https://doi.org/10.1177/0163443719876541>
31. Song H., Gil de Zúñiga H., Boomgaarden H. G. Social media news use and political cynicism: Differential pathways through "news finds me" perception. *Mass Communication and Society*, 2020, vol. 23, iss. 1, pp. 47–70. <https://doi.org/10.1080/15205436.2019.1651867>
32. van Erkel P. F., Van Aelst P. Why don't we learn from social media? Studying effects of and mechanisms behind social media news use on general surveillance political knowledge. *Political Communication*, 2020, vol. 38, iss. 2, pp. 1–19. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1784328>
33. Fedorov A., Levitskaya A. Theoretical Model and Technology of Anti-Russian Propaganda in Internet Communications of Modern Ukraine within the Framework of Various Student Groups' Media Literacy Education. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 2021, vol. 17, iss. 3, pp. 443–451. <https://doi.org/10.13187/me.2021.3.443>
34. Korochensky A., Srybnyy D., Tyazhlov Y. Civil Media Criticism and Political Processes in Mediatized Society. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 2019, vol. 59, iss. 3, pp. 393–399. <https://doi.org/10.13187/me.2019.3.393>
35. Bykov I., Medvedeva M. Importance of Media Literacy for Political Communication in Russia: A Case of Student Community. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 2022, vol. 18, iss. 1, pp. 24–35. <https://doi.org/10.13187/me.2022.1.24>
36. Djumanova S. Media Consumption and Media Literacy Level of Uzbek Youth. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 2022, vol. 18, iss. 2, pp. 157–168. <https://doi.org/10.13187/me.2022.2.157>
37. Frolova E., Rogach O., Tyurikov A. Student's Media Competence: New Opportunities to Counteract Information Manipulations in Network Interactions. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 2022, vol. 18, iss. 3, pp. 380–389. <https://doi.org/10.13187/me.2022.3.380>
38. Ushkin S. G. TV versus Internet: How media consumption affects the approval of the authorities. *RUDN Journal of Sociology*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 855–867 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-855-867>

Поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 15.05.2023

Научная статья

УДК 316.75

Теоретико-методологические основания изучения современных антиутопий: политические идеологии как социальные альтернативы в художественной литературе

И. И. Кузнецов^{1,2}✉, М. М. Вантеевский²

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

²Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, ¹профессор кафедры истории и теории политики; ²ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Вантеевский Макар Михайлович, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, mvanteevsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-7921>

Аннотация. Предлагается анализ современной антиутопии как пространства репрезентации и конструирования политической идеологии. Под современной антиутопией в работе понимается направление творческой мысли, которое является культурным примером осмысления идейно-ценностных основ современности, исторического сознания общества и граждан, а также возможных сценариев дальнейшего развития в будущем и целеполагания. Акцентируется внимание на том, что современная антиутопия обладает рядом собственных признаков и отличительных черт, а также может быть реализована в форме «дистопии» или «гетеротопии». В данном исследовании сформирована классификация писателей-антиутопистов по поколенческому признаку («позднесоветские» – «перестроечные» писатели 2000–2010-х гг.), а также по идеологической принадлежности («левые славянофилы» и «правые западники»). Также предлагается исследовать произведения писателей и их продолжение в виде экранизации и общественно-политического дискурса с помощью трех уровней анализа: макроуровень (анклавно-конгломеративная теория А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова, теория игры Й. Хейзинги, постмодернизм); мезоуровень (критический дискурс-анализ, контент-анализ); микроуровень (семиотический анализ). В результате формируется три версии художественного произведения: замысел автора; интерпретация читателя; образы, идеи и символы произведения, ставшие элементом массовой культуры, которые сформировались в результате усреднения идей, ценностей и смыслов, поддержанных большинством и ушедших в народ. Таким образом, с помощью сформированной классификации писателей, понимания современной антиутопии и представленных научных методов предлагается анализировать этот феномен в контексте формирования и репрезентации политической идеологии.

Ключевые слова: современная антиутопия, утопия, гетеротопия, дистопия, политическая идеология, семиотика, критический дискурс-анализ, теория игры, постмодернизм

Для цитирования: Кузнецов И. И., Вантеевский М. М. Теоретико-методологические основания изучения современных антиутопий: политические идеологии как социальные альтернативы в художественной литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 325–333. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-325-333>, EDN: HMRZDH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theoretical and methodological bases for the study of modern anti-utopias: Political ideologies as social alternatives in art literature

I. I. Kuznetsov^{1,2}✉, M. M. Vanteevsky²

¹Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

²Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), 51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow 117418, Russia

Igor I. Kuznetsov, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Makar M. Vanteevsky, mvanteevsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-7921>

Abstract. The article presents an approach to the analysis of modern dystopia as a space for the representation and construction of political ideology. The modern dystopia is understood in the work as a direction of creative thought, which is a cultural example of understanding the

ideological and value foundations of modernity, the historical consciousness of society and citizens, as well as possible scenarios for further development and goal setting in the future. Attention is focused on the fact that modern dystopia has a number of its own features and distinctive features, and can also be implemented in the form of "dystopia" or "heterotopia". In this study, a classification of dystopian writers is formed according to generational characteristics ("late Soviet" – "perestroika" writers of the 2000s and 2010s), as well as according to ideological affiliation ("left Slavophiles" and "right Westerners"). It is also proposed to study the works of writers and their continuation in the form of film adaptation and socio-political discourse using three levels of analysis: the macro level (enclave-conglomerative theory by A. D. Bogaturov and A. V. Vinogradov, game theory by J. Huizinga, postmodernism); mesolevel (critical discourse analysis, content analysis); micro level (semiotic analysis). As a result, three versions of a work of art are formed.: the author's intention; interpretation of the reader; images, ideas and symbols of the work, which have become an element of mass culture, which have been formed as a result of averaging ideas, values and meanings, supported by the majority and become popular. Thus, with the help of the formed classification of writers, understanding of modern dystopia and the presented scientific methods, it is proposed to analyze this phenomenon in the context of the formation and representation of political ideology.

Keywords: modern dystopia, utopia, heterotopia, dystopia, political ideology, semiotics, critical discourse analysis, game theory, postmodernism

For citation: Kuznetsov I. I., Vanteevsky M. M. Theoretical and methodological bases for the study of modern anti-utopias: Political ideologies as social alternatives in art literature. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 325–333 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-325-333>, EDN: HMRZDH

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современном мире чтение остается одной из форм коммуникации, восприятия информации, образов, символов и идей, однако, по сравнению с бумом книжной культуры XX в. в нашей стране, сегодня человек в большей степени склоняется к потреблению информации в аудиовизуальном формате (фильмы, музыка, видеоигры и др.). Благодаря цифровизации общества и появлению электронных носителей, цифровых платформ рынок массовой культуры сегодня наполнен контентом на любой вкус и возраст, для каждой социальной группы найдется свой материал, формат для инфо-потребления: слушать музыку, смотреть клипы, фильмы, играть в видеоигры, читать теперь можно в любой точке Земли и почти на каждом носителе, который имеет доступ к Сети. Также процессы цифровизации коснулись и культуры чтения: как показывают недавние результаты исследования Mediascope, «около 43% населения России в возрасте 12–64 лет читают книги онлайн, а треть – слушает аудиокниги» [1].

Существует предположение о том, что источником основных политических образов и идей до сих пор остается текст и его художественное воплощение, а именно жанр антиутопии как центр современного социального процесса в литературе. Отсутствие жестких рамок и полная свобода творчества позволяют писателям все чаще обращаться к антиутопии как к инструменту описания современности и конструирования разных версий прошлого и будущего. Более того, современные антиутопии являются примером знаковых систем, формирующих образы и смыслы, которые затем активно используются в массовой культуре, влияют на носителей идеологии: политиков, журналистов, писателей, лидеров общественного мнения и др. Таким образом, в данной статье

представлена авторская методология изучения современных художественных произведений и подходы к анализу репрезентации идеологии. Кроме того, авторы выдвигают собственное понимание феномена современной антиутопии как социально-политического явления.

Для изучения современной антиутопии, политической идеологии и дискурса, анализа ценностей, знаковых систем и образов, мифов и архетипов в них требуется достаточно широкий научный инструментарий для комплексного описания того или иного явления. В контексте данного исследования представляется перспективным использовать следующие основные подходы: 1) анклавно-конгломеративную теорию А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова [2]; 2) семиотический подход; 3) постмодернистский подход; 4) теорию игры Й. Хёйзинги [3]).

В *анклавно-конгломеративной теории* А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова отечественная массовая культура может быть представлена как сложный, многосоставной организм, в котором каждая из его частей жизненно необходима для всего целого. Позиция отечественных исследователей основана на предположении, что есть общества, в которых развитие происходит через унификацию, т.е. через усреднение (не важен цвет кожи, не важна религиозная идентичность, а приоритет имеет потребительское и гражданское начало: происходит сокращение фактора инаковости, сведение его к средней величине). Но есть и другие общества, которые предполагают многостороннее развитие, исключаящее единый универсальный образ, служащий примером для всех остальных. В таких обществах разные национальности, культуры могут уживаться друг с другом и успешно развиваться, при этом сохраняются традиции и исторические институты. Такое движение к

совместному развитию не подавляется, а наоборот – является ключевым элементом данного социального образования.

«Равноположенное развитие», описанное А. Д. Богатуровым и А. В. Виноградовым, предполагает не только линейное ускорение прогресса или распространение нормы потребления для всех, но и позволяет сохранить нажитые за многие века элементы собственной культуры, языка, традиций, политического устройства. Это берегающее развитие дает возможность сохранить привычные формы идентичности (земельные, клановые, родственные, земляческие), которые воспроизводятся и не тормозят прогресс и модернизацию. Таким образом, такое общество является примером того, что для развития и эволюции не обязательно отказываться от культурных и исторических основ, перечеркивать историю нации, этноса, племени, а возможно совмещать отвергаемые теоретиками «вестернизации» прогресс и традицию.

Для изучения современной массовой культуры, а именно в контексте современных антиутопий, такой подход позволяет по-другому посмотреть на творчество отечественных писателей. Например, негативный образ России будущего в произведениях Владимира Сорокина («День опричника», «Сахарный Кремль»), описанный через призму эпохи Ивана Грозного и опричного правления, приобретает другой смысл: государство, царь и его опричники – это не застой и стагнация российского общества, а единственный выход из сложившегося политического и исторического контекста, который, более того, имеет определенные культурные основания, заложенные в российской государственности. Для Ивана Грозного введение опричнины, формирование идеологии «Москва – Третий Рим» было связано с необходимостью поиска новых путей развития в меняющемся мире и в российском государстве. С одной стороны, в Европе в XVI в. благодаря Реформации начинают зарождаться новые религиозные движения (протестантизм, кальвинизм и др.), которые ставят под удар средневековые феодальные традиции, а с другой стороны, после присоединения к Московскому княжеству Новгорода и Твери (а затем Казани и Астрахани) появляется новое территориальное образование с сильной централизованной структурой, нуждающейся в новой системе управления.

Таким образом, в историческом контексте реформы Ивана IV являются естественной реакцией на внешние и внутренние угрозы. Их историческая оценка не может быть исключи-

тельно негативной (к тому же некоторые нововведения, например разделение на опричнину и земщину, были свернуты самим государем). Тем не менее, в глобальном историческом масштабе события XVI в. могут оцениваться как процесс становления централизованного государства. Следовательно, в произведениях В. Сорокина представлена творческая интерпретация судьбы государства в переломные моменты мировой истории, не связанная только с категориями «стагнация»/«прогресс» общества. Скорее, в них ставятся вопросы приемлемости модели социальных изменений, имеющей некоторые культурные и политические основания.

Семиотический подход давно разрабатывался как зарубежными исследователями (Ч. С. Пирс [4], Ф. Де Соссюр [5], Ч. У. Моррис [6] и др.), так и отечественными (тартуско-московская семиотическая школа во главе с Ю. М. Лотманом [7–12], М. М. Бахтин [13] и др.). Сама семиотика является наукой о знаках: исследование функционирования знаковых систем и их влияния на социально-культурные процессы. Более того, семиотика – это также «средство исследования миров разной модальности: миров возможных и невозможных, миров желаемого и должного, миров, в которые мы верим, миров, которые вызывают у нас восхищение, ужас или стыд» [14, с. 12]. Таким образом, семиотика активно применяется в общественных и гуманитарных науках, так как с помощью ее инструментария можно анализировать дискурсы, исследовать образы и символы.

Базовыми концепциями в семиотике являются две модели знаков: диадическая (означающее – означаемое) [5] и триадическая (форма – смысл – значение) [4]. При этом сам знак понимается «как материальный объект, которому при определенных условиях соответствует некое “значение”, могущее быть чем угодно – реальной или вымышленной вещью, явлением, процессом, фантастическим или сказочным существом, абстрактным понятием» [15, с. 50]. Знаки и знаковые системы анализируются сквозь призму трех разделов семиотики: 1) синтактика (синтаксис знаковой системы – отношения знаков между собой); 2) семантика (отношения между знаком и означающим его объектом, игра образами); 3) прагматика (использование, понимание знаков и их отношение к интерпретаторам). Таким образом, несмотря на то что семантика не может существовать без определенного контекста, в нашем исследовании особую роль будут играть прагматика и контекстуальность: значимым является то, что

собой представляет дальнейшая интерпретация образов, ценностей и идей (знаков), представленных в художественном произведении.

Семиотический подход позволяет провести сравнение творчества двух противоположных представителей эпохи, расходящихся во взглядах как на прошлое нашей страны, так и на современность: Владимира Сорокина и Александра Проханова. Обращение к историческому материалу у них весьма различно. Центральная категория творчества – государство. У Проханова это образ сильного централизованного государства (империя), символ верно выбранного/предопределенного пути развития, который всегда был свойственен российской цивилизации. У Сорокина образ сильного государства представлен как тупиковый путь развития, который может привести только к стагнации общества во всех сферах. Такой вывод читатель делает в результате освоения семантического поля, наполненного соответствующими образами, где знаки формируют отношение к государственным институтам и политическим лидерам («герои», «титаны», «солдаты империи» и «опричники/кромешники», «сатрапы» и «тираны»). Таким образом, авторы, используя художественные приемы, погружают читателей в созданный мир, тем самым давая представить и, возможно, почувствовать миссию государства.

Не менее важным является восприятие читателем тех образов, которые заключил в художественную оболочку сам автор, т.е. как читатель декодирует заложенный смысл и какая репрезентируется картина произведения. Нередко возникает ситуация, когда заложенный автором смысл произведения отличается от нового знания, которое вырабатывает читатель. Так, например, отечественный писатель Алексей Иванов является автором многих исторических романов, которые сегодня активно экранизируются (в 2022 г. в кинопрокате демонстрировался фильм, снятый по книге А. Иванова «Сердце Пармы»), однако во многих экранизациях он отказался от соавторства (например, в кинофильме «Тобол» вышедшим в прокат в 2019 г.) [16], так как считает, что сценаристом и режиссером фильма неправильно интерпретирован основной замысел книги. Тем не менее, фильм вышел в прокат с одноименным названием и стал уже заметным явлением массовой культуры. Однако существуют и примеры, когда формируется коллаборация, состоящая из писателя и кинорежиссера, – фильм «Царь», в котором сценаристом выступили Алексей Иванов и Павел Лунгин. Несмотря на то, что в даль-

нейшем Иванов написал собственный роман «Летоисчисление от Иоана», созданный на основе сценария и в котором полнее раскрывается позиция писателя, тем не менее, фильм – интересная (хотя и небесспорная!) художественная попытка реконструировать эпоху и правление Ивана Грозного.

Современные антиутопии можно также анализировать с помощью *теории игры* Йохана Хейзинги и предложенного им концепта «человека играющего». Основной посыл здесь в том, что культура сформировалась в процессе игры и до сих пор развивается по таким же законам. Голландский философ делает вывод, что любая культура должна содержать в себе два компонента – свободу действия и наличие каких-либо идейных рамок, должна подчиняться правилам [3]. Вообще Хейзинга придает игре универсальное значение в истории развития человечества, однако отмечает, что именно культура в виде образов, мифов, ценностей и смыслов рождается из игры и имеет игровую основу. Писатели не только конструируют и формируют игровые идейно-ценностные концепты, но и включаются в процесс коммуникации с помощью скрытых транзакций и выбранных ролей [17, 18]. Таким образом, любая культура может содержать в себе, с одной стороны, элемент свободы, который позволяет ей развиваться, обновляться и актуализировать смысловое начало, а с другой стороны, необходимо наличие определенных рамок, правил, которые сохраняют традиционное начало и формируют игровое сообщество. Если исходить из этого подхода, то современная антиутопия является своеобразной игрой автора с реальностью, контекстом и обстоятельствами. Но при этом автор заново создает рамки произведения, задает вектор осмысления проблемы, а также предоставляет свободу читателю интерпретировать выдвинутые им идеи и генерировать новые смыслы.

Последний из представленных методов – *постмодернизм* – дает понимание современного общества как массового общества, в котором социальная структура делится на элиту и большинство: элита создает определенные идеи, смыслы и ценности, встраивает их в массовую культуру, а большинство не стремится критически осмыслить и пассивно соглашается с установленной позицией. Такую примитивную и легко усваиваемую информацию, поступающую в общество в виде образов, Ж. Бодрийяр называл «симулякрами» [19]. По мнению французского философа, сегодня мы живем «обществе потребления» [20], которое поддерживает

идеология, т. е. совокупность символов и образов. В результате потребности и мышление у индивидов становятся максимально стандартизированные, упрощается целеполагание человека, появляются иллюзия свободы и возможности выбора. Формирование такого социума связано с тем, что идеология потеряла связь с реальностью и превратилась в «метанарратив» [21], т. е. в тип дискурса, картины мира или мировоззрения, которое все объясняет. Такой метанарратив выполняет также функцию легитимации нынешнего социально-политического порядка, а значит, существует в любом человеческом обществе. В таком обществе художественное произведение начинает жить по новым законам и правилам, выполняет новые социально-политические функции, а также заставляет по-новому взглянуть как на само произведение, так и на позиции автора и читателя [22].

Отечественные исследователи акцентируют внимание на актуальной сущности постмодернизма и предлагают рассматривать его как критический подход анализа артефактов массовой культуры [23], а также отмечают глубокую традицию развития массовой культуры в России и ее влияние на русский постмодерн [24] и выявляют роль художественного творчества в постмодернизме [25]. Таким образом, благодаря использованию теории игры и подхода постмодернизма в исследовании появляется возможность рассматривать антиутопию как свободное пространство смелых образов и форм и, выходя за общепринятые рамки и шаблоны, осмыслять будущее, настоящее и прошлое, смотреть, как будут развиваться события в созданных условиях и к каким последствиям они приведут. Однако антиутопия также тесно связана с актуальными тенденциями в мире, поэтому художественное произведение может рассматриваться как элемент постсовременного дискурса с его отличительными чертами, которые оказывают влияние как на авторов произведений, так и на читателей и их интерпретацию смыслов, идей и ценностей.

Традиционно антиутопия представляет собой попытку отказаться от поиска лучшего, от социально-политического идеала «иронически или отдельно переосмысливающим ценностные ориентации литературной утопии» [26, с. 250]. Негативная утопия часто представляет собой критику подхода, описывающего построение небывалой, фантастической страны, идеи идеального государства, которая до сих пор никогда и никем не была реализована. Однако современная антиутопия как жанр литературы,

включающий в себя произведения последней четверти XX в. и до нашего времени, представляет собой интересное и неоднозначное явление. С одной стороны, книги таких писателей, как Владимир Войнович («Москва 2042»), Василий Аксенов («Остров Крым»), являются продолжением антиутопической традиции XX в., а с другой стороны, несмотря на то что современные критики определяют произведения Владимира Сорокина (дилогия «День опричника» и «Сахарный Кремль»), Алексея Иванова («Пищевлок»), Дмитрия Глуховского (трилогия – «Метро 2033», «Метро 2034», «Метро 2035», две части аудио-романа «Пост» и «Пост. Спасти и сохранить») как негативную утопию, они сильно отличаются от произведений классиков этого жанра – Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли, Евгения Замятина, Аркадия и Бориса Стругацких и др.

Более того, в исследовательском поле выделяются новые поджанры этого направления, которые призваны классифицировать новые явления в литературе. Таким, например, является понятие «дистопия», которое связано с реальными событиями и даже экстраполирует современные тенденции и общественные явления в будущем (Сергей Доренко «2008»; Ольга Славникова «2017»), однако выполняет функцию критики современного общества, близка к реалистической сатире. Время в дистопии носит относительный характер: автор может создавать свой социальный мир как в прошлом, так и в настоящем и будущем. Дистопия похожа на феномен, который был подробно описан французским философом Мишелем Фуко [27], – гетеротопия. По сути, гетеротопия является попыткой внутри определенного пространства создать дополнительные метавселенные, которые, с одной стороны, будут связаны между собой, а с другой стороны, эти внутренние миры создают новые качества и отличаются от друг друга. Если в дистопии будет (в большинстве случаев) использовано одно время, в котором развивается действие произведения, то гетеротопия может вмещать в себя три времени – настоящее, прошедшее и будущее (иногда и предпрошедшее – «попаданцы»).

Таким образом, вопрос о жанровой принадлежности современных антиутопических произведений остается неясен до сих пор. В то же время в политологическом исследовании может быть предложен следующий ракурс. Во-первых, антиутопия представляет собой критику идеального, утопической идеи улучшения современности или реакцию на нереализован-

ную утопию или на доминирующую идеологию в обществе (Александр Проханов «Последний солдат империи», Сергей Шаргунов «1993» – реакция на либерально-капиталистическую утопию 90-х гг.). Во-вторых, современные писатели в своих произведениях могут использовать и дистопию, и гетеротопию, поэтому для таких текстов возможна игра со временем (действие не обязательно должно быть в будущем, а может описывать современность). Более того, в произведении могут одновременно существовать несколько временных промежутков и эпох. Также современная антиутопия может создавать дистопический образ мира: выявлять общественные настроения, критически подходить к современным тенденциям развития. В результате одним из предметов нашего исследования является антиутопия не как литературный жанр, а как направление творческой мысли, которое является культурным примером осмысления идейно-ценностных основ современности, исторического сознания общества и граждан, а также возможных сценариев дальнейшего развития и целеполагания в будущем.

Стоит прояснить, что понятие современной антиутопии в данной работе не определяется временным промежутком, а рассматривается как идейно-ценностное направление развития отечественной социально-политической мысли. Этот период касается, прежде всего, перестройки позднесоветского государства, а также построения на его «руинах» новой политической системы – современной России. Таким образом, писателей-антиутопистов можно классифицировать относительно двух измерений: поколенческого и идеологического. С точки зрения первого подхода можно выделить: 1) позднесоветских писателей (Владимир Войнович, Василий Аксенов), которые в своих работах акцентировали внимание на советском политическом строе и на альтернативных путях развития СССР; 2) писателей-свидетелей развала Советского Союза (Александр Проханов, Эдуард Лимонов), центральной темой в работах которых были события в нашей стране в 1990-х гг. и последствия изменения курса государства; 3) российские писатели 2000–2010-х гг. (Сергей Шаргунов, Михаил Елизаров, Захар Прилепин, Владимир Сорокин, Алексей Иванов, Дмитрий Глуховский, Борис Акунин), которые являются синтезом двух предшествующих поколений: с одной стороны, так же как и предшественники, анализируют опыт СССР и перестроечных реформ, а с другой – осмысливают нынешнее политическое устройство и

политический режим, его перспективы развития, угрозы и вопросы исторического наследия.

С идеологической и мировоззренческой позиции можно выделить две противоположные тенденции – «антисоветизм» и «советизм». Тема советского прошлого до сих пор остается актуальной в интеллектуальной сфере, поэтому в писательской среде представляется перспективным обозначить два идеологических лагеря: с одной стороны, это писатели, позитивно оценивающие опыт СССР и пытающиеся в своих произведениях, выступлениях в СМИ «помирить» все этапы развития государства Российского (Александр Проханов, Сергей Шаргунов, Эдуард Лимонов, Захар Прилепин, Михаил Елизаров), а с другой стороны, сформировался лагерь писателей-западников, оценивающих опыт СССР преимущественно в негативном ключе и борющихся за исключение советских практик в современной России (Владимир Войнович, Алексей Иванов, Дмитрий Глуховский, Владимир Сорокин, Борис Акунин и др.). Такое разделение носит обобщенный характер, и в некоторых случаях бывают исключения, однако, исходя из идейного содержания творчества писателя, такая классификация представляется перспективной для исследования современных антиутопий как пространства конструирования и репрезентации политических идеологий.

Таким образом, возникает вопрос относительно того, что такое идеология сегодня и какое место в ней занимает художественное творчество. Классическое определение гласит, что «идеология идейно обосновывает цели и характер принуждения, которое применяется для достижения тех или иных групповых целей» [28, с. 95]. Политическая идеология представляет собой совокупность концепций, доктрин, выступающих как публичный ориентир для государства, общества и обычных граждан: может создавать идейно-теоретические рамки или осуществлять культурное господство. Утопия может выступать основой политической идеологии, однако это не синонимичные понятия, так как идеология – упрощенная и интерпретированная версия утопии, которая гораздо сложнее и объемнее. Антиутопия в данном контексте, во-первых, будет выступать как критика существующей утопии и идеологии, во-вторых, предлагает альтернативный взгляд на существующие тенденции в обществе, на историческое прошлое и переосмысливает цели в будущем. Тем не менее, поскольку антиутопия не является антиидеологией, то ее содержательные моменты также представляют собой

сложное творческое явление, которое может содержать как аналитические наблюдения писателя, так и элементы дискурса, политической повестки.

Историю изучения идеологии можно разделить на три этапа: 1) классические исследования (XIX–XX вв.); 2) деидеологизация (1960-е гг. XX в.); 3) реидеологизация (1970-е гг. – XXI в.). Классические политические теории XIX и XX вв. исходили из того, что идеология – это совокупность идей, убеждений и представлений, которые формируются и насаждаются правящим режимом, служат инструментом управления массами. К. Маркс и Ф. Энгельс определили идеологию как «ложное сознание», и именно этот классовый концепт послужил отправной точкой для дальнейшего развития изучения идеологии. Так, например, К. Мангейм, А. Грамши, В. И. Ленин, Л. Альтюссер опирались на марксистский тезис и видели цель идеологии в стабилизации общественного развития путем формирования идейного содержания политики и контролирования общественных идеалов, выраженных в художественных формах. Во время классического периода изучения идеологии ее функция сводилась к «сохранению и постоянному репродуцированию существующего образа жизни», а также к «обеспечению единства общества» [29, с. 78]. Любая идеология может присутствовать в процессах социализации человека: формировать определенные идеалы, задавать смыслы существования и демонстрировать логику общественного развития. Более того, нередко исследователи на ранних этапах изучали идеологию как совокупность определенных догматических установок, ценностей и норм, которые по своему функциональному значению и отношению к ним индивида не сильно отличались от религиозных учений.

В середине и конце XX в. стали появляться работы, которые ознаменовали новый этап в исследовании идеологии и гласили о «конце идеологии» (Р. Арон, Д. Белл, Х. Арендт, С. Липсет, Ф. Фукуяма). По мнению исследователей, необходимость в идеологии со стороны общества и государства должна планомерно снижаться, а на смену идеологии придет научное знание, которое позволит разрешить большинство социальных и политических проблем. Более ранние исследования апеллировали к проблеме унифицирования идей и концептов, поздние – ссылались на тотальную победу либерализма и установление однополярного миропорядка, который закреплял статус западных цивилизаций в качестве идеологического победителя. Одна-

ко спустя несколько десятилетий этот вывод не кажется таким однозначным, более того – некоторые представители данного направления, такие как Д. Белл и Р. Арон, признали ошибочность своих суждений и поддержали концепцию «реидеологизации».

Представители направления «реидеологизации» (Я. Барион, О. Лемберг, У. Матц) продвигали идею о том, что идеология не исчезла, а приобрела новое влияние. Они считали, что идеология не может отмереть, так как ей принадлежит ряд основообразующих функций: социализация и самоидентификация индивидов. Таким образом, можно утверждать, что на современном этапе развития исследователи, с одной стороны, стараются отходить от «надстроечного» понимания идеологии как совокупности догматических ценностей, которые позволяют человеку ответить на все вопросы мироздания, и анализируют идеологии с позиции ценностей, политической мифологии, архетипов, с другой же стороны, признают существование идеологии и ее переход на качественно иной уровень. В современном мире становится очевидным, что идеология «представляет собой “лицу с двусторонним движением” – верования и действия правителей формируются под влиянием давления ценностей “низов”, в то же время они имеют возможность оказывать давление в нужном для них направлении на граждан “сверху»» [30, с. 89]. Ф. Конверс, К. Гирц, Т. ван Дейк, М. Фриден, Е. Лаклау и Ш. Муффе, Ж. Сорель, Р. Барт, Т. Иглтон отталкиваются в своих исследованиях от тезиса о том, что идеология не является в полной мере системой теоретических концептов, а представляет собой совокупность идей, образов, символов в обыденном сознании.

В отечественных исследованиях идеологии за последние десятилетия наблюдаются две тенденции: 1) изучение идейно-ценностного основания современных идеологических тенденций; 2) анализ запросов общества, отдельных социальных групп и их идеология. Так, например, в рамках первой тенденции политолог А. Ю. Мельвиль рассматривает предпосылки и возможные сценарии развития нового явления в нашей стране – «неоконсерватизма» [31]. В рамках второй тенденции большое внимание уделяется идейно-ценностным основаниям среднего класса в России: например, Л. Г. Фишман, В. С. Мартыанов, Д. А. Давыдов анализируют эволюцию капитализма и роль ренты в социально-политических процессах современности [32].

На новом этапе изучения идеологии начинает выделяться культурный фактор, который

оказывает влияние как на саму идеологию, так и на степень ее актуальности, репрезентативности идейного состояния общества. Английский политический философ Майкл Фриден отмечает тот факт, что современные идеологии должны не только являться рационально концептуализированными и иметь эмоциональный отклик, но также предопределяться культурой и историей данного общества [33]. Тем не менее, можно говорить о том, что в современном мире, во-первых, идеология не вымерла и продолжает существовать, а во-вторых, изменились сами идеологические конструкты и вслед за ними методики исследования, которые, прежде всего, касаются не идеалистических соображений отдельного индивида, а связаны с идеями, образами, мифами, символами, архетипами, поддерживаемыми членами какой-то группы или большинства.

Один из современных исследователей, изучающий методы реализации политической идеологии, Т. ван Дейк в своих работах акцентирует внимание на анализе дискурсивных практик, так как именно «свойства текста и речи позволяют нам формулировать и выражать абстрактные идеологические верования самым непосредственным образом» [30, с. 84]. Голландский лингвист отмечает, что не стоит искать источник идеологии только в дискурсе, однако именно там создается смысловое поле, в котором формируются идеи, смыслы и ценности. Стоит отметить, что у Т. ван Дейка понятие дискурса касается речи и воздействия ее на сознание человека, однако в контексте нашей исследовательской работы представляется перспективным изучение дискурсивных практик, включающих в себя совокупность всех коммуникативных действий, направленных на реализацию какой-либо власти: дискурсы являются проводниками идеологических концептов, выполняют функцию легитимации идеалов, а также мотивируют определенные типы поведения. Дискурсивные практики играют большое значение в процессе формирования и редуцирования политической идеологии, более того, эти две области взаимосвязаны. Несмотря на снижение популярности художественных произведений и изменение форм культуры чтения, такие классические форматы творческой репрезентации, как утопия и антиутопия, новые направления литературы, как дистопия и гетеротопия, до сих пор являются источником политических образов, идей, которые в результате декодирования знаковых систем, заложенных авторами произведений,

становятся частью массовой культуры, политического дискурса и политической идеологии.

Таким образом, можно говорить о том, что текст и литературное произведение как часть массовой культуры являются источником образов, символов и идей, которые используют в дальнейшем читатели. Отметим, что, как правило, художественный замысел – это попытка осмысления социально-политической реальности: автор в своем произведении описывает свою позицию, свое восприятие государства, общества, определенного исторического периода в прошлом или возможных сценариев в будущем. Политическая идеология в таком случае выступает и как объект работы художника (он ее создает), и как результат, который мы в итоге получаем: одно дело как это замыслил автор, совершенно другое – как это воспринял читатель. В результате появляется три версии того, что было создано: 1) замысел автора; 2) интерпретация читателя, 3) образы, идеи и символы произведения, ставшие элементом массовой культуры, которые сформировались в результате усреднения идей, ценностей и смыслов, поддержанных большинством и ушедших в народ.

Список литературы

1. Исследование Mediascope: поиск книг в интернете // Mediascope. URL: <https://mediascope.net/news/1478588/> (дата обращения: 24.11.2022).
2. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Модель равноположенного развития: варианты сберегающего обновления // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 60–69. EDN: ESCRER
3. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Азбука, 2022. 400 с.
4. Peirce C. Philosophical writings of Peirce. New York: Dover publications, 2012. 416 p.
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
6. Morris C. W. Foundations of the theory of signs // International Encyclopedia of Unified Science. University of Chicago Press, 1938. Vol. 1, № 2. 59 p.
7. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 542 с.
8. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 478 с.
9. Пятигорский А. М. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 590 с.
10. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
11. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976. 303 с.

12. Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 605 с.
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
14. Фомин И. В., Ильин М. В. Зачем семиотика политологам? // Политическая наука. 2016. № 3. С. 12–29. EDN: XCGVJD
15. Агеев В. Н. Семиотика. М. : Весь Мир, 2002. 256 с.
16. Алексею Иванову не понравился снятый по его книге фильм «Тобол» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/kultura/6153592> (дата обращения: 30.03.2023).
17. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М. : Бомбора, 2023. 288 с.
18. Берн Э. Люди, которые играют в игры. М. : Бомбора, 2021. 496 с.
19. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
20. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика, 2006. 269 с.
21. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Ин-т экспериментальной социологии, 1998. 160 с.
22. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М. : Медиум, 1996. 240 с.
23. Марков А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна. М. : Рипол-Классик, 2022. 256 с.
24. Кондаков И. В. Русский масскульт: от барокко к постмодерну. М. ; СПб : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 544 с.
25. Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб. : Петрополис, 1999. 240 с.
26. Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы : пер. с англ., нем., фр. и др. яз. / сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 233–551.
27. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Практикс, 2006. С. 191–204. (Новая наука политики).
28. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М. : Аспект Пресс, 2003. 559 с.
29. Манхейм К. Идеология и утопия. М. : ИНИОН РАН, 1992. 245 с.
30. Алексеева Т. А. Современная политическая мысль. XX–XXI вв. Политическая теория и международные отношения. М. : Аспект Пресс, 2018. 623 с.
31. Мельвиль А. Ю. Неоконсервативный консенсус в России? // Политика: Анализ. Хроника. 2017. № 1. С. 29–45. EDN: ХТХFMD
32. Фишман Л. Г., Мартыанов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М. : Изд. дом «ВШЭ», 2019. 416 с. (Экономическая теория).
33. Taking Ideology Seriously: 21st Century Reconfigurations / ed. by G. Talshir, M. Humphrey, M. Freedan. London ; New York : Routledge, 2006. 176 p.

Поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 15.05.2023

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 334–340

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 334–340

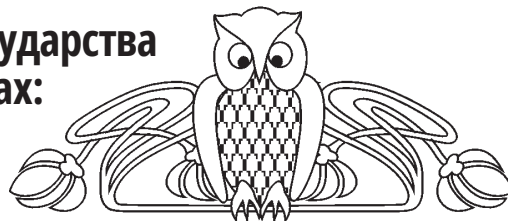
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-334-340>, EDN: XOAUZS

Научная статья

УДК 32

Политический интерес Российского государства к участию в образовательных реформах: проблема невысказанности

К. А. Афанасьева

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Афанасьева Кристина Александровна, аспирант кафедры политических наук, kr2609@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2168-6334>

Аннотация. В статье осуществлен прогноз рисков, которые связаны с планами продолжения реформ в российском образовании. Одним источником риска является отсутствие на протяжении многих лет и до настоящего времени в основополагающих документах, регулирующих процесс реформирования отечественного образования, точных формулировок тех государственных интересов, ради реализации которых реформы проводятся. Другим источником риска является противоречие между радикально-либеральными формулировками, при помощи которых в нормативных документах и публичных выступлениях руководителей образовательных реформ до российского общества доводится их цель, и тем консервативным «разворотом», который сегодня наблюдается во всей остальной российской внутренней и внешней политике. Сам главный риск заключается в том, что невысказанность государственного интереса к реформированию образовательной сферы может стать определяющей характеристикой государственной стратегии на новом, пока только планируемом этапе образовательных реформ.

Ключевые слова: политические интересы государства, реформы в образовании

Для цитирования: Афанасьева К. А. Политический интерес Российского государства к участию в образовательных реформах: проблема невысказанности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 334–340. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-334-340>, EDN: XOAUZS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political interest of the Russian state in participation in educational reforms: The problem of unspokenness

K. A. Afanasyeva

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Kristina A. Afanasyeva, kr2609@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2168-6334>

Abstract. The article provides a forecast of the risks associated with plans to continue reforms in Russian education. For many years and to these days one source of risk is the absence in the fundamental documents regulating the process of reforming domestic education, the exact formulations of those state interests for the benefit of which the reforms are being carried out. Another source of risk is the contradiction between the radical-liberal formulations, with the help of which their goal is brought to Russian society in normative documents and public speeches of the leaders of educational reforms, and the conservative “reversal” that is observed today in the rest of Russian domestic and foreign policy. The main risk itself lies in the fact that the unspoken state interest in reforming the educational sphere can become a defining characteristic of the state strategy at the new, so far only planned stage of educational reforms.

Keywords: political interests of the state, reforms in education

For citation: Afanasyeva K. A. Political interest of the Russian state in participation in educational reforms: The problem of unspokenness. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 334–340 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-334-340>, EDN: XOAUZS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Если государство берет на себя обязанность разрабатывать какие-либо реформы и определять порядок и результаты их реализации, то логично предположить, что политическая и административная элиты, управляющие им, имеют к этому свой конкретный интерес. Демократическая политика подразумевает, что элитами данный интерес должен быть доведен до как можно большего числа сограждан (родителей учащихся, самих учащихся и, главное, педагогов). Доведен так, как это позволяет сделать нынешний уровень технологий информационных коммуникаций, т. е. максимально полно, конкретно и непротиворечиво – так, чтобы граждане, которым государственный интерес близок, могли руководствоваться им в мыслях и действиях на благо российской политики. В противном же случае им будет просто трудно понять, каким именно пониманием своего блага государство руководствуется в своих реформаторских инициативах. Соответственно, принимая либо отвергая эти инициативы, граждане будут руководствоваться больше собственными домыслами, чем рациональным политическим выбором.

Вопреки этой естественной логике, все три минувших послесоветских десятилетия в нашей стране не было и нет большей «государственной тайны», чем государственный интерес к реформированию российского образования. В публичных выступлениях политиков и руководителей профильных ведомств, а также в нормативных документах интерес этот был и остается в абсолютном большинстве случаев сформулирован противоречиво. Допускает самые разные толкования, в том числе и такие, которые прямо дискредитируют образовательную политику государства как часть его внутренней политики. Не случайно, на наш взгляд, все упомянутые годы заявляет о себе тенденция, когда любое реформаторское начинание, инициированное «сверху», воспринимается в общественном сознании, в первую очередь, как предмет для критики, как нечто, что выдает намерение государства ущемить общественные интересы и поставить общественную жизнь под более жесткий, чем прежде, административный контроль.

Ситуация не совсем обычная, если учесть, что в те же годы свои интересы к преобразованиям в экономике, праве, в организации местного самоуправления и партийном строительстве руководство государства формулировало, как правило, достаточно конкретно. В настоящей статье мы не будем анализировать эту ситуацию

в динамике, от момента публикации известного «Указа № 1» Президента РФ Б. Н. Ельцина. В данном документе, заметим, был зафиксирован тот концептуальный подход к публичной презентации государством своего идеологического интереса к разработке образовательных реформ и управлению ими, который затем будет воспроизведен во всех редакциях Федерального закона «Об образовании» (вплоть до последней), в мотивационной части многочисленных в послесоветское время государственных программ и национальных стратегий по развитию образования, министерских приказах, а также в постоянно обновляющихся ФГОСах.

В настоящей статье предметом анализа будут промежуточные результаты. Иначе говоря, то состояние публичной презентуемости и понятности, в котором сегодня находится интерес государства к участию в образовательной политике. Такой анализ представляется актуальным в свете новых задач по развитию отечественной средней и высшей школы, озвученных в минувшем году Президентом РФ и профильными министрами.

Общий характер этих задач таков, что он подразумевает продолжение и даже активизацию реформ в образовательной сфере. Причем продолжение в идеологически ином, альтернативном прежнему направлении: вместо интеграции отечественного образования в «мировое образовательное пространство» должна произойти его «суверенизация». Ведь от него по необходимости будут отталкиваться разработчики новой государственной стратегии реформирования образовательной сферы.

В качестве примера возьмем такой ключевой для функционирования нынешней российской системы образования документ, как приказ Министерства просвещения России от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [1]. Он по своему предназначению должен четко сформулировать ту государственно важную задачу, которую нынешние работники средних школ должны решить и об этом решении отчитаться перед той же вышестоящей инстанцией. «Тайна» обнаруживается в первом же его пункте. Там заявлено, что российская гражданская идентичность обучающихся, какой на выходе из школы ее хотело бы видеть государство, является «составляющей их социальной идентичности».

С формальной точки зрения, все правильно: молодые люди становятся гражданами,

пройдя по ступеням социализации и став членами конкретного гражданского общества. Но как граждане они в то же время являются главным ресурсом работоспособности демократического государства. Поэтому, кроме социальной идентичности, кто-то (кто, если не школа и вуз!) должен им привить определенную государственную идентичность. Педагогами, которым данный документ адресован в первую очередь, как и рядовыми гражданами эта формулировка может быть истолкована двояко. И так, что государство полностью доверяет гражданскому обществу в части реализации своих интересов, считая его достаточно зрелым, чтобы полностью делегировать ему решение всех задач формирования политической культуры своих граждан. И иначе: как прямо высказанное намерение власти переложить на общество всю ответственность за политические последствия образовательных реформ, самой же властью инициированных.

Естественно, что гражданскому обществу нужно, чтобы его член политически мыслил, прежде всего, в категориях его, общества, интересов и понимал естественность и необходимость дистанции между ними и интересами институтов государственного управления. Но государству-то нужно другое – чтобы гражданин считал эту дистанцию не настолько существенной, чтобы она мешала ему отождествить свои жизненные интересы с интересами своего национального государства.

Какую стратегию участия государства в образовательных реформах из упомянутых двух легитимирует данная формулировка? Не первый год исполнители приказа вынуждены находить ответ на этот вопрос самостоятельно.

Подчеркнем, речь идет именно о государственном стандарте. Его, по идее, государство создает именно для того, чтобы общество было в курсе именно государственных нужд и интересов, и ими, а не своими традициями и обычаями, предположениями и интерпретациями, руководствовалось в решении тех или иных государственных задач. С точки зрения интересов государства (особенно национального, каким сегодня РФ является по своей сути) все выглядит обычно противоположным образом: социальная идентичность входит в идентичность гражданскую. Для гражданской идентичности в национальном государстве социальная идентичность является фундаментом. Она либо укрепляет эту идентичность, и тогда разные этнические группы и социальные страты соединяются в союз политических единомыш-

ленников – нацию, либо расшатывает устой гражданской жизни и создает предпосылки для развития сепаратизма.

По этой причине нормально функционирующее национальное государство прилагает максимум усилий к тому, чтобы в сознании людей их гражданская политическая идентичность доминировала над идентичностью социальной. Каким бы ни был социальный статус разных людей, государство обычно настаивает (при помощи конституционных норм в первую очередь, а также разных административных практик), чтобы в отношении с ним и даже друг с другом, когда речь идет об их участии в политических делах, они вступали как граждане, равные в своих правах и обязанностях.

Любой работник любого учебного заведения, государственного или частного, обязан сегодня руководствоваться в своей профессиональной деятельности государственными образовательными стандартами. Парадокс той ситуации, которую провоцирует рассмотренная нами формулировка, в том, что государство фактически обязывает работников российского образования в реализации реформ и в целом государственной образовательной политики считать государственный политический интерес вторичным по отношению к интересу собственному, человеческому.

Одна формулировка, таким образом, сразу определила принципиальный радикально-либеральный идеологический смысл этого документа как правовой и идеологической основы осуществления государством управленческой деятельности в сфере образования. И смысл этот, заметим, противостоит нынешнему консервативно-либеральному идеологическому вектору управленческой активности государства в других сферах культуры, а также в экономике и праве.

О том, что мы имеем дело не просто с неудачной формулировкой, можно судить на основании других целеуказаний упомянутого ФГОСа. В ряду тех многочисленных и разнообразных задач, на решение которых стандарт ориентирует педагогов, нет ни одного упоминания о национально-государственном суверенитете России, о ее особых национально-государственных интересах и о первоочередной необходимости воспитывать в подрастающем поколении граждан стремление этот суверенитет и эти интересы отстаивать. Максимум политической информации, которую читатель может извлечь из этого документа, таков: к участию в развитии российского гражданского общества

школа должна подготовить своего выпускника так, чтобы он в этом своем участии действовал «с учетом принятых в обществе правил и норм поведения» [1]. Для чего ему нужно действовать именно так, а не иначе? О необходимости сформировать у учащегося понимание, что без учета правил и норм государственной жизни построить нормальное гражданское общество нельзя, не сказано ничего.

Из документа можно узнать и многое другое, что характеризует политико-идеологический интерес государства, как его понимают составители ФГОСа. Например, узнать, что во главу своих интересов государство ставит и будет ставить «личностное развитие обучающихся». А потому гражданское и патриотическое воспитание учащихся, согласно стандарту, государство считает не областью своей совместной с обществом ответственности, а исключительно частью этого «личностного развития обучающихся», которому оно, государство, обязуется в меру сил содействовать.

Подчиненность проблем гражданского и патриотического воспитания проблемам личностного развития подчеркнута в этом документе многократно. Логично в этом смысле, что воспитанному в стенах российской школы патриоту стандарт предписывает обладать «системными знаниями» о месте Российской Федерации в мире, о ее исторической роли, территориальной целостности и вкладе в мировое научное наследие (непонятно, почему только научное? – К. А.), о ее современном состоянии [1]. Но ФГОС никак не ориентирует ни учащегося, ни педагогов по поводу того, для чего такие знания молодому человеку нужны еще, кроме его собственного личностного развития, и почему педагоги обязаны наделять учащихся этими знаниями системно.

Эти формулировки можно трактовать и так, что государство дает добро на то, чтобы молодой человек, сосредоточенный исключительно на вопросах личностного развития, мог чувствовать себя гражданином и патриотом с большим основанием, чем его сверстник, который тратит значительные силы и время для пользы других людей. А в п. 32.3 этого документа, формулирующего государственный заказ на воспитательную работу с учащимися, прямо сказано: «Рабочая программа воспитания должна быть направлена на развитие личности обучающихся ..., на организацию личностно значимой и общественно приемлемой деятельности», на основе чего и должна строиться, по замыслу авторов ФГОСа, российская гражданская иден-

тичность [1]. Опять же ни слова о необходимости как-то учитывать в воспитательной работе с будущими гражданами России какие-либо национально-государственные интересы.

Выпускник должен выйти из стен школы гражданином и патриотом, но какого именно государства, своего или чужого, это, получается, Российскому государству не принципиально. Принципиально, чтобы гражданин получился просто «активным и развитым во всех отношениях». Чтобы он позитивно относился к «ценностям и традициям своей семьи, этнической и (или) социокультурной группы, родного края», проявлял бы уважение «к ценностям других культур» [1]. Но чтобы у него не было оснований проявлять озабоченность проблемами собственного государства.

Тот же «таинственный» подход наблюдается во ФГОСах для системы высшего образования. Эти ФГОСы многочисленны ввиду множества специальностей, по которым ведется подготовка бакалавров и магистров в российских вузах. Поэтому мы ограничимся анализом ныне действующего ФГОСа по политологии [2].

Выбор такого объекта анализа мотивирован тем, что где, как не в государственном стандарте для обучения будущих профессиональных российских политологов, государственный политико-идеологический интерес должен быть сформулирован максимально четко, и эти формулировки должны отражать нынешние реалии российской внутренней и внешней политики.

Тем не менее, среди многих важных и полезных выпускнику-политологу универсальных компетенций и общепрофессиональных компетенций нет ни одной, которая бы прямо указывала на заинтересованность государства получить выгоду от вложенных в реформирование высшего образования бюджетных средств в виде выпускников-политологов, готовых работать на реализацию во внутренней и внешней политике России российских же национально-государственных интересов. Так же выглядит и состояние универсальных и общепрофессиональных компетенций во ФГОСе для подготовки политологов более высокой квалификации в магистратуре [3].

В том и другом случаях государственный интерес представлен как интерес к стимулированию личностного роста студента, приобретения им необходимых лично ему (отчасти еще и той корпоративной среде, в которой он дальше будет работать) профессиональных и просто человеческих компетенций, стимулирования

его способностей к личному выбору и конкуренции с подобными ему индивидуалистически настроенными сверстниками. Иначе говоря, государственный интерес к управлению системой высшего образования и к получению от нее практической политической пользы в виде контингента хорошо подготовленных и государственно мыслящих политических экспертов, аналитиков и организаторов в этих документах представлен как интерес радикально-либеральный. Он подразумевает, что в системе высшего образования государство обслуживает интересы «лично растущего» гражданина, но заведомо не ожидает от него, именно как гражданина, какой-либо отдачи, какого-либо участия в отстаивании своего суверенитета и других национально-государственных интересов.

Можно было бы увидеть в такой направленности формулировок ФГОСов техническую недоработку сотрудников соответствующих министерств. Но дело в том, что тенденция к презентации государственного интереса к управлению реформами образования как интереса радикально-либерального до сих пор обнаруживает себя и в публичном пространстве информационных коммуникаций. О ней можно судить, в частности, по выступлениям публичных лиц, позиционирующих себя в качестве проводников российских государственных политических (и не только политических) интересов в образовательных реформах. Например, на Гайдаровском форуме 2021 г. Герман Греф, постоянно выступающий в роли эксперта и лидера общественного мнения, который оценивает результаты предшествующего этапа реформ и проектирует новые реформы, привел типичный для российского радикального либерала аргумент в пользу того, что советскую школу требовалось разрушить, а процесс создания новой школы и ее реформирования не должен прекращаться никогда [4]. Советская система образования, по его мнению, решала одну политическую задачу – «ликвидацию безграмотности» населения советской страны. По утверждению Г. Грефа, она не давала учащимся ничего, кроме типовых знаний. Любопытно, что такая оценка пользы, приносимой обществу и государству советской школой, прозвучала из уст человека сегодня, безусловно, успешного и влиятельного, но который, по его собственному признанию, учился в школе без интереса, плохо, был не дисциплинирован и даже едва не был исключен из школы за неуспеваемость и плохое поведение.

На современном этапе развития Российского государства и общества эта задача «ликвидировать безграмотность», по его мнению, полностью решена [5]. Следует заметить в связи с этой оценкой, что задача ликвидации «безграмотности» была решена советской школой задолго до начала Великой Отечественной войны, а все послевоенные годы и вплоть до начала 90-х гг. прошлого века советская школа ликвидировала «неграмотность» молодого поколения граждан. Иначе говоря, она не ограничивалась сообщением первичных знаний, а обеспечивала выпускников постоянным приростом этих знаний и способностью добывать их самостоятельно и соединять с практикой, формулировать свою точку зрения (школьные литературные сочинения помогали этому лучше нынешних тестов) и отстаивать ее в дискуссиях. Именно эти задачи, прежде успешно решавшиеся советской школой, Г. Греф определил в своем публичном выступлении в качестве задач для школы будущего, чем вызвал довольно бурную негативную реакцию у многих работников образования [6].

Критики главы Сбербанка не обратили внимание на то, что главный его аргумент в пользу реформы школы был связан с необходимостью изменить не столько содержание и методику школьного образования, сколько его идеологический смысл. Это следует из общего направления его выступления. Школа должна соответствовать требованиям современного мира. Современный мир основан на конкуренции, а в ней побеждает не тот, кто умней, а тот, кто агрессивней, настойчивей, коммуникабельней, менее склонен к критической самооценке и к уступкам в отношении интересов своих конкурентов. Все это Греф обобщенно обозначил понятием «когнитивные навыки». Российское государство, если оно хочет быть органичной частью современного мира развитых и влиятельных государств, по этой логике, должно поступиться в деле школьного образования своим политико-идеологическим интересом и в своем управлении школьными реформами руководствоваться, прежде всего, интересами индивида к собственному личностному росту и развитию в себе индивидуальных «когнитивных навыков». Государству необходимо смириться с такой уступкой индивидуалистическим устремлениям наиболее «талантливых» и «способных» молодых людей, если оно в перспективе хочет не отстать от передовых рубежей глобализации.

Надо заметить, что со стороны государственных менеджеров, ответственных за ре-

ализацию образовательных реформ в нашей стране, эти наставления руководителя Сбербанка педагогам, учащимся и вообще всем российским гражданам тогда никаких возражений не вызвали. Как не вызывают их и сейчас. Это позволяет считать, что они, в принципе, соответствуют официальной позиции. Или, точнее сказать, соответствовали ей буквально до последнего времени. Только 25 января 2023 г. на встрече со студентами МГУ в Татьянин день В. В. Путин подверг эту реформаторскую стратегию сомнению. И то не официально, а в формате живого общения. Притом сделал это довольно осторожно. Президент при обсуждении со студентами перспектив российского образования сформулировал свою позицию в этом вопросе так: «Я попрошу коллег и тех, кто просвещением занимается и высшим образованием и наукой, обязательно это проработать. Как я сказал, нам нужно понимать, кто мы, откуда мы пришли, кто мы сегодня в этом многообразном мире, в чем заключается наше будущее, понять это многообразие и нашу роль в этом многообразии» [7]. Понятно, что участниками диалога были студенты, ориентированные на поиск своего места в жизни. И места не только в России, но и в остальном «многообразном мире». И президент, как можно понять из общего контекста беседы, это имел в виду. Его высказывание выглядит реакцией на конкретную обстановку и конкретную тематику неформального диалога с молодыми людьми.

Но симптоматично, на наш взгляд, что государственный интерес в этой коммуникации тоже не был обозначен, а прозвучал все тот же прежний тезис о важности для российского образования ориентироваться на «многообразие мира». Фактически президент только в этот момент, только в этом своем высказывании и в обтекаемой формулировке дал поручение руководителям российского образования исследовать вопрос о том, каким может и должен быть на настоящий момент тот интерес Российского государства в управлении образовательными реформами, от которого будут отталкиваться дальнейшие преобразования в этой сфере.

Сегодня в стране сложилась ситуация, когда радикально-либеральные презентации интересов государства в государственных же документах, призванных оптимизировать государственное управление российским образованием и его реформами, противоречат общему развороту государственных интересов в экономике и социальной сфере в консервативно-либеральное русло. Это противоречие

создает большой риск и для дальнейшего развития российского образования, и для всей внутренней российской политики. На наш взгляд, именно непонимание рядовыми гражданами и педагогами причин, по которым в государственном управлении существует данный идеологический парадокс, является генератором их сомнений в добросовестности усилий государства в реформировании системы образования. Для общества такие сомнения являются стимулом к поиску в государственном интересе «второго дна», которого там на деле в большинстве случаев нет. Такое недоверие является фактором общего снижения легитимности современной государственной политики в РФ.

В новых нормативных документах, если говорить о возможном практическом решении этой проблемы, разумно было бы сделать ключевым моментом в публичной презентации государственного политико-идеологического интереса то, чего нет в нынешних документах. А именно простое и понятное гражданину любого возраста требование к выпускнику учебного заведения любого уровня знать и соблюдать Конституцию РФ как основу его гражданской идентичности и дееспособности. Важно, чтобы в государственных стандартах в дальнейшем фигурировало требование к выпускникам школ и вузов усваивать именно те знания и навыки, которые потом пригодятся не только для «личностного развития», а еще для укрепления технологического, культурного и политического суверенитета страны, для защиты ее национально-государственных интересов.

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287. URL: <https://irorb.ru/wp-content/uploads/2021/09/fgos-ooo-prikaz-minprosvescheniya-rossii-ot-31.05.2021--287.pdf> (дата обращения; 27.07.2021).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 41.03.04 Политология : утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 23 августа 2017 г. № 814 (с изм. и доп. от 26 ноября 2020 г., 8 февраля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 41.04.04. Политология

(уровень магистратура) : утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 13 июля 2017 г. № 654. (с изм. и доп. от 26 ноября 2020 г., 8 февраля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

- 4.. Герман Греф о моделях образования, мягких навыках, своем плохом поведении, Борисе Акуnine и Хорошколе. 2 июля 2020 // Новости Воронежа. URL: <https://novostivoronezha.ru/2020/07/02/179488> (дата обращения: 10.01.2021).
5. Чаусов А. Греф сделал заявление об образовании: переводим с цифрового на русский. URL:

https://tsargrad.tv/articles/gref-sdelal-zajavlenie-ob-obrazovanii-perevodim-s-cifrovogo-na-russkij_314329 (дата обращения: 20.01.2021).

6. Савенкова Е. Долой «советское» образование: Греф рассказал, как надо учить детей. 06 августа 2021 г. // Ридус. URL: <https://www.ridus.ru/doloj-sovetskoe-obrazovanie--gref-rasskazal-kak-nado-uchit-detej-359682.html> (дата обращения: 12.10.2021).
7. Встреча с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/70394 (дата обращения: 04.03.2023).

Поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 15.05.2023

Научная статья

УДК 327.83

Государственное регулирование деятельности иностранных агентов в Российской Федерации: эволюция отраслевого закона в 2012–2022 гг.

С. А. Сайгушинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Сайгушинская Софья Александровна, аспирант кафедры государственной политики факультета политологии, sajsonya@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0004-9018-4436>

Аннотация. Регулирование деятельности иностранных агентов в системе обеспечения безопасности суверенитета России, конституционного строя и национальных интересов от иностранного влияния является одним из ключевых направлений на современном этапе развития российской политики и социума. Актуальность данной проблемы обусловлена наличием внутренних и внешних угроз. Это требует повышения государственного контроля. В статье изучены предпосылки принятия в Российской Федерации законодательства, регулирующего деятельность иностранных агентов. Также описана необходимость унификации законодательства в 2022 г. в связи с наличием разнесенных за десять лет соответствующего регулирования законодательных требований к деятельности иностранных агентов, в результате которой различные виды указанных субъектов стали уравниваться в рамках современного политического процесса, что позволило обеспечить наиболее эффективный контроль государственных органов за их деятельностью. Кроме того, проанализированы основные механизмы регулирования деятельности иностранных агентов в зарубежных государствах, на основании чего проведен сравнительный анализ нормативных положений в отношении иностранных агентов в России и других странах. Отдельное внимание отведено исследовательским статьям отечественных и зарубежных авторов, объясняющим с точки зрения политической теории возникновение такого явления, как иностранные агенты. Вместе с тем анализируется динамика включения иностранных агентов в соответствующий реестр и описываются ее причины. В результате анализа установлено, что законодательной реформой, проведенной в 2022 г. и уравнивающей иностранных агентов в предъявляемых требованиях, устранены правовые и управленческие пробелы регулирования деятельности иностранных агентов в России, описанные в ранее проведенных исследованиях. Результаты, изложенные в статье, позволяют сделать выводы о текущем положении иностранных агентов в Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранные агенты, информационная интервенция, информационная безопасность, государственная политика, некоммерческие организации

Для цитирования: Сайгушинская С. А. Государственное регулирование деятельности иностранных агентов в Российской Федерации: эволюция отраслевого закона в 2012–2022 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 341–348. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-341-348>, EDN: YSILUU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

State regulation of activities of foreign agents in the Russian Federation: Evolution of the industry law in 2012–2022

S. A. Saygushinskaya

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Sofia A. Saygushinskaya, sajsonya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9018-4436>

Abstract. The regulation of foreign agents' activities as part of ensuring the security of Russian sovereignty, the constitutional order and national interests from the foreign influence is one of the key directions of the development of Russian politics and society nowadays. The actuality of this problem is driven by the presence of internal and external threats. The article presents the prerequisites for the adoption of regulation regarding foreign agents' activities in the Russian Federation. The need for regulatory unification in 2022, caused by the presence of relevant regulation regarding foreign agents' activities in difference law sources for ten years, is described in the article; as a result, various types of these entities have become standardized within the framework of the modern political process, ensuring the most effective government control. In addition, the main regulatory mechanisms regarding foreign agents' activities in different countries have been analyzed. On the basis of this work the comparative analysis of regulatory measures concerning foreign agents in Russia and other countries has been carried out. Great attention was paid to articles of domestic and foreign authors, explaining the emergence of such a phenomenon as foreign agents. The dynamics of the inclusion of foreign agents has been analyzed. The author finds that the legislative reform, carried out in 2022, equalizing foreign agents in terms of the requirements, eliminated the legal and management gaps. The results, presented in the article, allow to draw the conclusions concerning the current situation of foreign agents in the Russian Federation.

Keywords: foreign agents, information interventions, information security, public policy, non-profit organizations

For citation: Saygushinskaya S. A. State regulation of activities of foreign agents in the Russian Federation: Evolution of the industry law in 2012–2022. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 341–348 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-341-348>, EDN: YSILUU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Немаловажным элементом создания защиты информационного суверенитета России стало начало регулирования деятельности иностранных агентов в 2012 г. За это время в условиях информационных войн и политической напряженности наблюдалась тенденция к значительному увеличению вносимых в реестр иностранных агентов лиц.

С появлением правозащитных организаций у общественности появилась возможность самоорганизации и самостоятельности в принятии решений вплоть до формирования общественного сознания по отдельным проблемам. В то же время различные информационные ресурсы стали основным источником получения информации о происходящих событиях в стране и мире. С одной стороны, это является важной частью социально-экономического и информационного развития государства, а с другой – диктует необходимость осуществления государственного контроля в этих сферах в целях гражданской безопасности и безопасности страны в целом.

Мировые тенденции по регулированию деятельности некоммерческих организаций, общественных движений и средств массовой информации сводятся к повышению контроля над этими институтами, поскольку органы государственной власти различных стран опасаются, что на их территориях иностранные субъекты распространяют идеологию и культурные ценности в интересах других государств. Такой общемировой процесс начался в 1938 г., когда в США был принят закон «О регистрации иностранных агентов» (Foreign Agents Registration Act (FARA)) в целях борьбы с фашистской пропагандой во время Второй мировой войны, который действует и по настоящее время и позволяет американским властям и гражданам оценивать информацию, произведенную иностранными агентами, соответствующим образом. Появившийся закон создал новый подход к регулированию деятельности иностранных агентов и послужил основой для принятия в будущем законодательства об иностранных агентах в различных государствах мира.

В российском законодательстве в отношении лиц, имеющих иностранное финансирование и осуществляющих политическую деятельность, сложилась определенная правовая оценка: такие субъекты могут быть признаны иностранными агентами. Полномочиями по контролю за деятельностью иностранных агентов и ведению соответствующего реестра возложены на Минюст России.

По состоянию на начало января 2023 г. в России насчитывалось 347 действующих иностранных агентов, среди которых были некоммерческие организации, представители журналистского сообщества и общественные движения [1], из них в 2021–2022 гг. в реестр было включено 298 иностранных агентов, тогда как в 2020 г. – всего 17.

В данной статье представлен обзор последних изменений в законодательстве, регулирующем деятельность иностранных агентов, а также проанализированы причины, послужившие увеличению числа иностранных агентов в реестре.

Иностранные агенты как предмет исследования

Иностранные агенты – это лица, которые, будучи резидентом одной страны, действует в интересах другой, обычно при отсутствии дипломатического иммунитета. Около 60 стран налагают ограничения на их деятельность [2].

Общественная роль НКО-иностранных агентов достаточно противоречива: оказывая помощь различным социальным группам, иностранные агенты способны влиять на формирование общественного сознания и не всегда в интересах проводимой государством политики, провоцируя возникновение протестных настроений.

Значительную роль при принятии американского закона об иностранных агентах сыграла геополитическая обстановка. Сам закон за десятилетия своего существования менялся под воздействием внешних обстоятельств. И если изначально FARA был принят в целях борьбы с иностранной пропагандой и политической подрывной деятельностью, с первоначальным акцентом на уголовное преследование таких лиц, то с 1966 г. правоприменение сместилось в основном на гражданские наказания и добровольное соблюдение закона [3]. В целом, на протяжении большей части своего существования FARA редко применялся, только с 2017 г. он стал применяться с гораздо большей регулярностью и интенсивностью.

В российском законодательстве закреплены обязанности, возникающие у иностранных агентов в России, аналогичные американскому законодательству, – это предоставление в Минюст России отчетов о деятельности и маркировка своих материалов.

Однако американское законодательство дополнительно обязывает иностранных агентов

платить пошлину при регистрации их в таком статусе, дублировать любой опубликованный материал в Минюст США в течение 48 часов и при каждом обращении в государственные органы сообщать об источниках финансирования. В качестве санкций в Америке иностранный агент, помимо штрафа в 10 тыс. долл., может быть подвергнут тюремному наказанию до 6 лет лишения свободы, а также депортации [4]. Так, в 2018 г. по американскому закону была арестована Мария Бутина, российский политический и общественный деятель, в связи с тем, что у нее не было регистрации в качестве иностранного агента. Впоследствии она была приговорена к отбыванию срока в тюрьме, после чего депортирована [2].

Кроме вышеупомянутого американского законодательства, достаточно жесткие требования к иностранным агентам предъявляют:

– ряд африканских стран, например, в Эфиопии иностранным агентом считается любая организация, получающая больше 10% иностранного финансирования, и с наделением данным статусом организации запрещено заниматься защитой прав человека или разрешением экологических проблем. Также в африканских странах аналогично FARA для иностранных агентов предусмотрены депортация, штрафные санкции намного выше, чем в России (в среднем 150 тыс. долл.), а банки могут блокировать их счета;

– в Бангладеш иностранное финансирование, в принципе, запрещено, однако в случае согласования с органами власти получения таких средств организация может получать финансирование на специальный счет, на который укажут власти;

– одновременно в Израиле иностранные агенты облагаются повышенным налогом, а в Китае их обязывают иметь местного бухгалтера, а также есть право не допускать проведение мероприятий иностранными агентами;

– Австралия обязывает иностранных агентов публично описывать характер своей деятельности [5];

– власти Индии просто закрывают организации с иностранным финансированием.

В России же штрафы за нарушение порядка деятельности иностранных агентов в два раза ниже, чем в большинстве перечисленных стран, а уголовное наказание может быть представлено в виде 2 лет лишения свободы, однако за 10 лет регулирования деятельности иностранных агентов таких прецедентов не было, тогда как в Америке было доведено до приговора суда 46 уголовных дел [6].

Россия была одной из первых стран, принявшей в 2012 г. закон, регулирующий деятельность иностранных агентов. С тех пор несколько госу-

дарств, включая Узбекистан, Мексику, Пакистан, Судан, Венгрию, ввели похожие ограничения.

В Украине 16 января 2014 г. были приняты законы, определяющие понятие иностранного агента, который бы облагался налогом на прибыль и должен был пройти государственную регистрацию. Кроме этого, законы предусматривали жесткие ограничения на ряд гражданских свобод, в том числе свободу выражения мнений [7], что привело к массовым протестам (Евромайдан). В результате чего 28 января 2014 г. законы были отменены, не просуществовав даже одного месяца.

В феврале 2023 г. в Грузии одновременно рассматривались два законопроекта: один из них имел схожие положения с российским законом – он не предусматривал уголовной ответственности, а штраф за привлечение к административной ответственности составлял 9,5 тыс. долл.; второй законопроект дублировал положения американского законодательства (FARA) и предусматривал уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок до 5 лет. В марте депутаты Грузии в первом чтении приняли более мягкий вариант законопроекта, который также называли пророссийским. Эти обстоятельства послужили началом протестов со стороны граждан, а Европейский союз, в свою очередь, заявил, что в случае принятия закона об иностранных агентах Грузия не будет принята в их состав [8]. При этом грузинские политики отмечали, что государству в целях эффективного контроля за лицами, находящимися под иностранным влиянием, соответствующий закон необходим [9]. В итоге под давлением Евросоюза рассмотрение законопроектов было прекращено.

Анализ законодательства стран СНГ также представлен в статье О. А. Кожевникова и А. В. Нечкина, где авторы делают вывод о том, что законодательство Азербайджана, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана несоразмерно, но оно мягче в сравнении с российским законодательством. При этом авторы отмечают, что российское законодательство продиктовано защитой своего информационного суверенитета от иностранного влияния [10].

Стоит отметить, что Россия не обязывает иностранных агентов описывать публично свою деятельность (кейс Австралии), не вмешивается в мероприятия, проводимые иностранными агентами (кейс Китая), не устанавливает для них повышенные налоги (кейс Израиля), не обязывает иметь в руководящем составе граждан страны (кейс Азербайджана) и уведомлять иностранных агентов об их командировках в зарубежные страны (кейс Узбекистана). Вместе с тем Киргизией

в 2022 г. разработан законопроект, запрещающий учреждать СМИ, финансируемые из-за рубежа [11]. Россия таких запретов тоже не вводит.

В Республике Беларусь отсутствует закон об иностранных агентах, однако в 2020 г. на фоне выборов президента страны прошли масштабные протестные акции, а набор политтехнологий был практически таким же, как и на Украине во время Евромайдана: организация митингов, радикализация политической борьбы, выход подготовленных лидеров из тени, создание сети влияния в информационных ресурсах и т.д. В период этих событий шла активная дискредитация первого лица государства. Схожесть применяемых инструментов по дестабилизации общества и разжиганию розни внутри страны прослеживается в белорусском и украинском сценариях. Это в дополнение подтверждает необходимость принятия эффективных мер по борьбе с группами информационного влияния, деятельность которых направлена против России.

Изначально термин «иностранный агент» был применим только в отношении НКО, в связи с чем появился реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Полномочия по выработке государственной политики и ведению соответствующего реестра были отданы Минюсту России.

Принятое в России законодательство, обязывающее НКО-иностранцев периодически предоставлять необходимую отчетность в Минюст России и указывать свой статус в публикуемых материалах для неограниченного круга лиц, призвало такие организации не только к полной открытости и прозрачности деятельности по отношению к государству, но и к информированию российских граждан об источнике получения информации, которое дает им возможность объективно рассматривать получаемую информацию и формировать собственные суждения, а также оценки относительно нее. Нетрудно предположить, что такие положения устраивали далеко не все НКО.

Исследователями Верой Лейн и Кристиной Сильван были определены характеристики иностранных агентов и их идеальный тип [12]. Исходя из законодательных трактовок термина «иностранный агент», авторы надеялись выявить, что иностранный агент – это лицо, получающее поддержку исключительно от западных источников и занимающееся участием в политической деятельности. В результате авторы выявили дополнительные характеристики деятельности иностранных агентов, помимо осуществления политической деятельности и иностранного финансирования.

Так, отмечается серьезное несоответствие между признанными и «реальными» целями НКО-иностранцами агентами. Хотя иностранный агент утверждает, что действует в интересах российского общества, будь то охрана окружающей среды или уважение прав человека, их истинное стремление состоит в том, чтобы продвигать интересы своего финансового спонсора. Например, утверждается, что определенные державы за рубежом крайне заинтересованы в создании механизмов, которые бы породили социальные волнения внутри России с целью достижения смены ее политического режима [12]. Следовательно, деятельность иностранных агентов не является автономной, и агент изображается как не имеющий независимых амбиций или средств для их реализации.

Авторы приводят пример того, как НКО организовывали стажировки в США представителей будущих российских элит в надежде, что как только те придут к власти, они будут отдавать приоритет геополитическим интересам Соединенных Штатов над интересами России. Соответственно, авторы также пришли к выводу, что в любом проявлении деятельность иностранных агентов является политической, а в заключение подчеркивают, что в современном мире НКО, которые являются «иностранцами агентами», представляют собой один из многих видов оружия, применяемых Западом против России.

Это нашло свое подтверждение в 2012 г., когда в России официально появилось понятие «иностранный агент» с внесением изменений в Закон «О некоммерческих организациях», необходимость которых была связана с политическими протестами, начавшимися в декабре 2011 г. и продолжавшимися во время кампании по выборам Президента Российской Федерации в 2012 г., которые были проспонсированы из-за рубежа [13]. Стало очевидным, что разного рода организации, прикрываясь защитой основополагающих прав и свобод граждан, ведут целенаправленную деструктивную деятельность по отношению к основам конституционного строя России, пытаются дискредитировать действующие институты власти. Эти события требовали принятия мер для защиты суверенитета и национальных интересов от внешнего влияния.

А. И. Руденкина и А. А. Керимов в статье «Иностранный агент влияния как субъект управления обществом: методологический аспект» анализируют реконструкцию концепта «иностранный агент влияния» и приходят к выводу, что «иностранный агент влияния» не подразумевает обязательного финансирования своей деятельности: это может быть субъект (лицо,

организация, группа людей), который обладает доверием представителей общества и может действовать исходя из своих целей и интересов, при этом представляя интересы иностранного государства в рамках осуществления влияния на общество добровольно согласно своим убеждениям или на договорной основе за какое-либо вознаграждение, используя имеющуюся у него власть. Также авторы отмечают, что пока еще не существует конкретных теорий, связанных с концепциями иностранных агентов [14].

Однако для описания такого явления, как «иностранцы агенты», можно обратиться к теории общественных движений, сторонниками которой являются Нейл Смельзер и Аллен Турен. Они полагают, что общество редко находится в полностью гармоничном и стабильном состоянии, в связи с чем социальные движения являются результатом напряжений в социальной структуре. Смельзер считает, что люди присоединяются к радикальным движениям потому, что испытывают социальную дислокацию в форме социального напряжения, особенно когда такое напряжение возникает из-за быстрых социальных изменений [15]. Теория предполагает, что воспринимаемое структурное напряжение на социальном уровне пробуждает чувства тревоги и враждебности. Социальные движения возникают для того, чтобы их участники смогли предпринять попытки устранения основного источника напряжения. Сторонники данной теории предполагают, что возникновение социальных движений вызвано реакцией на процессы модернизации.

Автор теории структуризации Энтони Гидденс дает объяснение природы социальных систем и институтов. По его мнению, социальная система – это пример социальных отношений, существующих в определенное время и в определенном месте, а государство и бюрократизм рассматриваются как поведенческие модели, которые длятся лишь некоторое время. С точки зрения двойственности структуры, системы и институты связаны с деятельностью человека. Э. Гидденс называет их агентами, подчеркивая их активную позицию, и утверждает, что структура влияет на поведение людей благодаря знаниям об обществе, которые приобретаются агентами. Это позволяет агентам ориентироваться в повседневной жизни и взаимодействовать с окружающими объектами. Они также используют как материальные, так и властные ресурсы, которые являются частью структуры общества [16].

Французский социолог П. Бурдьё выдвигает теорию стиля жизни, согласно которой агенты, будучи наделенными властью, осуществляют некие стратегии, при этом они движимы целью,

но эта цель не управляет ими [17]. В отличие от Э. Гидденса, у П. Бурдьё социальный агент существует вне зависимости от осуществляемой деятельности и не анализирует взаимосвязи своих действий и действий общества.

Дальнейшее противостояние деструктивной деятельности лиц, финансируемых из-за рубежа, приводит к развитию и расширению применения законодательства по регулированию деятельности иностранных агентов. Так, в ноябре 2017 г. приняты поправки в Закон РФ «О средствах массовой информации», позволяющие наделять таким статусом распространяющих материалы для неограниченного круга лиц иностранные структуры, а также российских юридических и физических лиц [18]. Все они включаются в реестр иностранных СМИ, выполняющих функции иностранного агента; в законодательстве появляется соответствующий термин. В декабре 2017 г. Минюст России включил в этот реестр девять медиаресурсов, в том числе «Радио Свобода» и «Голос Америки», как зеркальный ответ на притеснение российских СМИ за рубежом.

Однако правовой пробел, заключающийся в отсутствии применения мер реагирования к СМИ-иностранцам за неисполнение требований российского законодательства, устраняется только в декабре 2019 г. с внесением соответствующих изменений. Появляются механизмы воздействия и обязанность у иностранных структур, включенных в реестр СМИ-иностранцев, локализоваться на территории России путем учреждения своих представителей – юридических лиц. Первым и единственным таким локализатором становится ООО «Радио Свободная Европа/Радио Свобода».

С. Тулаева, М. Тысяччук, А. Хенри Лора определяют стратегии деятельности НКО, признанных иностранными агентами в России. Среди предложенных стратегий они выдвигают гипотезу об имитации формального соблюдения требований самими НКО, при этом используя неформальные практики для обхода закона и продолжения работы [19]. Первой стратегией могут руководствоваться организации, которые стремятся к соблюдению законодательства: это добровольное включение в реестр иностранных агентов с дальнейшей возможностью получать иностранное финансирование и осуществлять свою деятельность; отказаться в принципе от иностранного финансирования (иностранное финансирование является одним из условий для включения в реестр иностранных агентов); ликвидация организации. Вторая стратегия предполагает фиктивную формальность. Согласно третьей стратегии организации могут в принципе не

регистрироваться и действовать как объединение/движение (по состоянию на 2017 г. в реестр иностранных агентов включались только зарегистрированные организации). И, наконец, четвертая стратегия предлагает организациям действовать из-за рубежа, что позволит не выполнять требования законодательства и номинально не быть привлеченными к административной ответственности.

Выбор стратегии определяется объемом ресурсов, имеющихся у организации, уровнем включенности в международные сети, специализацией организации, а также конфигурацией сил на региональном уровне.

Т. Ойво в своем исследовании о действии Закона об иностранных агентах в России приходит к правовым противоречиям, заключающимся в том, что носителями статуса иностранного агента в России являются некоммерческие организации, однако НКО через своих руководителей, сотрудников или иных физических лиц может осуществлять деятельность, включая сбор пожертвований на свое развитие, при этом не попадая под действие данного Закона [20].

Решение вопросов, поставленных С. Тулаевой, М. Тысячнук, А. Хенри Лора, а также Т. Ойво, находится в декабре 2020 г., когда происходит новый виток законодательных изменений: принимаются очередные поправки, согласно которым появляется реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранного агента, а также список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента. Кроме того, вносятся изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которым появляется ответственность для руководства и сотрудников НКО-иностранцев за распространение материалов политического характера, в том числе в личных социальных сетях, без указания на то, что они являются сотрудниками НКО-иностранного агента (Федеральный закон от 30.12.2020 № 481-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности»).

Таким образом, образуются четыре реестра иностранных агентов в зависимости от вида: НКО, выполняющие функции иностранного агента (например, «Левада центр», «Насилию. нет»); иностранные СМИ, выполняющие функции иностранного агента (например, различные расследовательские СМИ, действующие из прибалтийских стран (The Insider, «Важные истории» и т.д.), оппозиционные российские СМИ,

а также их журналисты, ЛГБТ-активисты); незарегистрированные общественные объединения, выполняющие функции иностранного агента (например, ГОЛОС, Российская ЛГБТ-сеть, ОВД-Инфо); физические лица, выполняющие функции иностранного агента (например, Д. И. Гордон, М. Б. Ходорковский, И. В. Яшин).

Изменения, вносимые в законодательство об иностранных агентах, отражались и на динамике включения лиц в соответствующие реестры. Так, динамика включения лиц выглядит следующим образом: 2013 г. – 1 лицо; 2014 г. – 29; 2015 г. – 81; 2016 г. – 43; 2017 г. – 25; 2018 г. – 7; 2019 г. – 14; 2020 г. – 17; 2021 г. – 110 и 2022 г. – 188 лиц.

Увеличение в 2022 г. иностранных агентов на 70% по сравнению с 2021 г. объясняется решением российских органов власти ограничить интервенции, в том числе информационные, связанные с проведением специальной военной операции Вооруженными силами Российской Федерации на Украине [21].

При этом прирост иностранных агентов в 2021 г. в 6,5 раза по сравнению с 2020 г. обусловлен тем, что Минюстом России в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, начали включаться средства массовой информации, а также представители журналистского и блогерского сообщества.

Законодательная реформа 2022 года

Десять лет применения законодательства об иностранных агентах – достаточный срок для подведения некоторых итогов его применения на территории Российской Федерации, а также немалый период адаптации российских организаций, общественных движений и СМИ к новым правилам и стратегиям в работе в статусе иностранного агента. За это время подходы к государственному контролю за иностранными агентами претерпели немало изменений, что было продиктовано внутри- и внешнеполитическими вызовами. Схожесть требований к иностранным агентам, но различие в деталях создавали различия в правоприменительной практике. С появлением новых видов иностранных агентов появлялись новые требования, которые были разнесены по разным законам, новые реестры, а ответственность за неисполнение требований законодательства иностранными агентами разилась в зависимости от того, в какой из реестров они включены.

В целях минимизации иностранного вмешательства в Российскую Федерацию и создания единообразного подхода к регулированию

деятельности иностранных агентов, а также оптимизации процедуры надления соответствующим статусом в 2022 г. законодательство было унифицировано, в результате чего был принят единый закон, содержащий требования и критерии признания, и создан единый реестр. Кроме того, появилось понятие аффилированных лиц – тех, кто работает на иностранных агентов [22]. Соответственно, для таких лиц тоже появились требования, согласно которым они, например, не могут при осуществлении деятельности в качестве сотрудника иностранного агента распространять информацию без необходимой маркировки. Можно предполагать, что данное требование не будет способствовать популяризации иностранного агента на площадке той аудитории, для которой публикуются сообщения и материалы. Стоит отметить, что фундаментальные требования к иностранным агентам остались аналогичны ранее установленным: предоставление отчетности в Минюст России, а также маркировка сообщений и материалов, распространяемых на территории Российской Федерации.

Одновременно с этим на основании утраченного силу в результате принятия единого закона Приказа Роскомнадзора по маркировке материалов иностранных агентов было принято постановление Правительства Российской Федерации от 22.11.2022 № 2108, в котором закреплены по большому счету аналогичные требования. Однако до проведенной реформы Приказ Роскомнадзора распространялся только на СМИ-иностранцев, в то время как иные виды иностранных агентов маркировались свободно, что позволяло им размещать маркировку мелким шрифтом в самом низу сайта или неконтрастной по отношению к его фону. С принятием вышеуказанного постановления все виды иностранных агентов стали уравниваться в предъявляемых требованиях по наличию указания на соответствующий статус.

Сами критерии признания иностранным агентом остались практически такими же, однако если раньше включение в реестр было возможно при подтверждении наличия иностранного финансирования, то согласно новому Закону достаточно иностранного влияния, которое может выражаться, например, в получении организационно-методической помощи, предоставлении лицу какого-либо имущества, а также оказывании на него воздействия различными способами [22].

В. Б. Звоновский в своей статье, основанной на результатах исследования, проведенного в 2012 г. Фондом социальных исследований и посвященного влиянию правоохранительных органов или некоммерческих организаций на соб-

людение законности, выдвигает гипотезу, что антизападная позиция государственной власти способствует укреплению положительного образа российской правоохранительной системы [23]. Иными словами, чем больше отечественная государственная система ориентирована на идеологию и защиту патриотических ценностей, тем больше граждан ей доверяют и ставят под сомнения западные ценности. Общая позиция автора заключается в том, что антизападные законы и решения мало влияют на оценку общества.

Однако выводы В. Б. Звоновского не являются полными и объективными, так как усиление контроля за деятельностью лиц, финансируемых из-за рубежа, играет важную роль в российской системе государственного управления в настоящее время и оказывает значительное влияние на информационную безопасность общества. Политическая и международная конъюнктура требует от России ответных действий в защиту своего суверенитета.

Цель законодательного регулирования деятельности иностранных агентов в Российской Федерации – установить требования, обеспечивающие прозрачную деятельность таких лиц.

В настоящее время в целях обеспечения более эффективного осуществления государственного контроля за соблюдением законодательства об иностранных агентах разработан и внесен в Государственную Думу законопроект, который закрепляет обязанность органов публичной власти, организаций всех форм собственности, а также их должностных лиц, физических лиц при осуществлении своей деятельности учитывать ограничения в отношении лиц, признанных иностранными агентами [24]. Таким образом, вышеперечисленные лица при осуществлении своей деятельности будут обязаны учитывать требования законодательства об иностранных агентах и определенные запреты при взаимодействии с ними.

Законодательством Российской Федерации установлены требования, предполагающие прозрачную деятельность иностранных агентов и не создающие дополнительную нагрузку на них. Действующие требования являются своевременными, поскольку соответствуют имеющимся рискам и угрозам, технически исполнимыми и не требующими кардинальных изменений или финансовых затрат со стороны лиц, включенных в реестр иностранных агентов.

Стоит полагать, что государственная политика в отношении иностранных агентов будет меняться и дальше, так как давление на Россию зарубежных стран продолжится, и следует принимать меры исходя из текущей геополитической ситуации.

Современные политические вызовы требуют слаженной работы от органов государственной власти и скоординированных действий. Любым современным государством предпринимаются попытки по защите своих интересов и суверенитета. Поэтому государственное регулирование деятельности иностранных агентов в Российской Федерации – это одно из направлений внутренней политики, продиктованное необходимостью обеспечения информационной безопасности гражданского общества и защиты традиционных ценностей.

Список литературы

1. Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-23122022.pdf> (дата обращения: 06.01.2023).
2. Вечерняя Москва. URL: <https://vm.ru/politics/768402-eksperty-obuyasnili-zachem-v-rossii-nuzhen-zakon-ob-inostrannyh-agentah> (дата обращения: 18.03.2023).
3. Лебедев В. А. Закон США о регистрации иностранных агентов 1938 года: особенности содержания и применения // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 25–37. EDN: KJIPAV
4. Закон FARA. URL: <https://www.fara.us> (дата обращения: 18.03.2023).
5. Правительство Австралии : [сайт]. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2019C00133/Html/Text> (дата обращения: 24.03.2023).
6. Министерство юстиции США : [сайт]. URL: <https://www.justice.gov/> (дата обращения: 18.03.2023).
7. Украина впервые ввела в законодательство понятие иностранного агента // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20140117/989749405.html> (дата обращения: 18.03.2023).
8. Что известно об истории рассмотрения закона об иноагентах в Грузии // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/17223599> (дата обращения: 11.03.2023).
9. Чем грузинский законопроект об иноагентах отличается от законов в США и РФ? // Спутник Грузия. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20230220/chem-zakonoproekt-ob-inoagentakh-otlichaetsya-ot-zakona-v-ssha-i-rf--otvet-deputatov-275037573.html> (дата обращения: 11.03.2023).
10. Кожевников О. А., Нечкин А. В. Некоммерческие организации – иностранные агенты: опыт России и других государств СНГ // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 242–249. <https://doi.org/10.17223/15617793/471/28>
11. Как Запад использует женщин и мигрантов для влияния в странах бывшего СССР // Спутник Литва. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20230216/kak-zapad-ispolzuet-zhenschin-i-migrantov-dlya-vliyaniya-v-stranakh-byvshogo-sssr-26925189.html> (дата обращения: 02.03.2023).
12. Laine V., Silvan K. “Foreign Agent” as an internal representative of “the West” in Russia’s geopolitical discourses // Remapping Security on Europe’s Northern Borders / ed. by J. P. Laine, I. Liikanen, J. W. Scott. London : Routledge, 2021. P. 62–81. <https://doi.org/10.4324/9781003096412-5>
13. Стариков Н. «Иностранные агенты» от «Болотной» и до наших дней. 2015. URL: <https://nstarikov.ru/inostrannye-agenty-ot-bolotnoj-i-51785> (дата обращения: 27.03.2023).
14. Руденкина А. И., Керимов А. А. Иностранный агент влияния как субъект управления обществом: методологический аспект // Вопросы управления. 2016. № 6 (24). С. 58–65. EDN: ZXJECB
15. Weeber S., Rodeheaver D. Militias at the millennium: A test of Smelser’s theory of collective behavior // Sociological Quarterly. 2003. Vol. 44, iss. 2. P. 181–204.
16. Британская энциклопедия. URL: <https://www.britannica.com/topic/structuration-theory> (дата обращения: 18.02.2023).
17. Бурдые П. Социология политики. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко ; пер. с фр. Е. Д. Вознесенская [и др.]. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
18. О средствах массовой информации : закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 29.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Тулаева С., Тысячнюк М., Хенри Лора А. Стратегии экологических НПО в контексте закона об иностранных агентах: игры с формальностью // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2017. Т. 9, № 3. С. 18–43. EDN: YTXKYF
20. Oivo T. Foreign Agents in Russia. Discursive Analysis on Foreign Agents in Russia 2012–2013. 2013. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/30083397.pdf> (дата обращения: 17.03.2023).
21. Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / под общ. ред. В. Н. Баранова, П. А. Дульнева, И. В. Бочарникова. М. : Экон-Информ, 2022. 210 с. EDN: RBFCDT
22. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием : федер. закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Звоновский В. Б. Любят ли россияне «иностранцев» агентов? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. №. 4 (116). С. 43–51. EDN: RATWTH
24. Письмо Правительства Российской Федерации от 13 апреля 2023 г. № 772-П4 «Официальный отзыв на проект федерального закона № 346781-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», вносимый в Государственную Думу депутатом Государственной Думы В. Пискаревым». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

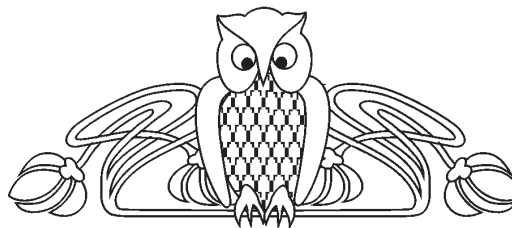
Поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 05.06.2023
The article was submitted 17.05.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 05.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 349–356
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 349–356
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-349-356>, EDN: YVBUVS

Научная статья
УДК 327

Внешнеполитическая стратегия правящих элит США в XXI веке: Индо-Тихоокеанский регион

Р. А. Антонов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Антонов Роман Андреевич, аспирант кафедры истории и теории политики, antonovroman98@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9562-533X>

Аннотация. В рамках исследования проводится анализ стратегии правящих элит США в Индо-Тихоокеанском регионе. В качестве основных источников используются документы американских высших должностных лиц, отвечающих за внешнюю политику США. Кроме того, проанализирована концепция «Free and Open Indo-Pacific», отображающая видение Вашингтона. Гипотеза исследования предполагает, что элиты США проводят планомерную политику по созданию политических и экономических союзов со странами Юго-Восточной Азии для удержания мировой гегемонии в XXI в. Главным конкурентом для них является Китай. Для сдерживания КНР вокруг его границ США пытается создать цепь недружественных государств, отсылая к риторике «универсальных ценностей». Подобная блоковая политика преследует цель получить надежных союзников, которые готовы идти на любые жертвы для достижения интересов своих покровителей. Кроме того, для обеспечения экономического благополучия американский бизнес стремится стать монополистом в области экологических и IT-технологий.

Ключевые слова: элиты США, США, Индо-Тихоокеанский регион, Юго-Восточная Азия, международные отношения

Для цитирования: Антонов Р. А. Внешнеполитическая стратегия правящих элит США в XXI веке: Индо-Тихоокеанский регион // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 349–356. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-349-356>, EDN: YVBUVS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The foreign policy strategy of the US ruling elites in the 21st century: Indo-Pacific region

R. A. Antonov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Roman A. Antonov, antonovroman98@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9562-533X>

Abstract. The author focuses on the strategy of the US ruling elites in the Indo-Pacific region. Documents of American senior officials responsible for US foreign policy are used as sources. The concept of “Free and Open Indo-Pacific”, which reflects the vision of Washington, is analyzed. The research hypothesis assumes that the US elite is pursuing a systematic policy of creating political and economic alliances with the countries of Southeast Asia to ensure world hegemony in the 21st century. China is their main competitor. The US is trying to create a chain of politically unfriendly states with the democratic values around PRC’s borders. Such a bloc policy makes it possible to obtain reliable allies who are ready to make any sacrifice to achieve the interests of their patrons.

Keywords: US elites, the USA, Indo-Pacific region, Southeast Asia, international relations

For citation: Antonov R. A. The foreign policy strategy of the US ruling elites in the 21st century: Indo-Pacific region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 349–356 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-349-356>, EDN: YVBUVS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях изменения баланса сил в мире правящая элита США ищет новые пути для удержания своей гегемонии в международных отношениях. Для сохранения выгодного им мирового порядка необходимы дешевая рабочая сила, большие рынки сбыта и доступное сырье. Именно эти компоненты в начале XXI в. сосре-

доточены в Индо-Тихоокеанском регионе, что создает потенциал огромного экономического роста. В то же время увеличение влияния незападных центров силы в мировой политике дает импульс для усиления нейтральной, прагматичной позиции стран Юго-Восточной Азии. Китай, Россия, Иран, отстаивая свои интересы

в регионе, представляют альтернативную модель развития, при этом не навязывают свои ценности. В таких условиях западным политикам будет тяжелее удерживать гегемонию. При этом элиты США разработали план для предотвращения объективным тенденциям в мировой политике, который оформился в рамках «Стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе», опубликованной в феврале 2022 г. Согласно этому документу государства в Индийском и в Тихом океанах будут определять будущее всей нации США и всего мира [1, р. 2].

Можно сказать, что страны Индо-Тихоокеанского региона – это центр геополитики в XXI в. Особую значимость представляет собой доступ к Южно-Китайскому морю, по которому осуществляется две трети морской торговли и одна четверть всей мировой торговли [2, р. 37]. Общий объем перевозок в акватории региона составляет пять триллионов долларов в год. Здесь находятся огромные залежи полезных ресурсов: 35% мировых запасов природного газа, 67% нефти, 40% золота, 60% урана и 80% алмазов [3, р. 7]. В регионе расположены 2/3 основных экономик мира и семь ключевых стран в военном отношении [1, р. 5]. Такой объем ресурсов является жизненно необходимым для экономического роста США и Китая.

При этом важно не только обладание ресурсами, но и продолжающийся огромный экономический рост, который обеспечивает стабильный спрос на товары и услуги. Страны Индо-Тихоокеанского региона демонстрируют наилучшие показатели в развитии национальных экономик. Так, согласно данным Азиатского банка развития, рост ВВП Индии, стратегического партнера России, в 2023 г. составит 8,0%, Вьетнама – 6,5%, Камбоджи – 6,5%, Индонезии – 5,2% [4]. Кроме того, 8 из 10 стран АСЕАН поставили перед собой цель достичь нулевого уровня выбросов парниковых газов к 2050 г., но при этом 50% электроснабжения Юго-Восточной Азии составляют установки по сжиганию угля [5]. Можно констатировать, что к 30-ым гг. XXI в. сформируется большой энергетический рынок, нуждающийся в экологически чистых технологиях и ресурсах, и Россия при помощи сжиженного природного газа и атомной энергетики могла бы обеспечить потребности этих государств.

Таким образом, Индо-Тихоокеанский макрорегион, появившийся совсем недавно в качестве объединенного понятия в концепциях западных стран, становится ареной экономического и политического противостояния в

XXI в. США в открытую объявляют КНР главной угрозой, которую необходимо сдерживать [6, р. 7]. Правящая американская элита активно действует в Индо-Тихоокеанском регионе, создавая гибридные коалиции против своего главного конкурента в лице Китая. По сути, это продолжение политики США со времен холодной войны по разграничению мира на сферы влияния, при помощи создания политических союзов, например Организации Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) в период с 1955 по 1977 г.

Помимо упомянутой «Стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе», план действий американской элиты отображен в документах администрации Президента США, государственного департамента, торгового представителя США, связанных с расширением сотрудничества со странами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Indo-Pacific Economic Framework (IPEF), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Кроме того, исследована концепция «Free and Open Indo-Pacific», демонстрирующая видение развития региона элитами Вашингтона и Токио.

Индо-Тихоокеанский регион является самым обширным районом мирового океана. Данное понятие используется в географии для обозначения территорий от Мадагаскара до островов Океании [7, с. 234]. Этот район находится в тропической зоне и обладает большим количеством полезных ресурсов. Термин «Индо-Тихоокеанский регион» в социально-политическую науку ввел Карл Хаусхофер в начале XX в. в книге «Тихоокеанская геополитика» [8, с. 61]. Предполагалось, что Германия сможет создать альянс с азиатскими странами против англо-саксонского мира. В дальнейшем в течение продолжительного времени данную концепцию не использовали в политике.

В научном сообществе преобладала идея Азиатско-Тихоокеанского региона, которую применяли, чтобы охарактеризовать усиление экономических и политических связей стран Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, Северной и Южной Америки. Особое значение приобрел саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Изначально США делали акцент на взаимодействии в рамках данного формата, показывая тем самым, что они стремятся сотрудничать со всей Азией.

Однако на фоне нарастания противоречий с КНР в середине 2010-х гг. у американской элиты особую популярность получила идея Ин-

до-Тихоокеанского региона. Увеличение взаимодействия России и Китая с государствами Юго-Восточной Азии демонстрирует, что США в XXI в. будет трудно конкурировать с другими странами. Тем самым американские элиты поняли, что нужно создать некую концепцию, которая бы носила характер анти-Китая. Таким образом, идея Индо-Тихоокеанского региона снова стала актуальной.

Согласно книге политолога Рори Медкалфа «Индо-Тихоокеанская империя: Китай, Америка и борьба за центральный регион мира» сам термин в австралийской научной литературе активно используется с 70-х гг. XX в. [9, р. 30]. При этом в геополитических исследованиях у Индо-Тихоокеанского региона границы размыты, поскольку авторы определяют их в зависимости от политических предпочтений, а не от географических ориентиров. Подобные «ментальные карты», по словам Медкалфа, являются важными инструментами в современной политике [9, р. 48]. Идея Индо-Тихоокеанского региона меняет фокус внимания многих правительств, задает рамки для национальных приоритетов и последующих решений. Такая политика направлена на объединение экономических центров Дальневосточной и Юго-Восточной Азии; придает особое значение морским торговым путям в регионе; политически усиливает антикитайскую риторику.

На межнациональном уровне термин «Индо-Тихоокеанский регион» впервые использовал премьер-министр Японии Синдзо Абэ в своей речи в 2007 г. в индийском парламенте [10]. Он говорил о необходимости «слияния двух океанов» для будущей стабильности и процветания. Хилари Клинтон, госсекретарь США с 2009 по 2013 г., использовала термин «Индо-Тихоокеанский регион» в своем выступлении на Гавайях [11]. В 2010 г. о важности наращивания Американо-Индийских отношений политик заявила, сделав акцент на противостоянии с Китаем, в своей статье «Тихоокеанский век Америки» 2011 г. [12]. Аналогичные идеи стали популярны в руководстве как Демократической, так и Республиканской партий США. Таким образом, сформировался консенсус среди американских элит в отношении Индо-Тихоокеанского региона.

На президентских выборах в США 2016 г. победил антикитайский политик Дональд Трамп. Новый глава Белого дома с лозунгом «Америка превыше всего» выходит из торгового соглашения в рамках Транстихоокеанского партнерства (TPP), в которое было включено

большинство стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. При этом обсуждалась возможность вступления Китая в это объединение. Действия президента США продемонстрировали, что концепция единого Азиатско-Тихоокеанского региона потеряла актуальность у американской элиты.

Понимая, что для противостояния Китаю необходимо искать новые форматы договоренностей, Дональд Трамп начинает активно укреплять военно-политические союзы. После государственного визита 45-го президента США в Индию возрождается Четырехсторонний диалог по безопасности между Австралией, Индией, США и Японией (QUAD). Данное объединение призвано усилить военное взаимодействие в Индийско-Тихоокеанском регионе. Затем в 2018 г. начинается масштабная торговая война Китая и США. Дональд Трамп активно продвигает концепцию Индо-Тихоокеанского региона в качестве главной идеи американских элит в XXI в. В этом же году вооруженные силы США переименовали Тихоокеанское командование флота в Индо-Тихоокеанское. В 2019 г. госдепартамент США выпускает масштабный доклад «A free and open Indo-Pacific» [13].

В 2020 г. демократ Джо Байден на выборах президента США побеждает республиканца Дональда Трампа. Несмотря на то, что предвыборная гонка носила антагонистический характер между кандидатами, новый глава Белого дома продолжает стратегическую линию своего предшественника. Джо Байден создает новую должность координатора в Совете национальной безопасности США по Индо-Тихоокеанскому региону и назначает на нее бизнесмена Курта Кэмпбелла. В феврале 2022 г. Белый дом выпускает стратегию США, где заявляется, что будущее всей планеты зависит от ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе [1, р. 2].

Действия администраций президентов США Дональда Трампа и Джо Байдена показывают планомерную политику американских элит, невзирая на внутренние противоречия, по созданию нового военно-экономического пространства для доминирования в Азии и противостояния Китаю. При этом американский правящий класс стремится повторить свой успех в Восточной Европе, где заявления о необходимости создания «открытых обществ» с демократическим набором ценностей привело к появлению цепи государств, выступающих против экономических конкурентов США.

Победителем в борьбе за Индо-Тихоокеанский регион станет тот центр силы, который

сможет контролировать порты, энергетику и человеческий капитал. Доступ к управлению инфраструктурой в Индо-Тихоокеанском регионе позволяет оказывать воздействие на такие производственные центры, как Япония, Республика Корея, Сингапур, из-за сильной зависимости этих стран от импорта энергоносителей и продовольствия. Кроме того, 85% нефти для Китая проходит только через один Малаккский пролив [14]. Если какое-то государство влияет на эти цепочки поставок, то оно в случае военного конфликта может сразу же уничтожить экономики нескольких богатейших стран мира.

По оценкам Белого дома, эта область станет главной для мирового производства. В Индо-Тихоокеанском регионе находится 58% всего молодого населения Земли. Это уже представляет собой огромный рынок сбыта для американской продукции. Кроме того, дешевая рабочая сила из этих стран может сократить затраты на производство более чем на 14%, согласно данным американского Центра стратегических и международных исследований [15].

Американские элиты хотят сформировать новые три миллиона рабочих мест в США, которые будут производить экологическую инновационную продукцию, такую как электромобили или оборудование для возобновляемых источников энергии. При этом основными ее потребителями будут страны Индо-Тихоокеанского региона. Как указывает торговый представитель США на своем сайте, основными приоритетами для них являются цифровая торговля, химическая, медико-биологическая, автомобильная отрасли [16]. Американские власти хотят создать систему, в которой сверхприбыль за инновационную продукцию будет оставаться только у них. При этом развивающиеся страны попадают в перманентную зависимость от технологий западных монополий, которые могут диктовать любые условия, руководствуясь только собственной прибылью.

Из-за географических особенностей государства Индо-Тихоокеанского региона обладают большим потенциалом для развития экологически чистой энергетики – в первую очередь атомной, геотермальной и ветряной. В будущем это может стать основой для появления зеленой экономики. Элита США хочет, чтобы лидирующую роль в этом процессе играли американские технологии. Политизация экологической повестки даст американским политикам рычаги воздействия на развитие промышленности стран Юго-Восточной Азии,

когда при необходимости они могут обвинить кого-то в несоблюдении экологических норм для собственной выгоды.

По мнению руководства государственного департамента США, в Индо-Тихоокеанском регионе будут проживать 1,5 млрд человек по стандартам среднего класса [17]. Рост цифровой торговли в три раза за период с 2015 по 2019 г. и быстрое увеличение интернет-пользователей с 260 млн до 360 млн в Индо-Тихоокеанском регионе показывают, что основой экономики Юго-Восточной Азии в будущем является электронная коммерция [18]. Для цифровой экосистемы США данный рынок будет приоритетным. При этом установление определенного оборудования и стандартов в странах Юго-Восточной Азии даст американским IT-гигантам за счет структурных возможностей вытеснить своих конкурентов из России и Китая.

Таким образом, американские элиты понимают факторы для успеха в Индо-Тихоокеанском регионе в XXI в. В условиях конкуренции с другими странами им необходимо проводить планомерную политику для того, чтобы сохранить свое экономическое превосходство в конкуренции с Китаем. За последние десятилетия КНР из страны третьего мира со слабо развитой промышленностью и армией стала могущественной сверхдержавой. В документах американского командования уже в открытую говорят, что в XXI в. экономическая и дипломатическая мощь Китая является главной угрозой для США. Особое значение американские элиты уделяют инициативе «Один пояс – один путь», представляющей собой масштабный экономический проект по созданию единого экономического пространства между Азией и Европой. Предположительно Китай уже вложил в создание этой инфраструктуры один триллион долларов [19].

Юго-Восточная Азия является одним из ключевых элементов в рамках концепции «Один пояс – один путь». Стратегические связи КНР со странами региона не дают американским элитам влиять на экономические процессы практически большей части человечества. Кроме того, Китай активно строит свою военную инфраструктуру в Южно-Китайском море. Военное усиление КНР в этом районе вызывает обеспокоенность у США. Они активно критикуют китайские власти, обвиняя их в посягательстве на право свободного судоходства в Индо-Тихоокеанском регионе. Рост военно-политического потенциала КНР как сверхдержавы Западом воспринимается сугубо негативно.

Стоит отметить, что в «Стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе» американские элиты проецируют силу за пределы своей зоны ответственности, заявляя об участии американской армии и флота в обеспечении безопасности данной акватории. Конечно, при учете Гавайских островов США являются частью Индо-Тихоокеанского региона. Но американские власти для собственной выгоды стремятся подорвать взаимодействие стран с Китаем, что дестабилизирует обстановку.

Важно отметить, что для китайских коммунистических элит остается приоритетным вопрос Тайваньского пролива. После поражения в гражданской войне в 1949 г. антикоммунистическое правительство Гоминьдана эвакуировалось на остров Тайвань. В настоящее время власть на острове признают только 13 государств, например Ватикан, Гаити и др. Тайбэй неофициально поддерживают ряд западных стран на фоне увеличения противостояния с КНР. Так, с 1979 г. на острове работает Американский институт на Тайване, некоммерческая организация, отвечающая за поддержания связей с Вашингтоном. Таким образом, США преднамеренно проводят политику двойных стандартов и усиливают противоречия в регионе, что провоцирует милитаризацию. Постоянная военная угроза сепаратизма является неприемлемой для коммунистических китайских элит.

Помимо политических разногласий существуют стратегически важные экономические вопросы, затрагивающие интересы КНР, Тайваня и США. Дело в том, что на острове после 1980-х гг. стали активно развивать микроэлектронику. Тайваньская компания по производству полупроводников (TSMC) является основным поставщиком чипов для всех производителей техники. В условиях усиления противостояния Китая и США вопрос развития микроэлектроники стал главным, поскольку эти технологии являются ключевыми для безопасности любой страны.

В свою очередь, КНР провозглашает альтернативную модель развития, которая не нацелена на повторение идей западного «открытого общества». В последние годы такая политическая и экономическая система показывает свою эффективность. Это также является важным аргументом для американских элит в пользу противостояния с Китаем. Все эти обстоятельства показывают, что американо-китайские отношения в XXI в. в Индо-Тихоокеанском районе являются многоуровневыми. Американские элиты не хотят получать потенциального но-

вого коммунистического конкурента, который может оказывать воздействие на миропорядок.

Какие действия предпринимают США в Индо-Тихоокеанском регионе для противостояния конкурентам? В первую очередь, элиты США создают формальные условия, при которых американскому бизнесу будет легче продвигать свои товары и услуги, определив общие нормы торговли в странах этого региона. Главным образом, это касается правил работы при передаче данных между государствами. Подобные формальные рамки заставляют страны выбирать между США и Китаем.

Американские элиты хотят обеспечить права интеллектуальной собственности своих компаний, чтобы создать стабильный и постоянный спрос на их услуги в Индо-Тихоокеанском регионе. Кроме того, они опасаются, что технологический шпионаж КНР является реальной угрозой, которую необходимо предотвратить. Примечательно, что американские элиты проводят политику, противоречащую своим нелиберальным принципам, вводя односторонние санкции в отношении Китая в области микроэлектроники.

США стремятся создать альтернативные цепочки поставок товаров, инвестируя в инфраструктуру региона. Делается это для уменьшения зависимости американской экономики от производства в КНР. При помощи этого американский бизнес пытается заполучить рынки сбыта для полупроводников, продовольствия и энергоносителей.

Кроме того, американские элиты формируют вокруг КНР цепь недружественных стран, которые будут политически и экономически связаны с США. В то же время предполагается, что политики, журналисты, гражданские активисты из Юго-Восточной Азии будут активно поддерживать либерально-демократические ценности и выступать за усиление военного сотрудничества с западными странами. Главным доходом для подобных элит становится «рента с ненависти». Это ситуация, когда недоброжелательность страны к своему соседу на деньги США становится ключевым элементом политики того или иного государства и источником дохода для правящих элит.

Важная роль отводится созданию новых экономических союзов, как, например, Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) и U.S.-ASEAN Comprehensive Strategic Partnership. В рамках данных объединений американские элиты планируют прописать комфортные условия цифровой торговли и морских перевозок для

своего бизнеса. Практическое наполнение учрежденной в мае 2022 г. IPEF находится на стадии переговоров. В рамках данной инициативы провозглашаются четыре «столпа»: Честная и устойчивая торговля; Устойчивость цепочек поставок; Инфраструктура, чистая энергия и декарбонизация; Налоги и борьба с коррупцией [20].

На переговорах в сентябре 2022 г. в Лос-Анджелесе Индия, согласившись только на три столпа, отказалась от торговой составляющей. Согласно информации газеты «The Times of India», индийская делегация обеспокоилась по поводу обязательств, связанных с окружающей средой, и трудовых законодательств, которые могут быть не выгодны для развивающейся экономики [21]. Получение Индией дополнительных преференций или потенциальный выход из переговоров может серьезно изменить характер организации.

Стоит отметить, что американские элиты сталкиваются с многими трудностями для реализации своих планов. Джо Байден продвигает формальную структуру IPEF, настаивая на принципах свободной конкуренции, не стремясь открывать рынки США для партнеров. Майкл Грин, бывший американский чиновник, ныне работающий в Сиднейском университете, сравнивает инициативы США с «большим предметом мебели, скрепленным маленькими дюбелями» [22]. Получается ситуация, когда многие страны должны отказаться от экономических преференций сотрудничества с Китаем в угоду только потенциальных инвестиций со стороны США и Японии. При этом они получают ухудшение отношений со второй сверхдержавой мира и обострение существующих территориальных конфликтов.

Основной акцент США делают на взаимоотношения со странами АСЕАН, подчеркивая их статус «центральной части региональной архитектуры» в рамках стратегии. На переговорах 12 ноября 2022 г. США объявили, что в 2023 г. будут проводиться постоянные встречи на уровне министров обороны, торговли, транспорта для усиления интеграции между странами [23]. При этом в сентябре 2023 г. должно быть подписано новое торгово-инвестиционное соглашение между США и АСЕАН. Можно сказать, что американские элиты при помощи дешевых и доступных кредитов намерены финансово закабалить к доллару всю Юго-Восточную Азию. Тем самым они стремятся создать политико-экономическую зависимость развивающихся стран, повторив успех политики в Западной Европе при помощи плана Маршалла

после Второй мировой войны или в Восточной Европе после развала социалистического лагеря.

Отдельного внимания заслуживает увеличение капиталовложений в строительство инфраструктуры при помощи инициативы от стран «Большой Семерки» (G7) – Build Back Better World (B3W). США объявили о готовности продвигать «инфраструктуру высокого стандарта», ориентируясь на строительство телекоммуникации в Индо-Тихоокеанском регионе. 12 июня 2021 г. при объявлении о создании B3W Джо Байден заявил, что вместе с партнерами из G7 готов вложить 40 трлн долл. в инфраструктуру развивающихся стран [24]. Данная программа будет альтернативой китайской инициативе «Один пояс – один путь» в строительстве цифровой и портовой инфраструктур в Индо-Тихоокеанском регионе.

Если говорить о конкретных результатах, то стоит обратить внимание на торговую статистику. Так, продолжается процесс по наращиванию товарооборота со странами Индо-Тихоокеанского региона. Согласно торговой статистике США, импорт с 2018 г. вырос на треть, но распределение среди стран было неравномерное. Прирост импорта китайских товаров в 2022 г. из-за Торговой войны 2018 г. упал до 6%. При этом страны Юго-Восточной Азии показали значительный рост экспорта. Так, импорт товаров в США с 2018 г. из Индии и Индонезии вырос более чем на 60%, Бангладеш и Таиланда – более чем на 80%, а из Вьетнама – на 170% [25].

Американские элиты стремятся усилить военно-политические союзы, такие как «Четырехсторонний диалог по безопасности» (QUAD) и AUKUS. Кроме того, они усовершенствуют военно-политическое сотрудничество в двустороннем формате с Японией, Республикой Корея, Австралией, Филиппинами, Таиландом. Данное обстоятельство обеспечивает военное доминирование США в регионе и позволяет создать новые заказы американскому военно-промышленному комплексу.

При этом элита США достигает результатов не только в жесткой силе, но и в мягкой. Активно ведется подготовка политиков и лидеров общественного мнения при помощи инициативы «Mekong – U.S. Partnership» и «Young Southeast Asian Leaders Initiative» (YSEALI) в Юго-Восточной Азии для продвижения либерально-демократических традиций США [26]. Таким образом, американские элиты вмешиваются во внутренние дела суверенных стран, навязывая неолиберальные ценности. Подоб-

ные действия крайне опасны в Юго-Восточной Азии, поскольку это место сплетения религий и культур.

Следует отметить, что стремления американской элиты по сохранению своей гегемонии может предотвратить прагматичная политика других центров многополярного мира. Россия обладает потенциалом стать альтернативой для стран Индо-Тихоокеанского региона в сфере продовольственной и энергетической безопасности. Российская Федерация имеет давние связи с Юго-Восточной Азией, особенно в области образования. Вьетнамский лидер Хо Ши Мин и китайский реформатор Дэн Сяопин учились в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. Развитие студенческих обменов со странами Юго-Восточной Азии позволит создать альтернативу неолиберальным ценностям. Кроме того, строительство инфраструктуры на Северном морском пути создаст широкие возможности по доставке товаров в Индо-Тихоокеанский регион из Европы и России.

В итоге можно обозначить следующую стратегическую линию американских элит в Индо-Тихоокеанском регионе. Правительство США вместе с партнерами по G7 инвестирует большое количество средств в инфраструктуру транспортную, цифровую, энергетическую и образовательную. При этом предполагается, что будут выработаны формальные правила развития бизнеса, выгодные США, которые позволят сохранить систему неокOLONIALИЗМА. Рост населения и благосостояния Индо-Тихоокеанского региона создаст условия для появления 1,5 млрд человек, живущих по стандартам среднего класса. Это станет огромным рынком сбыта для высокотехнологичной продукции. При этом элиты США намеренно хотят навязать неолиберальные ценности в сложном этническом и религиозном регионе для противодействия развитию связей с Китаем, Россией и Ираном. Американские элиты предполагают, что на основе экономических союзов, таких как АСЕАН и ИРЕФ, будут построены устойчивые цепочки поставок, игнорирующие КНР и нацеленные на рынки США. Развитие электронной торговли по цифровым американским приложениям даст дополнительную точку роста, что обеспечит приток инвестиций для бизнеса США. Автор считает, что эффективным механизмом противодействия разрушительной американской политике могут стать только прагматичные скоординированные действия других центров многополярного мира.

Список литературы

1. Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 27.02.2023).
2. National security strategy // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 27.02.2023).
3. Heiduk F, Wacker G. From Asia-Pacific to Indo-Pacific Significance, Implementation and Challenges // German institute for International and Security Affairs. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2020RP09_IndoPacific.pdf (дата обращения: 27.02.2023).
4. Developing Asia Economies Set to Grow 5.2% this Year Amid Global Uncertainty // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/news/developing-asia-economies-set-grow-52-year-amid-global-uncertainty> (дата обращения: 27.02.2023).
5. Murray H. Southeast Asia's Challenge of Decarbonizing While Growing Rapidly // Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/southeast-asias-challenge-decarbonizing-while-growing-rapidly> (дата обращения: 27.02.2023).
6. National Defense Strategy of The United States of America // U.S. Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (дата обращения: 27.02.2023).
7. Индо-Западно-Тихоокеанская область // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 10 : Ива – Италики. М. : Советская энциклопедия, 1972. С. 234–235.
8. Яньбинь У. Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» и «Индо-Тихоокеанская стратегия» США: формирование, развитие и китайские взгляды // Мировая политика. 2022. № 1. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2022.1.35735>
9. Medcalf R. Indo-Pacific Empire: China, America and the contest for the world's pivotal region. Manchester : Manchester University Press, 2020. 320 p.
10. «Confluence of the Two Seas». Speech by H. E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India // Ministry of foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (дата обращения: 27.02.2023).
11. America's Engagement in the Asia-Pacific // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/150141.htm> (дата обращения: 27.02.2023).
12. Clinton H. Security and Opportunity for the Twenty-first Century // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/security-and-opportunity-twenty-first-century> (дата обращения: 27.02.2023).
13. A free and open Indo-Pacific Advancing a Shared Vision // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (дата обращения: 27.02.2023).

14. Шахид В. Азиатско-Тихоокеанский регион или Индо-Тихоокеанский регион? // Валдайский клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aziatsko-tikho-okeanskiy-ili-indo-tikhookeanskiy/> (дата обращения: 27.02.2023).
15. Goodman M. P., Reinsch W. A. Filling in Indo-Pacific Economic Framework // Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/filling-indo-pacific-economic-framework> (дата обращения: 27.02.2023).
16. Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-organizations/asia-pacific-economic-cooperation-аpec> (дата обращения: 27.02.2023).
17. Blinken A. J. A Free and Open Indo-Pacific // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific/> (дата обращения: 27.02.2023).
18. Staprán N. The Prospects of Russian Economic Projects in Southeast Asia. МГИМО. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DgK7gtrbC-k> (дата обращения: 27.02.2023).
19. Wei L. China Reins in Its Belt and Road Program, \$1 trillion later // The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-belt-road-debt-11663961638> (дата обращения: 27.02.2023).
20. The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity: Biden-Harris Administration's Negotiating Goals for the Connected Economy (Trade) Pillar // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2022/september/indo-pacific-economic-framework-prosperity-biden-harris-administrations-negotiating-goals-connected> (дата обращения: 27.02.2023).
21. India stays out if Indo-Pacific trade pillar // The Times of India. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/why-india-opted-out-of-joining-trade-pillar-of-ipef-for-now/articleshow/94106662.cms#:~:text=LOS%20ANGELES%3A%20India%20has%20chosen%20to%20opt%20out,the%20same%20to%20issues%20like%20environment%20and%20labour> (дата обращения: 27.02.2023).
22. Reinventing the Indo-Pacific // The Economist. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/01/04/reinventing-the-indo-pacific> (дата обращения: 27.02.2023).
23. ASEAN-U.S. Leaders' Statement on the Establishment of the ASEAN-U.S. Comprehensive Strategic Partnership // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/12/asean-u-s-leaders-statement-on-the-establishment-of-the-asean-u-s-comprehensive-strategic-partnership/> (дата обращения: 27.02.2023).
24. FACT SHEET: President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/> (дата обращения: 27.02.2023).
25. Who wins from the unravelling of Sino-American trade? // The Economist. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/11/06/who-wins-from-the-unravelling-of-sino-american-trade> (дата обращения: 27.02.2023).
26. Mekong – U.S. Partnership. URL: <https://mekonguspartnership.org/> (дата обращения: 27.02.2023).

Поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 15.05.2023

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 357–362
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 357–362
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-357-362>,
EDN: TGHJAG

Рецензия
УДК 327.51

Ретроспективный анализ и перспективы развития оперативного мышления НАТО

Рецензия на: *Лауч З. Основы оперативного мышления НАТО. Ретроспективный анализ оперативного мышления 80-х гг. и оценка перспектив развития. М. ; Тула : Аквариус, 2022. 268 с.*

Б. О. Корепанов

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

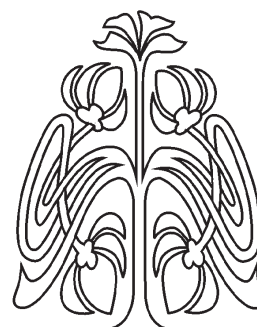
Корепанов Борис Олегович, кандидат филологических наук, доцент Военного учебного центра, korepanov@linguanet.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3339-5693>

Аннотация. В статье рецензируется монография З. Лауча «Основы оперативного мышления НАТО. Ретроспективный анализ оперативного мышления 80-х гг. и оценка перспектив развития». Дается краткое представление об авторе. Рассматриваются его подходы к основным понятиям, определяющим оперативное мышление как комплексный феномен. Отмечается, что автор использует в своих размышлениях точки зрения как западной, так и советской военной науки. Анализируются рассуждения З. Лауча о роли Германии в многонациональной структуре альянса в последнее десятилетие холодной войны. Рассматривается эволюция оперативного мышления НАТО от доктрины воздушно-наземного боя 1980-х гг. до когнитивной войны (cognitive warfare) в шестой операционной области в XXI в. Затрагивается понятие концепции так называемой малой войны во взглядах Организации Североатлантического договора, роль оперативного командования в ее ведении. Особое внимание уделяется анализу отношений между рамочными государствами Североатлантического альянса и их роли в развитии оперативного мышления на современном этапе. В частности, подчеркивается роль Германии как центра тылового обеспечения всего альянса на территории Европы. Отмечается важность перевооружения бундесвера, повышения его авторитета в глазах населения страны и на общеевропейском уровне. Подчеркивается необходимость формирования взаимосвязи между военными доктринами всех стран-участниц альянса, утверждения единых стандартов боевой и оперативной подготовки. Это направление развития имеет первоочередное значение для США, Франции, Великобритании, Германии и Италии. Автор отмечает, что западная и восточная модели оперативного мышления обладали концептуальным сходством по содержанию и охвату.

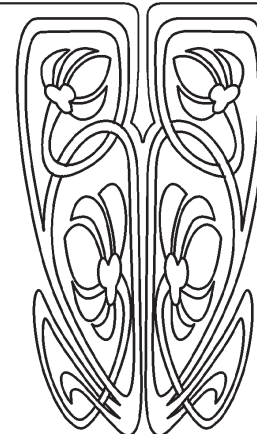
Ключевые слова: военная наука, оперативное мышление, НАТО, Организация Варшавского договора, военная доктрина, оперативное управление, военная операция

Для цитирования: *Корепанов Б. О. Ретроспективный анализ и перспективы развития оперативного мышления НАТО // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 357–362. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-357-362>, EDN: TGHJAG*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Review's report

Retrospective analysis and prospects for further development of NATO operational thinking

Review for: Lauch Z. *The Fundamentals of NATO Operational Thinking. A Retrospective Analysis of Operational Thinking in the 80s and Assessment of Development Prospects*. Moscow, Tula, Aquarius, 2022. 268 p. (in Russian)

B. O. Korepanov

Moscow State Linguistic University, 38, bld. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Boris O. Korepanov, korepanov@linguanet.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3339-5693>

Abstract. This article reviews Z. Lausch's monograph "The Foundations of NATO Operational Thinking. A Retrospective Analysis of Operational Thinking in the 80s and Assessment of Development Prospects". A brief introduction to the author is given. His approaches to the basic concepts defining operational thinking as a complex phenomenon are reviewed. It is noted that the author uses the points of view of both Western and Soviet military science in his reflections. The author analyses Z. Lausch's reflections on Germany's role in the multinational alliance structure during the last decade of the Cold War. The evolution of NATO operational thinking from air-to-ground combat doctrine in the 1980s to cognitive warfare in the sixth operational domain in the 21st century is examined. The concept of „petty warfare" in the views of the North Atlantic Treaty Organization and the role of operational command in its conduct are touched upon. Particular attention is paid to analyzing the relationships between the framework states of the North Atlantic Alliance and their role in the development of operational thinking at the present stage. In particular, the role of Germany as a logistics centre for the entire alliance in Europe is emphasised. The importance of rearming the Bundeswehr and enhancing its credibility in the eyes of the population and at European level is noted. It underscores the need to forge links between the military doctrines of all alliance members and to adopt uniform standards for combat and operational training. This direction of development is of primary importance for the USA, France, the UK, Germany and Italy. The author notes that the Western and Eastern models of operational thinking had conceptual similarities in content and scope.

Keywords: military science, operational thinking, NATO, Warsaw Pact Organization, military doctrine, operational control, military operation

For citation: Korepanov B. O. Retrospective analysis and prospects for further development of NATO operational thinking. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 357–362 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-357-362>, EDN: TGHJAG

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях стремительных изменений геополитической обстановки и нарастания цивилизационного противоборства особую роль во всех его проявлениях приобретает такое направление, как лингвистическое обеспечение военной деятельности. На базе Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) на протяжении 90 лет осуществляется подготовка высококвалифицированных военных переводчиков в интересах различных силовых структур России. Ввиду малого количества качественных переводных изданий иностранной военной литературы на русский язык в настоящее время нарастает проблема понимания логики и образа мышления ключевых игроков мировой политики, на что обращают внимание российские авторы [1, 2]. В МГЛУ осознают важность и актуальность задачи по переводу военной литературы и документов стратегического планирования, а также их анализа. Примером служит перевод рецензируемой в данной статье монографии, подготовленной выпускницей кафедры политологии университета С. С. Дмитриевой, а также проведенный в университете научный семинар «Перевод военно-научной литературы в современной России: состояние, перспективы, потенциал МГЛУ», в результате которого участники при-

шли к выводу о необходимости государственной поддержки соответствующей деятельности.

Автор монографии Зигфрид Лауч – полковник Национальной народной армии (ННА) Германской Демократической Республики (ГДР) с опытом службы в Министерстве обороны ГДР. После объединения Германии в 1990 г. продолжил военную службу в штабных структурах бундесвера. Таким образом, З. Лауч, будучи дипломированным военным специалистом, выпускником Военной академии им. М. В. Фрунзе и впоследствии сотрудником Гамбургской военной академии бундесвера, стал свидетелем развития оперативного мышления и оперативной работы штабов как Организации Варшавского договора (ОВД), так и Организации Североатлантического договора (НАТО). Это в полной мере нашло отражение в настоящей монографии.

Монография состоит из 14 глав и 8 приложений. Отметим появление во втором издании монографии новой главы «Оперативное мышление: тенденции развития», посвященной не только ретроспективному анализу событий последнего десятилетия холодной войны, но и новым направлениям развития оперативно-го мышления Североатлантического альянса (с. 168–198).

Оперативное мышление: сущность понятия

Монография посвящена такому сложному и комплексному феномену, как *оперативное мышление*. Отмечается, что оперативное мышление может рассматриваться в самых разнообразных научных сферах, будь то экономика, политика или военная наука. Тем не менее, автор стремится раскрыть сущность данного понятия именно с военной точки зрения как западной военной науки, так и советской. Сама концепция оперативного мышления имеет глубокие исторические корни. Свои определения предлагали различные видные полководцы и военные деятели (с. 56). Отличительной чертой стал тот факт, что автор анализирует оперативное мышление с опорой на официальные военные документы, а именно воинские уставы бундесвера (Heeresdienstvorschrift 100/100) и сухопутных войск США (Field Manual 100-5), чего прежде не предпринималось.

Оперативное мышление рассматривается не столько как мыслительная деятельность, в ходе которой военное руководство страны или альянса анализирует сложные взаимосвязи, сколько как разработка новых конкретных концепций применения вооруженных сил в ходе боевых действий. В такой работе должны учитываться не только геополитические знания о театре военных действий и направлении оперативной деятельности, но и понимание всех составляющих военного искусства – стратегической, оперативной и тактической (с. 29).

В монографии подробно раскрывается понятие операции: военная операция как часть военной кампании представляет собой ряд взаимосвязанных боевых действий и является предметом оперативного мышления. Отмечается, что планирование операции организовывалось на уровне армии или групп армий, а за ее проведение отвечали корпуса и дивизии. В ходе планирования операции (как одного из ключевых элементов оперативного мышления) от командования в особенности требовались дальновидность, предусмотрительность и глубокое понимание взаимосвязей средств (например, использование оружия массового поражения) и целей, которых планировалось достичь в ходе конкретной операции (с. 31). Кроме того, автор подчеркивает, что подходы обоих блоков к определению понятия «операция» не имели каких-либо существенных различий.

По мнению автора, оперативное мышление способствует оценке возможных последствий применения ядерного, высокоточного оружия и других современных боевых комплексов. Это

позволяет сделать вывод о том, что оперативное мышление представляет собой гибридный феномен: с одной стороны, это целостный подход к разработке принципов подготовки и ведения операции (боя), а с другой – процесс непосредственного управления войсками, координация действий войск в ходе общевойсковой боя, а также анализ результатов всех этих действий в совокупности (с. 33).

В главе 4 «Процесс управления» автор обращается к понятию «управление». Устойчивый процесс управления опирается на непрерывное получение достоверной информации, оценку оперативной обстановки, координацию действий всех задействованных сил, отдачу приказов и, конечно же, осуществление контроля за их исполнением. Как отмечает автор, процесс управления в НАТО на тактическом уровне определялся и при активном участии ФРГ, при этом разные члены альянса придерживались разных подходов к процессу управления. Однако уже в 1980-х гг. в НАТО для подготовки решений активно использовались несложные ИТ-системы американского производства, что облегчало работу по синхронизации действий многочисленных воинских формирований разного национального подчинения.

Как отмечается в главе 6 «Военные вызовы», основной оперативной концепцией армии США в 1980-х гг. была так называемая доктрина воздушно-наземного боя (AirLand Battle), которая описывала боевые действия и особенности ведения войны в трех сферах, подчеркивая необходимость проведения сухопутных операций при поддержке военно-воздушных сил. В данном контексте стоит отметить эволюцию оперативного мышления НАТО на современном этапе развития, а именно переход к новой, так называемой концепции «Всеобъемлющей операции» Multi-Domain Operation:

а) «Многосферное сражение: эволюция совместных действий видов вооруженных сил в XXI веке (2025–2040 годы)»;

б) «Сухопутные войска США в многосферных операциях–2028»;

в) «Формирования сухопутных войск США от дивизии и выше в бою (операции) (2025–2045 годы)» [3].

До недавнего времени НАТО выделяло пять операционных областей: воздух, земля, море, космос и киберпространство. Напомним, что с 2021 г. Североатлантический альянс активно продвигает идею о ведении так называемой когнитивной войны (cognitive warfare) в шестой операционной области – в «человеческой сфере», иными словами, войны за человеческий разум.

Разногласия внутри альянса

Особый интерес представляют размышления автора об отношениях стран-участниц НАТО и их отличающихся подходах к базовым аспектам оперативного мышления. Отчасти децентрализованный подход к организации коллективной обороны альянса обусловлен не в последнюю очередь историческим контекстом. Для обеспечения эффективного взаимодействия на оперативном уровне по политическим, экономическим и военным вопросам требовалась координация действий ОВС НАТО и национальных корпусов. В связи с многонациональным составом ОВС и национальными особенностями возникали объективные проблемы с выработкой единой оперативной доктрины и, следовательно, единого оперативного мышления. Концепция обороны была довольно сложной и ставила перед командованием оперативного и тактического уровней серьезные трудности, в особенности с учетом того, что в НАТО не осуществлялось ни планирования, ни отработки сценария «2-го сражения». Этот факт свидетельствовал о том, что в случае начала боевых действий и введения в бой 2-го эшелона ОВС ОВД избежать прорыва переднего края обороны не удастся, и боевыми действиями будет охвачена вся территория ФРГ, что, естественно, не могло не тревожить немецкую сторону, которая никак не хотела мириться с потерей своих территорий. В этой связи ФРГ планировала начать консультации с союзниками о применении ядерного оружия с целью преднамеренной эскалации и, как следствие, сдерживания противника и прекращения боевых действий. Однако, несмотря на то, что вопрос применения ядерного оружия всегда был частью оперативного планирования, в конечном итоге политико-стратегическая цель сдерживания имела смысл только до начала войны. К тому же реализация преднамеренной эскалации, которая предполагала постепенное увеличение напряженности, была сопряжена с большими трудностями, поскольку все три ядерные державы (США, Великобритания и Франция) сохраняли суверенное право распоряжаться своим ядерным оружием.

Отсутствие в НАТО до середины 1980-х гг. единого оперативного мышления и единого плана действий подтверждает и тот факт, что у национальных корпусов не было единого оперативного управления. Совместные наземные и воздушные операции не были согласованы с точки зрения общих целей и имеющихся в распоряжении сил и средств.

Особое внимание автор уделяет ментальным различиям немецких и британских военачальников. Будучи представителями разных культур, с одной стороны – континентальной державы, а с другой – морской, они ориентировались исключительно на собственные интересы. Особенно остро эта дисгармония внутри Североатлантического альянса проявлялась в вопросе организации передовой обороны. Существовала угроза, что она не сможет быть реализована ни в политическом, ни в военном плане. Согласно национальным интересам Германии, ее территория не должна была рассматриваться исключительно как оперативное пространство для достижения оборонительных целей альянса. Однако союзники разделяли эти интересы лишь в той мере, в какой им это требовалось для защиты своих собственных земель за счет использования германской территории. Как пример, приводимый в монографии, – позиция Бельгии, Нидерландов, Франции, Великобритании и США относительно наступления войск ОВД на Рейне. Вариант развития событий, когда бы все наступление ОВС ОВД свелось к «стоянию» на Рейне, устроил бы всех вышеуказанных членов альянса. В то время как Германия стремилась к проведению оборонительных действий исключительно в непосредственной близости от восточной границы, без продвижения в глубину. Несмотря на то что де-юре Украина сегодня не является членом НАТО, фактически мы можем наблюдать схожую картину, когда эта страна становится фактически буферной зоной на восточной границе альянса, предназначение которой и заключается в сдерживании противника на ее территории.

В то же время, как подчеркивает автор, у ОВД существовали единая военная теория, доктрина, структура управления, военное искусство, одинаковые принципы боевого применения и военной подготовки, общее вооружение и военная техника, а большинство военных документов, разработанных советским командованием, были зачастую просто переведены на немецкий.

Современные тенденции развития оперативного мышления НАТО. Роль ФРГ

В новой главе второго издания «Оперативное мышление: тенденции развития» автор переносит фокус своего исследования с ретроспективного анализа оперативного мышления НАТО в конце холодной войны на современные тенденции развития. Особое внимание уделяется роли Германии в этом сложном процессе.

По мнению автора, несмотря на тяжелое бремя истории, требующее от Германии определенной сдержанности, сегодня, в XXI в., страна должна участвовать в деле стабилизации и сохранения мира в рамках различных зарубежных миссий под эгидой ООН, ЕС и НАТО с использованием своих вооруженных сил. Такие решения должны обсуждаться в правительстве и приниматься бундестагом вне зависимости от «срезиссированных разговоров о конституции», не претендующих на объективность (с. 170). З. Лауч объясняет свою позицию тем, что сегодня Германии нельзя ограничиваться лишь «дипломатией, правом и воззванием оппонентов к разуму». В современном мире ФРГ должна не только быть готова к боевому применению военной силы, но и продолжать принимать активное участие в развитии оперативного и тактического мышления Североатлантического альянса. Ввиду парадигматических сдвигов уже сегодня в оперативном мышлении требуется интеллектуальная и техническая гибкость. Необходимо внедрять немецкое концептуальное видение в англоязычный профессиональный дискурс, что позволит реализовать потенциал немецких военачальников, стремящихся внести свой вклад в развитие западной военной науки. При этом опираться стоит в том числе на концепцию, предложенную еще в конце 1980-х гг. главнокомандующим ОВС НАТО в Центральной Европе Хансом-Хенningом Зандартом. Он предложил отказаться от концепции передовой обороны в Центральной Европе, предполагающей создание слоеного пирога из изолированных национальных объединений на узкой полосе обороны.

Такая позиция автора относительно особой роли Германии, в том числе в рамках НАТО, созвучна всему современному военно-политическому дискурсу ФРГ последних 10–15 лет. Тезис о том, что «Германия готова и должна принимать на себя больше ответственности», звучит все чаще как в речах немецких политиков, так и в доктринальных документах страны. Несмотря на кажущуюся безобидность или даже «беззубость» лозунга, представляется, что здесь скрыт совсем иной смысл: под «ответственностью» скрывается стремление к лидерству, к роли ведущей страны на европейском континенте «от Лиссабона до Владивостока», к управлению всеми процессами, в том числе военными.

В монографии отмечается, что в современных условиях деятельность НАТО за пределами европейского континента будет сфокуси-

рована на так называемой концепции «малой войны», которая предполагает локализацию военного конфликта за счет тактических действий сил международных организаций. При этом оперативное командование будет заниматься согласованием действий международных организаций, логистикой, ротацией сил, координировать использование общих ресурсов, а не осуществлять тактическое управление боями. Бой, как и прежде, будет рассматриваться как основная форма тактических действий сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил и как единственное средство достижения победы над противником в условиях военного противостояния.

Сегодня боевое применение бундесвера представляется автору даже более вероятным, чем во времена холодной войны. В этой связи необходимо превратить Вооруженные силы ФРГ в надежный и эффективный политический инструмент, который может быть задействован в рамках альянса и на международном уровне. Для этого потребуются ряд необходимых материальных вливаний и, разумеется, идеологическая работа с населением Германии. Отмечается, что следует не только укреплять бундесвер, но и повышать его авторитет в глазах граждан, в том числе и на общеевропейском уровне.

В этом контексте нельзя не упомянуть тот факт, что после приостановления всеобщей воинской обязанности в 2011 г. бундесвер испытывает серьезные сложности с набором добровольцев, не в последнюю очередь благодаря не самому положительному имиджу среди населения. На это влияют в том числе постоянные скандалы, тиражируемые в немецких СМИ, связанные с неонацистами в рядах военнослужащих, ужасное состояние казарм, боевой техники и т.д.

Еще один тезис, который, по мнению автора, заслуживает внимания, посвящен роли так называемых рамочных государств в составе НАТО. Так как одним из главных условий успешного проведения совместных военных операций является объединение потенциалов разных стран, требуется осуществлять оперативное управление не только на военном, но и на политическом уровне. В этой связи необходимо постоянно работать над пониманием возникающих внутри альянса проблем и их решением. В качестве примера автор приводит организацию борьбы с угрозами и вызовами в киберпространстве. Так, в некоторых вооруженных силах стран НАТО для этих целей существуют отдельные межвидовые компоненты,

например войска защиты кибер- и информационного пространства бундесвера (Cyber- und Informationsraum der Bundeswehr), а в других отсутствуют вовсе. Поэтому именно рамочные страны должны отвечать за оперативное мышление всего альянса, а остальные страны должны фокусироваться исключительно на решении тактических задач.

Автор подчеркивает роль Германии как центра тылового обеспечения всего альянса на территории Европы. Без материально-технического обеспечения невозможно проведение ни учений, ни боевых операций. В будущем оперативные районы для контингентов НАТО могут находиться на расстоянии в несколько тысяч километров от территории Германии. Необходимо будет обеспечивать транспортировку сил и средств по суше, воде и воздуху, что также требует отдельного тщательного планирования, подготовки специально обученного личного состава, технической оснащенности, взаимодействия с гражданскими структурами и т.д. Для всего этого потребуется увеличение оборонного бюджета, что мы можем наблюдать уже сегодня – выделение специального фонда в 100 млрд евро на нужды бундесвера в 2022 г.

3. Лауч приходит к выводу, что хотя НАТО и ОВД имели в целом разные взгляды на политику безопасности, западная и восточная модели оперативного мышления по содержанию и охвату имели много общего. В основе обеих моделей лежала необходимость думать на несколько шагов вперед. Помимо этого, обе стороны в одинаковой степени были нацелены на достижение успеха военной операции, основой которого рассматривались три составляющие: а) компетентные военачальники на всех уровнях; б) понятная концепция ведения военной кампании; в) достаточное количество сил и средств.

Косвенным подтверждением концептуального сходства подходов обоих блоков к оперативному мышлению служит представленный в Приложении № 6 глоссарий военных терминов, используемых в бундесвере и ННА (в переводе монографии на русский язык также представлены русские эквиваленты). Несмотря на некоторые отличия в терминологии, по сути, командования обеих сторон оперировали одними и теми же понятиями.

В современных условиях оперативное мышление в рамках НАТО, как неотъемлемое условие эффективной деятельности этой многонациональной структуры, требует приведения к общему знаменателю военных доктрин всех стран-участниц альянса. Все военнослужащие должны проходить боевую и оперативную подготовку по единым стандартам. Особое значение развития единого оперативного мышления как элемента военной культуры подчеркивается в первую очередь для рамочных государств организации, таких как США, Франция, Великобритания, Германия и Италия.

Список литературы

1. Белозёров В. К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // *Власть*. 2020. Т. 28, № 1. С. 19–26. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7036>
2. Белозёров В. К. Военная картина мира как детерминант обеспечения национальной безопасности России // *Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций* / под общ. ред. С. В. Устинкина, А. В. Никитина. М. : Русайнс, 2023. С. 18–35.
3. Шнырков Д. Концепция «Всеобъемлющая операция» // *Армейский сборник*. 27 августа 2021 г. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/337565/> (дата обращения: 01.02.2022).

Поступила в редакцию 29.03.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 29.03.2023; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 15.05.2023

ISSN 1818-9601

23003

9 771818 960107

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2023. Том 23, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

